ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Ю.Б. Щегловин

Размышления об «Исламском государстве»

Москва 2016

Научное издание

Ю.Б.Щегловин
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ «ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ»
М., 2016. 216 с.

ISBN 978-589394-275-0

ISBN 978-589394-275-0

© Институт Ближнего Востока, 2016
© Ю.Б.Щегловин, 2016

Оглавление

Предисловие издателя 4

Введение 7

Глава 1
Возникновение «Исламского государства» (ИГ) 11

Глава 2
«Аль-Каида» и «Исламское государство».
Их зарубежные спонсоры 39

Глава 3
Структура и тактика «Исламского государства» 67

Глава 4
Финансовые источники существования ИГ 112

Глава 5
Пропаганда «Исламского государства» 140

Глава 6
Возможность экспансии ИГ в Россию.
Перспективы борьбы с ИГ 159

Заключение 176

Предисловие издателя

Предлагаемая вниманию читателя книга уникальна. Не потому, что она посвящена теме, о которой говорят и пишут десятки авторов – террористическому «Исламскому государству». Но потому, что автор знает о чём пишет на основании собственного опыта. Он использует источники, о которых слыхом не слыхивало большинство людей, разрабатывающих хлебную тему терроризма. Анализирует тактику и стратегию террористов и их спонсоров в мелких деталях, со знанием реалий региона. Позволяет себе быть более чем неполиткорректным там, где считает это бессмысленным, а иногда и преступным.

Это книга не только о терроризме и террористах, но и о причинах и первоисточниках их появления в Ливии, Сирии и Ираке. Об их взаимосвязи и взаимозависимости с Турцией, Катаром и Саудовской Аравией – почтенными членами «мирового сообщества». О подлинных источниках их финансирования. Об их системе пропаганды и причинах её успеха. О том, что представляет собой их внутренняя структура, и том, почему она устроена именно так, как устроена. Об их реальных возможностях и о том, как с ними эффективно бороться – не на страницах таблоидов, а в реальной жизни.

Читатель встретит подробное описание первых шагов современных террористических империй и обстоятельств, которые позволили им встать на ноги. В книге нет и не будет ни идеологии, ни укоренившихся в международных средствах массовой информации мифов, ни журналистских штампов. Только информация, объективная, спокойная и выверенная на протяжении всех тех лет, когда автор боролся с терроризмом или анализировал это явление

с позиции профессионала экстра-класса, блестяще знающего страны и регионы, о которых он пишет – раз уж теперь у него есть время писать.

Профессионалы редко пишут книги о проблемах, которыми заняты по долгу службы. Разве что уйдя в резерв. Но если уж пишут, их работы качественно отличаются от беллетристики. Художественный вымысел зачастую куда шире распространён, но книга о терроризме, написанная человеком, боровшимся с терроризмом на деле, на порядок ценнее для читателя. Особенно для читателя-профессионала. Всё это в полной мере относится к работе, которой посвящено настоящее предисловие и пишущий эти строки президент ИБВ, может только позавидовать тем, кто собирается погрузиться в её текст.

Пересказывать содержание бессмысленно – книга читается на одном дыхании. Она даёт реальную картину происходящего и как бы некомплиментарна она была для многих власть имущих в России и за её пределами, настолько точно описывает современное состояние исламистской террористической угрозы, насколько это можно сделать без опасения повредить оперативной работе. Никаких ограничений, связанных с описанием реалий происходящего в той или иной стране или регионе, исходящих из ура-патриотизма в ней нет. Как и ограничений ведомственных, призванных «спасти честь» того или иного мундира. На её страницах каждый получает всё, что заслужил.

Автор книги – российский гражданин и описание потенциальных угроз России для него важная часть работы. Но и здесь он максимально объективен и не подвержен ни паническим настроениям, ни шапкозакидательству, обычным для определённых категорий отечественной публики. И доверять его оценкам стоит, как бы они ни раздражали чиновников, боящихся того, что высокое начальство ненароком обратит внимание на то, что творится по их вине в подведомственных им регионах куда больше террористической угрозы. Благо после выхода в свет настоящей книги обратит обязательно...

Читателя ждут названия десятков радикально-террористических организаций и структур, с большинством из которых ему вряд ли понравилось бы столкнуться лично. Сотен жутких персонажей – не вымышленных, подлинных, словно сошедших со страниц средневековых хроник, с той лишь поправкой, что они являлись, а некоторые и до сих пор являются нашими современниками. И если они победят, наш мир погрузится в кошмар, где правят религиозные фанатики, не останавливающиеся ни перед чем. Для того, чтобы этот кошмар не стал новой реальностью и написана эта книга. Жёсткая, откровенная и абсолютно правдивая.

Евгений Сатановский,
президент Института Ближнего Востока

Введение

В данной книге мы постараемся рассмотреть вопросы, связанные с истоками возникновения и деятельности феномена «Исламского государства» (запрещено в России) (ИГ). Это явление, которое многие эксперты и политологи объявили чуть ли не началом «новой цивилизации», требует своего осмысления. Мы не будем уподобляться паническим настроениям и пытаться анализировать деятельность ИГ как некой глобальной чумы, безусловно, несущей смерть цивилизованному миру. Но это, без всяких сомнений, является цивилизационным вызовом тому общественному устройству, которое мы условно называем «демократией европейского образца». Такие вызовы не являются ничем принципиально новым и неизведанным. Ранее такой же вызов назывался «Аль-Каида», которая в принципе отличалась от ИГ только тактическими схемами и, конечно, ориентированностью на иных внешнеполитических спонсоров. Вопрос в данном случае не в названиях. Исламистская идеология, общую суть которой мы рискнем обозначить как «возвращение к истокам», в данном случае является просто универсальным механизмом объединения недовольных своим социальным положением масс. Последние остро нуждаются в механизмах, которые давали бы простые и универсальные рецепты достижения «справедливого устройства общества». Если угодно, сама активизация этого направления идеологического обоснования «всеобщей справедливости» свидетельствует, что все предыдущие модели устройства самых молодых государственных образований в мусульманском мире потерпели крах. И не только при помощи США, но и в связи с назревшими

внутренними кризисами. Основанные на жесткой автократии, эти модели исповедовали различную условно светскую идеологию, начиная от «арабского социализма» и заканчивая формами абсолютной монархии.

«Арабская весна» ввергла страны Ближнего Востока и Магриба в новый этап тектонических сдвигов. Старая система диктаторских режимов, которая несколько десятилетий являлась надежным средством сдерживания пассионарности масс, рухнула, а вакуум власти был заполнен на первом этапе «Братьями-мусульманами». Затем начались процессы «утрясания» этих новых моделей управления, которые завершились где полной анархией, как в Ливии, где отскоком назад к военному режиму, как в АРЕ, где относительно мирным приходом к власти «светских партий», как в Тунисе. Но общий момент неопределенности и незавершенности этого переходного периода остался, и он, безусловно, стимулирует приток новых сил в исламские группы самого различного толка.

Уход старых диктаторов, которые во многом являлись системообразующими стержнями всей системы сдержек и противовесов не только внутри своих стран, но и всего региона, привел к началу эпохи политической неопределенности и нестабильности. Отстранение старой политико-экономической элиты привело к элементарному переделу рынка, а «пряников вечно не хватает для всех». Отсюда новые вспышки недовольства, укрепляющееся в народе мнение о «проданных идеалах революции» и, естественно, поиски новых путей достижения все той же «социальной справедливости». Сами по себе такие настроения не рождают джихад в массовых масштабах. Это лишь «питательный бульон» для того, чтобы стимулировать это явление с помощью денег и политической воли. Без вкачивания в этот процесс финансов и соответствующего желания руководства тех или иных стран делать это всяческие революционные настроения в большинстве случаев останутся выбросом

пара в воздух. По крайней мере, в масштабах всего мусульманского мира. «Франшизы» ИГ по всему Ближнему Востоку и Африке в данном случае не стоит рассматривать как некий единый процесс с централизованным командованием и вертикальной интегрированностью. Эти «франшизы» используют только бренд, который благодаря успехам сторонников ИГ в Ираке и Сирии приобрел характер маяка и имидж «успешного эксперимента».

Вертикально интегрированная организация отличается от того, что мы сейчас наблюдаем на примере ИГ или «Аль-Каиды», одним важным обстоятельством – центральным финансированием и, соответственно, управлением. Ничего подобного ИГ не демонстрирует. А это вновь заставляет вернуться к четкому выводу о том, что природа этого явления сугубо национальная, а идеологические программы о «всемирном халифате» являются не более чем попыткой привлечения иностранных бойцов под свои знамена. И в общем-то совершенно не случайно во время входа «без боя» отрядов организации в Мосул восторженное население наряду с портретами лидера ИГ Абу Бакра аль-Багдади вывесило портреты одного из сподвижников С.Хусейна – Иззата Ибрагима ад-Дури. Последний, по нашей оценке, сыграл одну из центральных ролей в консолидации суннитского сопротивления и организации его «наконечника копья» в лице ИГ. Вообще без баасистских кадров из армии и спецслужб никакой экспансии ИГ просто бы не было.

Подводя первый итог, обозначим главную цель написания данной книги – показать именно этот национальный характер ИГ, что сразу же ставит крест на всех попытках объявить подобного рода явления «приходом новой цивилизации». Новая цивилизация не может смотреть назад в тринадцатый век и использовать законы жизнеустройства, которые более подходят для средневековья. Новая цивилизация всегда предлагает некий качественный скачок культуры, науки и государственного устройства. ИГ не предлагает ничего подобного. Оно

вообще не предлагает ничего такого, к чему следовало бы стремиться. Борьба с социальным неравенством и несправедливостью не может быть реализована в 21 веке способами ранней инквизиции. И само по себе это свидетельствует о том, что перспективы ИГ с точки зрения создания какой-то жизнеспособной системы государственного устройства очень плачевны. Эта организация не возникла для решения планетарных проблем и не претендует на роль проводника мировой идеологии. Это аппарат для решения сиюминутных, в исторической перспективе, проблем той или иной властной группы в том или ином государстве, и не более того.

Глава 1

Возникновение «Исламского государства» (ИГ)

Главная первопричина возникновения этого явления, которое стало известно сначала как «Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), а позже – просто «Исламское государство» (ИГ), произошла в 2003 году. Именно в этот период американская администрация президента Дж.Буша-младшего планировала и осуществила вторжение в Ирак. Как предполагается, решение об этом вторжении было принято окружением Дж.Буша спонтанно, без всякой какой-либо весомой причины. Под последней мы имеем в виду не желание Буша-сына доделать до конца «недоделанное» его отцом, что относится больше к области амбиций и личностных комплексов, а серьезные вызовы в области национальной безопасности. Пробирка с иракским биологическим оружием, которой тогдашний госсекретарь США К.Пауэлл потрясал в ООН, естественно, таковой причиной не является.

Не гадая на кофейной гуще, стараясь вообразить себе истинные мотивы действий Дж.Буша-мл., остановимся пока на одном принципиальном последствии этого шага, которое имеет отношение к нашему исследованию. А именно: американская интервенция самым кардинальным образом нарушила сложившийся в Ираке баланс сил. Он предусматривал политическое и военное доминирование суннитов, что, помимо всего прочего, являлось главным естественным противовесом шиитскому Ирану. Иракские шииты, число которых в общем демографическом составе Ирака составляло более пятидесяти про-

центов, являлись на тот период времени неким «угнетаемым» сегментом общества. В шиитских районах, конечно, не было массового вооруженного сопротивления, но ряд проиранских групп действовал на юге страны, правда, без особого успеха.

Свержение С.Хусейна и отстранение баасистов от власти привели к смене приоритетов в государственной машине и усилению в ней шиитско-курдской доли. При этом, как мог предположить даже студент-первокурсник, курды тут же начали успешный процесс государственного обособления, а шииты монополизировали все властные и экономические рычаги в своих руках. Не надо быть «семи пядей во лбу», чтобы понять, что абсолютное большинство шиитской элиты было заранее запрограммировано на ориентацию на Тегеран. Иранское влияние в этой связи возросло максимально, а все попытки американцев установить некую справедливую систему пропорционального представительства в государственной иерархии всех этноконфессиональных групп Ирака потерпели провал. Просто в силу местной политической культуры, которая не терпит никаких компромиссов со своими политическими оппонентами, особенно если очень долгий период времени отношения между ними были как «у кошки с собакой». С какой стати шииты будут делиться властью с суннитами – конфессиональной группой, которая долгое время откровенно прессовала их по всем направлениям? Тем более, что Тегеран, сразу же взявший иракских собратьев по конфессии «под крыло», категорически выступает против такого мирного симбиоза.

Эта простая мысль американским стратегам в голову почему-то не пришла, в результате они получили резкую активизацию структур «Аль-Каиды» в Ираке, которые начали активную кампанию против иностранных оккупантов. При этом была самым серьезным образом нарушена вертикальная структура баасистов, являвшаяся в принципе четкой, условно «светской» альтернативой любым исламистским движениям. Да, безусловно, диктаторской, со всеми

присущими иракским реалиям проявлениями. Но в этом случае существовала главная гарантия общей безопасности для тех же США и стран Запада с точки зрения совершения террористических атак. С.Хусейн, в отличие от «безумного полковника» М.Каддафи, такими вещами никогда не занимался. Да, он вторгся в Кувейт, явно переоценив свой потенциал и степень негативной реакции на это со стороны тех же США и международного сообщества. Он получил жесткий ответ и, в принципе, все понял. Он был договороспособный с Западом, и это было его основным положительным качеством. Но самым главным его преимуществом было то, что он понял систему распределения сил и течений в иракском обществе и, соответственно, поэтому и смог долгий период времени оставаться у власти. Он мог руководить и управлять этим сложным образованием принятыми на Востоке методами. Они, естественно, не могли быть понятыми в западных либеральных кругах, которые в запале осознания своей исторической миссии совершенно забыли, что «богом быть трудно».

Итак, фиксируем первое основополагающее условие возникновения ИГ как явления. **Это бездумное разрушение американцами сложившейся в Ираке системы сдержек и противовесов, что привело не только к резкому усилению шиитов в самом Ираке, но и региональному усилению Ирана.** Именно это позже признал публично и Т.Блэр, бывший в то время премьер-министром Великобритании. Кстати, интересно, что даже уже в условиях начала фактической гражданской войны в Сирии режим в Дамаске продолжал разыгрывать свои сомнительные игры с исламистами. В частности, уже в 2013 году были выпущены порядка 900 исламистов, многие из которых потом составили костяк исламистского сегмента сопротивления. Как раз одним из этих амнистированных был будущий лидер просаудовской группировки «Джебхат ан-нусра» Абу Мухаммед аль-Джулани.

Последнее обстоятельство вызвало естественную озабоченность КСА и аравийских монархий, которые по-

пытались воздействовать на ситуацию апробированными ими сначала в Афганистане, а затем в Боснии и Чечне моделями «экспорта джихадизма» в проблемные для них с точки зрения вызовов национальной безопасности точки. Другими словами, после вхождения американцев в Ирак и усиления там шиитского сегмента Саудовская Аравия стала проводить целенаправленный экспорт структур «Аль-Каиды» в Ирак для развязывания там гражданской войны. Этот момент как-то особо не афишировали в США и странах Запада, хотя после событий «11 сентября» именно международный джихадизм в лице «Аль-Каиды» был официально признан в США «врагом номер один». На самом деле эта эпопея была «лебединой песней» данной структуры, поскольку Ирак потребовал максимального напряжения всех финансовых и организационных сил Эр-Рияда, и он вынужден был фактически свернуть все свои остальные проекты. В том числе и в Чечне. Собственно уже к 2007 году десант «Аль-Каиды» был брошен там фактически на произвол судьбы. Он уже не получал помощь новыми «добровольцами», прекратились и финансовые вливания. Это предопределило разрыв между лидером «Имарата Кавказ» Д.Умаровым и главным «исламистским политкомиссаром на Северном Кавказе» саудовцем Моганнедом. После гибели последнего кавказский проект «Аль-Каиды» можно было считать окончательно завершенным. То же самое было справедливо и для других «горячих точек», где в той или иной степени отмечено присутствие этой структуры. Все силы и средства Саудовской Аравии были брошены на Ирак. Примерно так же, как это сейчас происходит в Сирии. В этой связи еще раз отметим, что активизация российского военного присутствия в Сирии является, по нашей оценке, оптимальной моделью поведения в данной ситуации. Таким образом, Москва не дает даже гипотетической возможности КСА и Катару начать целенаправленное финансирование джихада собственно на российской территории.

Что касается иракской эпопеи, то отметим и деструктивную позицию Дамаска и Тегерана в этой связи. Сирийские спецслужбы, в общем-то, «спустя рукава» относились к вопросам пресечения контрабанды оружия и боеприпасов в соседний Ирак. Как, собственно, и к потоку «добровольцев», и к переправке самодельных взрывных устройств (СВУ), с помощью которых потом устраивались массовые диверсии против американского контингента и суннитского населения. И Иран, и Сирия в данном случае, как им казалось, выработали оптимальную модель противодействия агрессивной политике США в ближневосточном регионе и старались таким образом сделать все возможное, чтобы американцы поглубже завязли в Ираке. Сейчас мы являемся свидетелями того, как «аукается» такая политика. Из всего этого вытекает вторая предпосылка возникновения ИГ. **Ориентированность элиты КСА, Катара, Ирана и Сирии на культивацию суннитского и шиитского сопротивления присутствию американских военных в Ираке с использованием исламистской идеологии как универсального средства сплочения разносторонних оппозиционных структур.**

В условиях общей маргинализации иракского общества и государственных структур, которая являлась общим местом для постсаддамовской эры, Эр-Рияд через «Аль-Каиду» начал активный экспорт джихадизма. Центральной фигурой в этой схеме стал иорданский исламист Абу Мусаб аз-Заркауи, который за свои методы насаждения «правильного» ислама получил прозвище «иорданский мясник». В начале 1990-х годов он прибыл в Афганистан, где с полного благословения и при финансовой поддержке Усамы бен Ладена основал тренировочный лагерь под Гератом. В 1996 году он перебрался в Иорданию, где был арестован и некоторое время провел в тюрьме. Необходимо учитывать тот факт, что сам А.М.аз-Заркауи происходит из знатного бедуинского рода с юга страны, и несмотря на то, что шейхи этих племен публично от него отреклись, фактически он пользовался

их полной поддержкой. Двоюродный брат А.М.аз-Заркауи был направлен руководством «Аль-Каиды» на Кавказ, где, собственно, и погиб. Сам же «иорданский мясник» во главу угла ставил свержение Хашимитской династии в Иордании, но после начала иракской эпопеи был спешно переориентирован на это направление. То есть мы хотим показать, что действия А.М.аз-Заркауи были жестко регламентированы задачами пакистанского (по месту нахождения) руководства «Аль-Каиды» и никоим образом не расходились с «генеральной линией».

Говорим мы об этом по той причине, что большинство западных аналитиков в один голос утверждает, что де А.М.аз-Заркауи являлся отщепенцем, пошел против воли тогдашнего руководителя «Аль-Каиды» египтянина А.аз-Завахири и фактически основал то, что сейчас известно под именем ИГ. В качестве доказательства этого тезиса обычно приводится ставшая недавно известной переписка между двумя этими лидерами, из которой следует, что А.М.аз-Заркауи отстаивал самостоятельную линию поведения в Ираке. После «чудесного» освобождения из иорданской тюрьмы он вернулся в Афганистан, где примерно в 1999 году провел с У. бен Ладеном несколько встреч, в процессе которых обсуждались и примерные контуры будущей подрывной деятельности в Ираке и Иордании. Иордания тогда стояла на первом месте, и именно для этого проекта А.М.аз-Заркауи основал в 1999 году группировку «Джамма ат-Таухид аль-Джихад».

Никаких осложнений между У. бен Ладеном и А.М.аз-Заркауи, о которых упорно говорят западные эксперты, тогда в помине не было. С 2003 года он перебрался в Ирак и стал отвечать за это направление. При этом, что важно, такая деятельность полностью финансировалась «Аль-Каидой», что уже тогда было редкостью. И причина очень прозаична – дефицит наличных средств. Переориентация Эр-Рияда на Ирак потребовала максимального напряжения сил и средств. Кстати, понять приоритет КСА в той или иной внешнеполитической ситуации довольно

просто. Индикатором являются фетвы советов богословов и таблички под емкостями для сбора пожертвований в мечетях. С 2003 года чеченский момент практически полностью исчезает, вместо него появляется иракский. Отсутствие средств привело к такой трансформации тактики «Аль-Каиды», как «перевод своих "франшиз" в регионе Ближнего Востока и Магриба на самофинансирование». То есть «франшизы» сами должны были искать источники финансирования и определять цели атак, руководствуясь при этом прежде всего общим направлением борьбы в тот или иной момент. А они в свое время становились ясными в силу регулярных обращений лидеров «Аль-Каиды».

Точно такая же тактика используется ИГ и в отношении своих «франшиз» за пределами Сирии и Ирака за исключением, может быть, одного нюанса. Это более продуманная и стандартизированная система пропаганды, услуги в которой ИГ активно культивирует. Тем самым создается иллюзия глобальности и облегчается приток новых добровольцев. У этой тактики есть один очень слабый момент: «франшизы» постепенно фрагментируются и становятся независимыми в своих действиях от головного органа. И теракт в Париже 13 ноября, который без учета геополитических последствий, провела кучка самостоятельных приверженцев ИГ, по нашей оценке, – достаточное тому подтверждение. Эр-Рияд пошел на это не от хорошей жизни, но обратим внимание на то, что в случае с Ираком финансирование и управление сохранялось в полной мере.

Разброд в головы западных аналитиков внесла тактика А.М.аз-Заркауи в Ираке, которая несколько входила в противоречие с установками «Аль-Каиды». Он постоянно маневрировал в своих тактических схемах, на что не сразу успевали реагировать руководители «Аль-Каиды» в пакистанской «зоне племен». В частности, А.М.аз-Заркауи предложил изменить тактические установки деятельности «Аль-Каиды» в Ираке с учетом местной специфики. В частности, он предложил сделать больший

упор на перетягивание на свою сторону местной суннитской мусульманской уммы путем провозглашения основной задачи «Аль-Каиды» в Ираке: борьба с шиитской экспансией прежде всего. То есть спровоцировать всеми возможными способами межконфессиональную войну. Напомним, что стратеги «Аль-Каиды» практически всегда на тот период времени ставили во главу угла тезис о «борьбе с иностранными крестоносцами» – западниками, грубо говоря. Причина такой тактической хитрости, в общем-то, очевидна: А.М.аз-Заркауи столкнулся в Ираке с сильнейшим влиянием на местах баасистов (сторонники и функционеры правящей при С.Хусейне Партии арабского социалистического возрождения), которые, собственно, на тот период времени были основными выразителями интересов суннитской части населения.

А принципиальный интерес заключался именно в борьбе с шиитским засильем во властных структурах, а не в борьбе с американцами. То, что они, в конечном счете, уйдут из страны, сомнений ни у кого не вызывало. В этой связи иорданец вынужден был видоизменить название своей группировки и переименовать ее уже в 2004 году в «Аль-Каиду Междуречья». Обратим внимание на отход от «всемирного посыла» к более «националистическому». Это, безусловно, дань реалиям, но никак не отход от статической линии организации. Тем более, что перед этим А.М.аз-Заркауи вынужден был проводить почти восьмимесячные переговоры с пакистанскими руководителями «Аль-Каиды» и убеждать их в правильности своего шага. Если говорить проще, – само присутствие каидовских структур в Ираке без союза с баасистами было обречено на провал. Если «пакистанцы» по-прежнему во многом верили в то, что основную массу джихадистов должны составлять иностранцы, то А.М.аз-Заркауи настаивал на том, что успех может обеспечить только участие в джихаде широких слоев местного населения. И в этой связи прилагал колоссальные усилия для того, чтобы привлечь на свою сторону суннитские племена в провинции Анбар.

Как показали дальнейшие события, А.М.аз-Заркауи «зрил в корень». Эту тактику, кстати, потом успешно использовал Катар, который является прародителем ИГ. Именно Доха, а не А.М.аз-Заркауи. Кстати, он в конечном счете убедил тех же А.аз-Завахири и У. бен Ладена в своей правоте. И буквально через несколько лет, году в 2014, с подачи «пакистанской» верхушки «Аль-Каиды» было обнародовано очередное видео с заявлением о том, что «основным врагом являются все те же шииты». Так что никаких жестких расхождений с официальной политикой Эр-Рияда (а значит, и «Аль-Каиды»), мы, в отличие от западных экспертов, не замечаем.

Отметим при этом, что «человек номер два» в структуре «Аль-Каиды» А.аз-Завахири поначалу очень скептически относился к идее провоцирования конфессиональных войн. Он полагал, что это приведет к разочарованию в рядах мусульманской уммы. Снова отметим тогдашний тренд саудовской внешней политики: именно в этот период времени, в 2003–2006 годах, король Абдалла взял курс на примирение с Ираном и Сирией, в том числе и прежде всего по вопросам ливанского досье. Там совершенно отчетливо наметился компромисс по вопросу кандидатуры премьер-министра Рафика Харири, в последствии – его сына Саада, и это накладывало отпечаток на антишиитскую риторику Эр-Рияда. Р.Харири, конечно, выступал за вывод сирийских войск из Ливана, но при этом он очень успешно маневрировал и старался не обострять ситуацию. Скажем сразу, что курс короля Абдаллы на достижение компромисса с сирийцами и иранцами был обусловлен желанием видеть на посту премьер-министра Ливана Саада Харири, что и было достигнуто при очень активной помощи Дамаска. Но как только потепление в Ливане завершилось, одновременно закончился и тренд на миролюбие со стороны А.аз-Завахири.

В то же время отмечались и расхождения между А.аз-Завахири и А.М.аз-Заркауи по вопросам минно-фугасной

войны. Объектами ее становились по большей части мирные шииты, что категорически не принималось А.аз-Завахири. Он полагал, что надо сконцентрировать усилия на терактах в отношении американских войск и представителей нового режима в Багдаде. А.аз-Завахири также провозглашал в качестве главной цели объединение всех «джихадистских группировок» под эгидой «Меджлис аш-Шура аль-Муджахеддин» с представителями «Аль-Каиды» во главе. «Меджлис» был создан уже после гибели в 2006 году А.М.аз-Заркауи, который, в общем-то, сопротивлялся этой идее. Причина опять же была чисто тактическая, а не идеологически-стратегическая. Иракская суннитская элита совсем даже не приветствовала наличие в командных органах будущего «исламистского интернационала» иностранцев, а тем более – лиц, находящихся под контролем Эр-Риада. Традиционно сложные исторические отношения между иракцами и саудовцами объяснялись давнишними «претензиями последних на право верховной власти», что пошло еще со времен короля Ирака Фейсала и его хашимитского клана, в свое время изгнанного из Мекки и Медины представителями нынешней монаршей семьи саудовского королевства. Этот факт слабо учитывался в Эр-Рияде, а А.М.аз-Заркауи сидел «на земле» и подобные настроения четко отслеживал. В общем-то недаром после прихода к власти в этой структуре Абу Омара аль-Багдади название было заменено на «Исламское государство Ирака». В данном случае вновь видна националистическая суть организации, которая стала использовать исламистские термины в качестве замены устаревшего и скомпрометировавшего себя баасистского тренда. Гибель А.М.аз-Заркауи положила конец гибкой политике каидовцев в Ираке и предопределила глобальный закат ее экспансии в этой стране в принципе.

При этом повторим, что считать А.М.аз-Заркауи истинным отцом ИГ в его нынешнем виде мы бы посчитали кардинальной ошибкой. Интересно, что одним из доводов

в пользу этой версии западные аналитики приводят тот факт, что практику казни заложников в оранжевых робах, которые аналогичны одежде узников тюрьмы в Гуантанамо, впервые ввел именно А.М.аз-Заркауи. То, что подобные приемы используют нынешние сторонники ИГ, ничего, собственно, не доказывает.

«Иорданский мясник» ни в коей мере не шел вразрез с общей идеологией «Аль-Каиды». Споры о тактике, но не о стратегии в данном случае являются обыкновенными «битвами в пути». А.М.аз-Заркауи финансировался целенаправленно из казны «Аль-Каиды», в его структуры постоянно направлялись иностранные джихадисты. И это само по себе свидетельствует о том, что ни о каких принципиальных расхождениях речи не идет. А.М.аз-Заркауи просто пытался гибко адаптировать идеологию «Аль-Каиды» к иракским реалиям. И это со скрипом воспринималось догматиками в «пакистанском» руководстве организации, что, кстати, совершенно не свидетельствует об их «упертости». Просто в Эр-Рияде на тот период времени не считали приемлемым допускать самих иракцев к руководству организацией в Ираке. Управлять этим конгломератом должны были ставленники из «Аль-Каиды». В этой связи тезис А.М.аз-Заркауи «помогай и советуй», который он считал основным для своей успешной деятельности в Ираке, воспринимался в руководстве «Аль-Каиды» с большим трудом. Там не видели в его теории главного определения «управляй и направляй». И эта позиция вызывала жесткую ответную реакцию самих иракцев, решивших проводить собственную политику в этом вопросе. Кстати, именно тогда КСА, само того не замечая, полностью проиграло битву за исламистский сегмент в Ираке. Вернее сказать, за баасистско-исламистский. Тот факт, что именно баасисты составляли организационный и военный костяк «Исламского государства Ирака», фактически однозначно свидетельствовал о том, что Эр-Рияду «на этой поляне» мало что светит. Тем более, с такой негибкой политикой.

Мы сейчас имеем в виду даже не вооруженные стычки между чисто иракскими подразделениями «Исламского государства Ирака» и иностранными джихадистами. Они, в общем-то, носили поначалу локальный и немассовый характер. Ситуация после смерти А.М.аз-Заркауи, который служил своеобразным «демпфером» между «пакистанским» руководством «Аль-Каиды» и иракскими исламистами и националистами, начала развиваться для «Аль-Каиды» катастрофично. Иракские баасисты решили пойти на договоренности с американскими силовиками в рамках ликвидации структур «Аль-Каиды» в Ираке. В этой связи суннитские племена в провинции Анбар (помните, которой А.М.аз-Заркауи уделял особое внимание в рамках своего становления в Ираке) организовали т.н. «ополчение», которое, кстати, оснащало и вооружало ЦРУ США. Меньше чем за год они сумели полностью зачистить практически весь «суннитский треугольник» и провинцию Анбар от «иностранных джихадистов».

Именно этот период времени между 2008–2009 гг. можно считать окончанием присутствия «Аль-Каиды» в Ираке, и соответственно провалом всей политики КСА на иракском направлении. Сунниты воевали не просто так. Договоренности с американцами подразумевали инкорпорацию ополченцев в регулярную иракскую армию, ну и, само собой, глобальное возвращение суннитов в госструктуры Ирака. И вот здесь началось самое интересное. То, что, собственно, затем и привело к возникновению ИГ, с которым международная коалиция борется уже несколько лет. Вашингтон не смог выполнить свое обещание, поскольку шиитский премьер-министр Ирака Нури аль-Малики категорически такому сценарию воспротивился. Естественно, при полной поддержке Ирана и шиитского духовенства в Наджафе и Кербеле. И американцы спасовали и не смогли додавить ситуацию в нужном для них направлении. А вернее – просто умыли руки, поскольку мы знаем, как Вашингтон умеет «уговаривать», когда это действительно ему нужно. И этот момент стал

переломным в сознании суннитской иракской элиты, которая, во-первых, полностью разочаровалась в потенции и желании США влиять на ситуацию в нужном для нее направлении, а, во-вторых, поняла, что выживание находится полностью в ее собственных руках. Особенно это мнение укрепилось после обвинения официальных властей Ирака в организации «эскадронов смерти» и бегства в Турцию вице-президента Т.аль-Хашеми в 2011 году.

Последний возглавлял крупнейшую суннитскую Исламскую партию Ирака, которую со всем основанием можно считать преемником партии Баас. Его бегство стало индикатором для суннитской элиты того, что ни о каком компромиссе в решении вопроса о мирном разделе власти с шиитами в Ираке речи идти не может по определению. Это стало дополнительным толчком к организации и структурированию ИГ. Это, в общем-то, не отрицается и американскими аналитиками. В частности, признается факт того, что в ИГ влились десятки тысяч бывших офицеров силовых структур и функционеров режима С.Хусейна, которые принесли с собой «тонны оружия» (очень интересно происхождение этих «тонн»), навыки в военном искусстве, опыт в разведке и контрразведке, а также в проведении т.н. «гибридной войны» (термин, ставший очень модным на Западе в последнее время). Под последней почему-то подразумевают террористические методы ведения борьбы. Главную роль в военном становлении ИГ сыграли, по оценке американцев, т.н. «Феддаины Саддама». Эта военизированная группировка в количестве порядка 30 тыс. человек почему-то обозначается американскими аналитиками как личная гвардия С.Хусейна, которая прекрасно разбиралась в правилах ведения иррегулярной войны и использовалась им в качестве инструмента дестабилизации ситуации в других государствах мира.

Отметим для сведения, что «Феддаины Саддама» были своего рода «гражданским ополчением» в помощь иракской регулярной армии и не играли никакой роли

в проведении дестабилизационных операций за рубежом. Эта организация была создана в основном для «внутреннего потребления». Операциями за рубежом занимались совершенно иные спецслужбы, да и сам режим никогда не был замечен в излишней активности за пределами Ирака. Центральные роли в данном случае играли внешняя разведка и заграничный аппарат партии Баас, который курировал «родственные», вполне легальные партии в арабских странах. Иракская разведка же действительно имела на связи ряд лидеров международных террористических групп, в частности того же палестинца Абу Нидаля. Но утверждать, что «Феддаины Ирака» были своеобразным аналогом иранского КСИР, конечно, нельзя. Не тот масштаб, финансовые инструменты и материально-техническое обеспечение. Да и задачи совершенно несопоставимые.

Повторим, что Баас – это просто модернизированная форма иракского национализма. Тот же А.М.аз-Заркауи имел контакты с баасистами и взаимодействовал с ними. Например, похищение российских дипломатов организовали именно баасисты с последующей передачей их А.М.аз-Заркауи. Он хотел обменять их на ряд членов чеченских НВФ, задержанных в России, но был убит и не успел выдвинуть эти требования. Но тогда побудительным мотивом взаимодействия были в большей степени деньги, а не идеология. Потенциальные партнеры еще, грубо говоря, «принюхивались» друг к другу. Да и никогда иорданец (как и любой другой не иракец) не смог бы стать по определению вождем и лидером какой-либо мало-мальской значимой группы сопротивления в Ираке. Не согласны мы и с утверждением американцев о том, что Саддам Хусейн в последние годы своей власти стал активно использовать «салафитский фактор» в своей внешней политике и привечал радикальных сторонников этого направления. Этим как раз занимались в Эр-Рияде, а теперь и их основные конкуренты на ваххабитской площадке в лице Дохи. Что же касается свирепых методов

ИГ и публичных казней, которые американцы почему-то связывают с методами «Феддаинов Саддама», то отметим, что это всегда было традицией иракцев. Именно иракцев, вне зависимости от идеологических устремлений. Не побоимся прослыть «не политкорректными» и рискнем сказать, что иракцы среди арабского мира имеют дурную славу самых жестоких просто в силу своего национального менталитета. Уступая эту сомнительную «пальму первенства», пожалуй, только алжирцам.

В связи со сказанным следует очень неприятный для американского аналитического сообщества вывод. Представление о процессах, происходящих в Ираке и Сирии, по-прежнему, как и во времена двух военных операций США в прошлом, является для большинства «высоколобого» аналитического сообщества США «терра инкогнита». Отсюда и очень примитивное и наивное понимание внутренних процессов в этих странах, а также скрытых механизмов мотивировок их основных участников. Можно, конечно, сказать, что это «замаскированное» прикрытие теории «управляемого хаоса», но, по нашей оценке, мы имеем дело всего лишь с кризисом во многом вынужденной миссии «монополярности» Вашингтона, который не в состоянии адекватно реагировать на поступающие вызовы.

Таким образом, констатируем третью предпосылку возникновения ИГ. **Это позиция США, которые упустили реальный шанс по инкорпорации суннитской элиты Ирака во власть в силу своего нежелания «напрягаться» по организации соответствующего прессинга на Н.аль-Малики, что фактически привело в движение «спусковой механизм» возникновения ИГ.** Помимо этого, американцы не сумели повторить, в общем-то, единственно адекватный и эффективный механизм ликвидации исламистской опасности в Ираке уже в 2015 году. Попытка договориться в конце 2014 и на протяжении первой половины 2015 года с суннитской верхушкой в той же провинции Анбар провалилась. Пентагон и ЦРУ США то-

гда решили повторить свой опыт и наработанные схемы и, в принципе, даже договорились с рядом суннитских вождей в этой провинции. В этой связи американские транспортные самолеты даже стали перебрасывать в провинцию партии вооружения и боеприпасов, что вызвало скандал. Иранцы в открытую обвинили американских военных в материальной поддержке отрядов ИГ, что, в общем-то, соответствовало действительности: абсолютное большинство племенных вождей в провинции, безусловно, поддерживало ИГ.

Вооружив племенное ополчение, американские силовики поставленной цели не достигли. Во-первых, они резко ослабили наступательный потенциал иракской армии, согласившись с требованиями суннитской верхушки по дистанцированию шиитского ополчения от участия в военных операциях по направлению к административному центру провинции Анбар – Рамади. Мотивировалось это беспределом шиитских формирований по отношению к суннитскому населению при штурме того же Тикрита. Атаковать Рамади местные сунниты почему-то не хотели, с большим трудом удалось сподвигнуть их к продвижению в сторону Эль-Фаллуджи. Однако столкнувшись с серьезным сопротивлением, они остановились и наступление захлебнулось. Справедливости ради необходимо заметить, что приверженцы ИГ впоследствии казнили несколько десятков членов местных племен «за предательство». Но в любом случае, если бы тренд на зачистку Анбара от ИГ действительно был массовым, то ни о каких «предателях» речи не шло бы в принципе. В сухом остатке выходит, что суннитские племена, как представляется, не без согласия руководства ИГ, просто обманули американцев, а заодно вооружились. «Единожды солгавши, кто тебе поверит».

Эта ситуация со всей очевидностью иллюстрирует, что США, по сути, оказались в Ираке и Сирии без какой-то внятной перспективы дальнейшей тактики действий и опоры на некие лояльные силы, которые можно было бы

использовать в качестве инструмента достижения искомого результата. Нынешние метания между курдским ополчением, турецкой «зоной безопасности», какими-то умеренными исламистами и т.п. воочию демонстрируют нам определенный тупик американской внешней политики на этом направлении. И именно в результате таких «шатаний» сторонники ИГ чувствуют себя относительно вольготно. Особенно с учетом того, что ИГ не является толпой фанатиков, как это кажется на первый взгляд. Вся недолгая история ИГ говорит нам о том, что за всеми этими средневековыми ужасами стоит очень прозаичный расчет, основанный прежде всего на сугубо националистическом аспекте. Об этом свидетельствуют сами вехи становления этой структуры, о которых будет сказано ниже.

Ну, а пока поговорим о последней предпосылке возникновения ИГ. Мы уже упоминали о том, что вряд ли бы эта организация достигла своей нынешней мощи, если бы не было Катара. Именно Доха, как минимум, на первом этапе становления этой организации сыграла одну из главных ролей. Катар в данном случае просто перехватил эстафетную палочку у Саудовской Аравии и вполне гибко трансформировал наработанное тем же А.М.аз-Заркауи в солидный политический капитал. Роль Катара в этом процессе вообще зачастую вызывает удивление не только, что называется, у «массового читателя», но и у некоторых политологов. Да, богатая газом страна, но на очень маленькой территории и с маленьким населением без серьезного военного потенциала. Представить ее в качестве некого регионального лидера обычно очень трудно. Но при этом никто практически не обращает внимание на жесткое региональное соперничество двух единственных в мире ваххабитских аравийских монархий – КСА и Катара.

Это соперничество имеет сравнительно небольшую историю, но в последнее время оно приобрело ожесточенный характер. Доха активно захватывала «жизненное пространство» в наиболее ключевых направлениях ближ-

невосточной и африканской политики и явно перехватывала инициативу у Эр-Рияда. Помимо активного участия в различных миротворческих миссиях и посреднических усилиях, начиная от Судана и Дарфура и заканчивая Джибути и Эритреей, катарцы активно их финансировали через ряд фондов, ключевыми из которых являются Qatar Foundation и «Карама». Как утверждает известный российский востоковед А.Игнатенко, в отношении последнего, кстати, власти ОАЭ ввели санкции под предлогом того, что, как минимум, один раз еще во времена А.М.аз-Заркауи этот фонд перевел 300 млн долларов «Исламскому государству Ирака».

Отметим неточности в этом, по сути, верном утверждении. Это название группировка получила уже после гибели «иорданского мясника» в период, когда ее возглавил иракец Абу Омар аль-Багдади. Это важное уточнение, поскольку катарцы никогда не будут финансировать просаудовскую структуру. То, что они начали «обхаживать» «Исламское государство Ирака», конечно, не случайно. Как мы уже говорили, после А.М.аз-Заркауи эта организация стала дистанцироваться от просаудовской «Аль-Каиды» и в этой связи попала в поле зрения Дохи, которая на тот период времени завершала этап «накопления сил» и старалась перейти к активным действиям. Кроме того, сам термин «перевод» вызывает серьезные сомнения, поскольку в таких случаях вести речь об обыкновенных банковских переводах нельзя по определению. Для финансирования в такого рода ситуациях используют либо частные банковские карточки физических лиц, либо систему исламского перевода денег «хавала».

Но общая озабоченность верного союзника Эр-Рияда в лице Абу-Даби в общем-то обоснована. И дело ни в коей мере не в «финансировании террористических структур», а в том, что Доха очень активно разыгрывает карту «Братьев-мусульман». Штаб-квартира этого движения во главе с его патриархом – египтянином шейхом Юсефом аль-Кардауи – сейчас располагается в катарской столице

и активно задействуется катарцами для распространения своего влияния в мусульманском мире. При этом сама группировка расценивается теми же КСА и ОАЭ как вторая (после шиитской экспансии) угроза национальной безопасности этим монархиям. Обратим внимание на гибкость мышления катарцев. Повторим, ваххабитская держава активно использует в своих целях абсолютно не салафитскую идеологию и структуру. Но это официально, а неофициально она широко применяет для этого и абсолютно джихадистские салафитские по сути движения и группы. Как то же ИГ, например. В этом случае в Дохе искусно сыграли на традиционной «саудовской площадке», взяв из наработанного опыта все самое положительное и добавив «национального контекста», без которого движение «джихадизма» обречено на провал. Об этом мы еще поговорим, а сейчас вернемся к «Братьям-мусульманам».

В случае с «Братьями-мусульманами» катарцы сделали свой выбор не только в силу того, что их заклятые конкуренты в Персидском заливе почитают их своими врагами. Доха сумела угадать политическую потенцию этой одной из старейших политических группировок ближневосточного региона и сделала на нее ставку еще задолго до событий «арабской весны». Как мы уже говорили ранее, в результате этого периода турбулентности именно «Братья-мусульмане» на общем фоне инфантильности других политических партий, что объективно логично с учетом диктаторских и автократических режимов в арабских странах, пришли в большинстве случаев к власти. Интересно, что те же американцы также полагали именно «Братьев-мусульман» самой реальной альтернативой престарелым и скомпрометировавшим себя диктаторам и открыто сделали на них ставку в рамках выстраиваемых отношений в регионе. Ровно по этой причине они, кстати, находятся в очень напряженных отношениях с нынешним режимом в Каире, который пришел к власти в результате военного переворота и сверг режим «братьев».

Первый раз Доха «показала зубы» в качестве регионального лидера в Ливии. Безусловно, она являлась основным архитектором и локомотивом свержения М.Каддафи, для чего использовала свое влияние на тогдашнего президента Франции Н.Саркози. Эта франко-катарская связка стала ключевой во всей ливийской истории, что многие «злые языки» объясняют тем, что Доха элементарно купила Париж. Но если мы возьмем официальную статистику, то дело обстоит не совсем таким образом. Так, по данным французского портала STATE fr., «Объем средств, которые относятся к государственному инвестиционному фонду Катара, колеблется от 85 до почти 200 миллиардов долларов. Как бы то ни было, этой сумме еще очень далеко до государственных фондов других государств Персидского залива, например, Абу-Даби (более 600 миллиардов долларов), Саудовской Аравии (более 400 миллиардов) и Кувейта (почти 300 миллиардов). Эти государства ведут себя гораздо скромнее Катара, однако их связи с Францией от этого ничуть не слабее. Так, например, ОАЭ недавно приобрели в Лионе дома на общую сумму почти в миллиард евро, однако это не наделало особого шума. В конечном итоге, вложения катарских инвестиционных фондов во французские компании довольно разумны. Они редко достигают двухзначных значений за исключением Lagardère, где на них приходится почти 13%. Катар интересуют по большей части стратегические отрасли, такие как добывающий сектор и оборонная промышленность. С помощью Lagardère Катар собирался войти и в капитал EADS, однако немцы неизменно выступают против прямого участия Катара в европейском консорциуме. Кроме того, катарцы попытались сыграть решающую роль с опорой на добывающие активы Areva и Eramet в Африке. Но и эти их планы завершились провалом. Таким образом, сегодня катарские инвесторы в промышленности ведут себя тихо и послушно и не пытаются ставить каких-либо требований перед руководством компаний». При этом статистика свидетельствует о том, что

общий объем катарских инвестиций составляет всего 15 млрд долларов.

Но это официально. В данном случае мы вынуждены отметить несколько нюансов. Первый и главный: Ливия являлась как раз тем самым счастливым случаем, когда интересы по свержению М.Каддафи у основных конкурентов в лице Катара, КСА и ОАЭ полностью совпали, и в рамках убеждения Н.Саркози принять участие в этом проекте они выступали единым фронтом (это потом они кардинально разошлись в своих симпатиях к различным слоям и кланам ливийского общества). В данном случае можно также говорить об обещаниях со стороны этих аравийских монархий предоставить французским компаниям солидные контракты, которые после ухода того же Н.Саркози также остались по большей части на словах. Второй фактор – это то, что катарцы отличаются от остальных инвесторов тем, что предпочитают платить наличными и оформлять покупки и инвестиции на подставные фирмы и лиц. И далеко не всегда они используют в этой связи возможности своего государственного фонда. Как мы уже убедились на примере «Карамы», для деликатных операций используются негосударственные средства. И, в третьих, никто не отменял секретных операций по финансированию предвыборных партийных фондов «от частных лиц» партии того же Н.Саркози. Таким образом, рискнем предположить, что реальные вложения катарцев в экономические интересы французской экономики и просто во взятки «нужным людям» сильно превышают те самые официальные 15 млрд долларов.

Но вернемся к политике Дохи в Ираке. Рискнем не согласиться с эмиратовцами, которые утверждают, что катарский фонд «Карама» финансировал «Исламское государство в Ираке» в довольно приличных масштабах (300 млн долларов) еще в 2006 году. По нашей оценке, тесное сближение произошло гораздо позже – в 2013 году. Именно в этот год организация вновь поменяла свое название и стала называться «Исламское государство

Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Постараемся обосновать наше утверждение. Расширение радиуса своей деятельности на сирийское направление, о чем свидетельствует изменение названия организации, свидетельствует об изменении тактики. Оно произошло не спонтанно, за ним, безусловно, видны зарубежные «уши». В данном случае, Дохи. С самого начала сирийского кризиса катарцы начали активно разыгрывать собственную карту. С этой целью они профинансировали направление в ряды очень слабой, с военной точки зрения, внутренней сирийской оппозиции значительного числа ливийских добровольцев. Они переправлялись как через турецкую территорию, так и через иорданскую. С этой целью использовался уже печально известный гуманитарный канал, а если проще, «направление ливийских борцов за свободу на лечение в иорданские санатории», откуда они потом спокойно переправлялись в Сирию.

К концу 2012 года ливийцы составляли самую многочисленную и вертикально организованную часть «иностранных джихадистов» в рядах сирийского сопротивления. Примерно 80% от общего числа. В начале 2013 года они начали планово возвращаться на родину, уступая зоны своей ответственности отрядам ИГИЛ. Почему Доха вдруг решила нарушить и расформировать вроде бы отлаженную систему своего присутствия в Сирии? Исключительно по причине того, что она договорилась о взаимодействии с иракскими сторонниками ИГИЛ и был взят курс на открытое вооруженное восстание суннитско-баасистского подполья.

Обратите внимание на один факт: до 2013 года и изменения своего названия «Исламское государство Ирака» большой боевой активности не проявляло. Восстание иракских суннитов и взятие Мосула и других городов в «суннитском треугольнике» произошло уже после того, как в Сирии их «однопартийцы» создали необходимые для этого условия. В данном случае ливийцы не подходили по многим параметрам, в том числе, по причине того,

что иракцы не совсем положительно относились к их засилью в своей организации. Повторим, что они не были набранными «с бору по сосенке» иностранными джихадистами, которые индивидуально добираются до театра боевых действий. Это были части, спаянные совместными боями с войсками М.Каддафи. Кроме того, в самой Ливии начала поднимать голову Триполитания, что стало предтечей нынешней гражданской войны. В этой связи необходимо было срочно укреплять ливийское направление.

Этому суннитскому восстанию предшествовала серьезная штабная и организационная работа. И в данном случае вновь видна организующая роль Дохи. Именно ее действия с рокировкой ливийцев в Сирии на чеченцев-кистинцев в качестве ударной силы позволило ИГИЛ вообще закрепиться в этой стратегически важной для него стране. Стратегически прежде всего потому, что Сирия необходима суннитской элите в качестве страны-транзитера контрабандной нефти в Турцию. Без этого любые восстания суннитов в Ираке не имеют никакого значения, поскольку без надлежащего финансирования ни о какой экспансии не могло быть и речи. Ну и соответствующая материально-техническая поддержка людьми и оружием идет опять же через турецкую территорию. Подчеркнем, что такая схема действий требует сноровки и соответственного стратегического мышления. Снова возьмемся утверждать, что основными стратегами в данном случае выступали именно катарцы. Активной фазе иракского восстания предшествовала не только организационная и очень недешевая работа по созданию сирийского плацдарма, но и подготовка пропагандистского компонента. Об этом мы еще поговорим. Сейчас снова обратимся к моменту ротации ливийцев.

Доха, безусловно, понимала, что резкий отход ливийских отрядов из Сирии не должен привести к образованию вакуума, который сразу был бы заполнен просаудовскими группами, что для катарского руководства неприемлемо. В этой связи в 2010–2011 гг. катарцами был

осуществлен поиск необходимой наемной военной силы, которая смогла бы составить тот костяк сирийского филиала ИГИЛ, который был бы способен не только противостоять «чужеродным группировкам» в оппозиции, но и со временем объединить вокруг себя прибывающих «добровольцев». Такой военной силой объективно стали чеченцы-кистинцы, которые на тот период времени объединились вокруг руководителя «Имарата Кавказ» Д.Умарова. Последний фактически утратил какой-либо боевой потенциал в самой Чечне, а, кроме того, к тому времени уже окончательно разошелся «в идеологических воззрениях» с посланцами «Аль-Каиды». По сути, расхождения были вызваны, конечно, не идеологией, а в первую очередь, недостаточностью финансирования со стороны «Аль-Каиды» и попытками руководить банддвижением на всем Северном Кавказе. С тех пор Д.Умаров в общем-то ничего из себя не представлял в качестве серьезного командира и прозябал на базе в Панкиссии. Известны его разовые заказы со стороны грузинских спецслужб, которые во времена президентства М.Саакашвили активно использовали «чеченский фактор» для проведения подрывной деятельности на территории России. Последним таким известным случаем стал аэропорт Домодедово, взрывы в котором были осуществлены в качестве мести за участие российской армии в южноосетинском вооруженном конфликте.

Катарцы фактически купили обанкротившуюся организацию «Имарат Кавказ», включая и сайт организации. Кистинцев начали перебрасывать через Турцию в Сирию и формировать из них собственно боевую инфраструктуру. Возглавил их зять Д.Умарова Умар аль-Шишани. Позже к ним стали примыкать чеченцы-эмигранты из Турции, а также многочисленные добровольцы как из Ирака, так и из того же Йемена. Например, стало известно, что еще в период т.н. «йеменской революции» катарцы навербовали в этой стране примерно 800 человек для «работы в Катаре». Как стало известно позднее, подавляющая

часть этих «гастарбайтеров» была переправлена в Сирию, где и погибла в боях. Отметим, что на тот период времени игиловцы категорически уклонялись от боев с сирийской армией, зато вступали в ожесточенные схватки с просаудовской «Джабхат ан-нусрой» и частично с курдским ополчением. То есть они берегли силы и накапливали их, параллельно решая задачу создания плацдарма на приграничной к Турции и Ираку территории. Если брать еще грубее, то сторонники ИГ в Сирии старались оседлать основные логистические пути из Ирака в Турцию транзитом через сирийскую территорию по течению р.Ефрат. Собственно, сейчас основные силы ИГ и располагаются примерно там же. Плюс прибавилась Пальмира. Такая тактика ввела даже западных экспертов в заблуждение, и довольно долгий период времени в их среде бытовала версия о том, что ИГИЛ была создана сирийскими спецслужбами с целью «расколоть исламистский сегмент» сопротивления.

Таким образом, обозначим 2011–2013 гг. как период накопления сил ИГИЛ и создания необходимых условий для функционирования и финансирования своей материнской организации в виде иракского ИГ. Одновременно катарцы начали разыгрывать и палестинский фактор. Практически полностью перекупив руководство палестинского ХАМАСа и переселив уже полностью на тот момент политически обанкротившегося главу политбюро организации Х.Машаля в Доху, катарцы начали активно вовлекать ХАМАС в «Братьев-мусульман». Прежде всего это выразилось в том, что палестинские спецы из военного крыла «Бригады Иззеддина аль-Кассама» стали передавать свой богатый опыт сторонникам ИГ, особенно в области организации диверсий и минно-фугасной войны, а также строительства подземных коммуникаций и бункеров. После захвата ряда из них теми же ливанскими шиитами они вдруг с удивлением обнаружили, что бункера ИГ являются копией того, что они делали сами в Ливане, а затем обучали этому ремеслу своих палестинских братьев.

Кроме того, катарцы убедили руководство ряда группировок палестинцев в лагере Ярмук в пригороде сирийской столицы оказать логистическую помощь сторонникам ИГ и предоставить в их распоряжение систему подземных коммуникаций в этом районе. Это привело к очень успешным и скрытным перемещениям в тыл правительственных сил во время боев в Ярмуке. Другими словами, Доха смогла убедить руководство ХАМАСа нарушить «нейтралитет» в отношении событий на сирийском направлении. В обмен, конечно, на серьезную финансовую подпитку, которая на тот период времени должна была заменить практически замороженную помощь движению со стороны их традиционного спонсора в лице Тегерана.

Еще одним важным достижением катарцев в рамках выстраивания своей стратегии в Сирии через усиление ИГИЛ стал союз с Турцией. Собственно, роспуск турками своей креатуры в виде Сирийской свободной армии (ССА) в 2013 году стал, в том числе, возможен и в результате начальных договоренностей между Дохой и Анкарой по вопросу выработки совместных действий на сирийской площадке. Логичным завершением этого «долгое время неофициального альянса» стал договор о военном сотрудничестве между Турцией и Катаром в 2015 году. О мотивировке Анкары в данном случае надо поговорить отдельно.

Такой альянс, безусловно, изменит сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Переход Анкары в лагерь катарцев стал результатом глубокого разочарования Турции позицией США в рамках сирийского и иракского досье, этому же способствовало попадание нового правительства КСА в орбиту американского влияния. Это сближение особенно проявилось после прихода к руководству силовым блоком Саудовской Аравии такой явно проамериканской фигуры, как Мухаммед бен Наеф. В этой связи турецкие лидеры решили резко сменить внешнеполитические ориентиры и общие

контуры стратегии, прежде всего на сирийском направлении. Резкий отказ Вашингтона от введения бесполетной зоны, а что самое главное – нежелание оказать масштабную помощь протурецкой Сирийской свободной армии (ССА) резко обострили турецко-американские отношения. Последней каплей, которая переполнила чашу терпения Анкары, стало решение ЦРУ США активно разыграть курдскую карту для формирования новой проамериканской сирийской вооруженной силы. Опасения турецкой спецслужбы МИТ в данном случае совершенно обоснованы: переговоры с Рабочей партией Курдистана (РПК) о мирном урегулировании курдской проблемы двигались ни шатко, ни валко, а США своими действиями по привлечению самой боеспособной части курдского сопротивления в лице отрядов РПК под свой зонтик могут совершенно спокойно дать руководству этой партии дополнительный и очень мощный козырь для переговоров с Анкарой. Да и сам такой сценарий может привести к очень серьезным последствиям с точки зрения вопросов национальной безопасности страны в силу резкого увеличения боеготовности и влияния сторонников РПК на происходящие процессы. Собственно, последние и так являются «наконечником копья» нынешнего наступления курдских сил в Сирии на позиции исламистов из «Исламского государства» (ИГ). Из этого следует и резкий отказ Анкары предоставлять базы на своей территории для подготовки новых подразделений вооруженной сирийской оппозиции без соответствующего качественного отбора волонтеров специальной американо-турецкой комиссией.

Этим и объясняется разворот Турции к Катару, который обусловлен не только взаимным интересом к действиям на сирийском направлении (Анкара просто не в состоянии в одиночку создать боеспособную военную силу наподобие ССА, а катарцы, безусловно, без логистических каналов через турецкую территорию просто не смогут активно поддерживать ИГ. А Турция сама теряет все варианты пополнения своей казны путем контрабанды

нефти). Турки же вполне могут рассматривать «подконтрольную» ИГ в Сирии как естественный буфер по распространению курдского влияния. Анкара за последний год дважды фактически спасала ИГ от разгрома. Первый раз во время марша курдов на сирийскую «столицу» ИГ Ракку летом 2015 г., когда Турция пропустила со своей территории отряды ИГ в тыл курдам, что привело к рейду и боям в курдском сирийском анклаве Кобани. И второй раз, когда турецкое руководство все активнее предлагает образовать буферную зону совместно с бесполетной для того, чтобы сохранить каналы материально-технической поддержки все тех же отрядов ИГ в провинции Алеппо.

В связи со всем сказанным выведем четвертую предпосылку возникновения ИГ. **Это, безусловно, внешнее спонсорство и организационная составляющая со стороны Дохи и Анкары. Любая террористическая организация не в состоянии существовать без тыловой базы и опоры на внешних спонсоров. Это аксиома.**

Глава 2

«Аль-Каида» и «Исламское государство». Их зарубежные спонсоры

Подробно проанализировать отношения между двумя этими группировками нас побудила полная неразбериха, которая царит в головах не только простых граждан, но и у ряда политологов и печатных изданий. Причем не только отечественных. Некоторые из них на полном серьезе договорились до того, что две эти группировки воюют чуть ли не в одном альянсе, а Саудовская Аравия усиленно спонсирует ИГ, так как сама и создала ее. Видимо, в данном случае на не очень далеких журналистов и политологов негативным образом влияет описанная нами ранее история миссии «иорданского мясника» А.М.аз-Заркауи в Ираке, которого, например, те же американцы почему-то считают основателем ИГ. То, что возглавлял иорданец, не имеет ничего общего с тем ИГ, с которым мы имеем дело сейчас, мы уже постарались показать. Мы уже описывали все перипетии внутренних дискуссий между А.М.аз-Заркауи и «человеком номер два» на тот момент в «Аль-Каиде» А.аз-Завахири. Суть их сводилась к крайне простой вещи: придать исламистским структурам более «национальный характер» и отойти от попыток навязать тогда еще «Исламскому государству Междуречья» (ИГМ) «внешнее управление».

Эта тенденция отчетливо проявилась после смерти А.М.аз-Заркауи, когда к власти в организации, которая в очередной раз изменила свое название и стала называться «Исламское государство Ирака», пришли только иракцы. Важным элементом этой новой политики стал

полный отказ от тезисов о доминировании в организации иностранцев и о безусловной подчиненности приказам от руководства «Аль-Каиды». Роль баасистов в этом явлении сложно переоценить. «Выдвижение» на острие атаки сугубо исламистской ИГМ в данном случае необходимо рассматривать как тактический шаг с целью официального дистанцирования суннитской верхушки Ирака от прямого военного противостояния с властями в Багдаде. Существует и еще ряд объективных причин для камуфлирования своего непосредственного участия в данных событиях, но у разных политиков они разные. Для парламентариев-суннитов – это сохранение своей легитимности с целью продолжения политической карьеры. Для баасистов из «старой гвардии» С.Хусейна – решение проблемы излишней публичности. Особенно в рамках широкой кампании со стороны США по их международному розыску.

Это в полной мере относится к одному из последних деятелей прежнего иракского режима – Изату Ибрагиму ад-Дури, принявшему самое активное, но очень замаскированное участие в разработке и реализации плана по фактически бескровному «захвату» отрядами ИГИЛ города Мосул. И.И.ад-Дури, которому исполнилось семьдесят два года и который уже двадцать лет борется с лейкемией, в свое время был «правой рукой» свергнутого иракского диктатора и имеет прозвище «король клубов» в связи с тем, что является одним из главных персонажей в колоде игральных карт, на которых изображены основные фигуры бывшего режима (распространялись в свое время среди американских солдат в качестве популярного средства для опознания объекта в случае захвата). За него было обещано 10 миллионов долларов США. И даже это обстоятельство вынуждало одного из «теневых кардиналов» суннитского сообщества Ирака не слишком афишировать свое участие в последних событиях. Кроме того, еще ранее тот же И.И.ад-Дури активно координировал свои усилия с Эр-Риядом по созданию барьера на каналах

оказания материально-технической помощи сирийскому режиму через территорию Ирака. Именно тогда подконтрольные ему отряды совместно с милицией племенных суннитских ополчений в провинции Анбар регулярно нападали на караваны с оружием и топливом и сжигали их. Затем приоритеты И.И.ад-Дури несколько изменились, как представляется, не без помощи определенных отступных со стороны Тегерана.

Как стало известно, в эпизоде с захватом Мосула И.И.ад-Дури оказал не только «методологическую» помощь, но и подконтрольными ему отрядами. Они, кстати, с 2003 года серьезно численно увеличились и установили тесные контакты со штаб-квартирой ИГМ в Фаллудже и прилегающих к ней районах. И.И.ад-Дури являлся одним из архитекторов этой сравнительно новой политики в иракском суннитском сообществе, цель которой – создание нового альянса между баасистами и радикальными исламистами в Ираке. Это потребовало многих усилий, поскольку баасисты со времен С.Хусейна с исламистами воевали в довольно жестком режиме. При этом ЦРУ США в своих отчетах несколько раз указывали на возрастающую роль И.И.ад-Дури в суннитском движении сопротивления и настоятельно рекомендовали иракским войскам войти в неформальный контакт с его представителями для возможного достижения компромиссных решений по вопросу выработки программы инкорпорации суннитской верхушки во власть. Эти предложения были заблокированы лично тогдашним премьер-министром Ирака Н.аль-Малики.

В рамках работы по оформлению этого нового альянса И.И.ад-Дури контактировал с «человеком номер два» в ИГМ – Ахмедом Исмаилом аль-Билауи (он же Абдуррахман), отвечающим в организации за проведение боевых операций, в том числе и в формате насыщения силовых и разведывательных структур организации старыми военными кадрами. Перед самим наступлением на Мосул И.И.ад-Дури выступил в качестве посредника между Аб-

дуррахманом и ключевыми шейхами суннитских племен в провинции Найнава. Среди шейхов необходимо отметить Хареса ад-Дари, Али Хатема, Абдулмалека аль-Саади. Именно их вооруженные отряды, а также лояльное им население и обеспечили очень быстрый успех по продвижению боевиков ИГИЛ, а также захват Мосула. Участие именно баасистов не только в военном, но и в экономическом становлении ИГИЛ безусловно. В частности, одной из ключевых фигур, через которую шла финансовая подпитка ИГИЛ, является бывший военный атташе при посольстве Ирака в Москве во времена С.Хусейна полковник Адель Кейси. Сейчас он находится в Катаре и прорабатывает вопросы поставок партий оружия восставшим суннитам. Ему помогает еще один бывший сотрудник военного атташата при иракском диппредставительстве в Москве полковник Абдель-Кадер аль-Каи, сейчас курирующий баасистское подполье в Багдаде. Бывший посол Ирака в Москве Низар ад-Дури является представителем суннитского сопротивления в АРЕ. Примечательно, что портреты И.И.ад-Дури были вывешены в Мосуле сразу после захвата города наравне с портретами лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади. Много бывших баасистов и в Высшем совете ИГИЛ (переименованного в «Исламское государство» – ИГ) и силовых структурах этой организации, о чем мы порасуждаем ниже.

Мы сообщаем об этом так подробно еще и потому, чтобы еще раз подчеркнуть: природа возникновения ИГ носит сугубо националистический характер, а вся исламистская риторика в данном случае используется исключительно в пропагандистских и организационных целях. Важным и принципиальным моментом в данном случае является политика Дохи, которая в отличие от своих догматически «упертых» конкурентов в лице Эр-Рияда четко осознала, что поддержка именно такой тенденции является основополагающей, и ни в коей мере не препятствовала ей. В этом кроется еще одна принципиальная разница между ИГ и «Аль-Каидой».

В апреле 2013 года эта тенденция была фактически окончательно оформлена, когда Абу Бакр аль-Багдади, сменивший убитого Абу Умара аль-Багдади, объявил «о распространении юрисдикции ИГ на Сирию». О причинах этого мы уже говорили ранее, хотя отметим один нюанс. Структуры ИГ существовали практически с 2011 года, и заявление лидера организации просто являлось констатацией того, что ИГ присутствует в Сирии полновесно и зримо. Некоторые обозреватели в этой связи указывают на то, что Абу Бакр аль-Багдади якобы послал в качестве руководителя сирийского филиала сирийца Абу Мухаммеда аль-Джулани, выпущенного по амнистии в том же 2013 году. Но вот здесь А.М.аль-Джулани и его сторонники проявили строптивость, отказались подчиняться центральному руководству в Мосуле и основали собственную организацию в лице пресловутой «Джабхат ан-нусры». Западные аналитики и политологи делают из этого вывод о том, что «Джабхат ан-нусра» является исключительно лишь непослушным порождением ИГ, что не мешает союзу между ними. Примерно той же точки зрения придерживается и отечественный политолог С.Багдасаров, который вдруг открыл, что «Джабхат ан-нусру» финансируют катарцы. Этот вывод он сделал из того факта, что А.М.аль-Джулани стали в последнее время показывать на катарском канале «Аль-Джазира». Показывать его в последнее время стали по другой причине, о которой мы поведаем ниже.

Сейчас о «Джабхат ан-нусре» и ИГ. Отказ А.М.аль-Джулани, которого, кстати, никто никуда не направлял, присягать на верность иракскому Мосулу был обусловлен совсем не идеологическими разногласиями. Его просто элементарно перекупила Саудовская Аравия, которая на тот момент примитивно подкупала любые исламистские группы для того, чтобы укрепить свое влияние в вооруженном сегменте сопротивления. А.М.аль-Джулани был знаковой фигурой в исламском сообществе Сирии, а Эр-Рияду нужен был авторитет во главе создаваемой орга-

низации. По большому счету, на время освобождения А.М.аль-Джулани из сирийской тюрьмы «Джабхат ан-нусра» уже существовала, он нужен был как духовный вождь для концентрации вокруг себя сирийских единомышленников. Кроме того, сириец А.М.аль-Джулани очень не хотел, чтобы им командовали именно иракцы. Подчеркнем особенность новой тактики Саудовской Аравии при организации джихадизма в Сирии. Ее «отцом» был принц Бандар, который тогда занимался организацией подконтрольных КСА подрывных структур в Сирии. В отличие от Афганистана, Боснии и Чечни в Эр-Рияде отказались от практики направления в ряды джихадистов своих сторонников из ближнего круга Усамы бен Ладена. При такой практике страдало управление, много выделяемых финансов (до 30%) расхищалось по дороге посредниками и связниками. В этой связи принц Бандар начал направлять в «Джабхат ан-нусру» кадровых офицеров Управления Общей Разведки (УОР) КСА и спецназа, которых перед этим обучали пакистанские инструкторы. Правда, для проформы они официально перед командировкой из силовых структур увольнялись. И отряды «Джабхат ан-нусры» в отличие от «Аль-Каиды» можно уже с полным основанием рассматривать не как опосредованно связанную с Эр-Риядом джихадистскую структуру, а как фактически филиал силовых ведомств КСА, которые использовали в своей подрывной деятельности «исламистский фактор». В данном случае маски были окончательно сброшены. И первое время сторонники ИГИЛ/ИГ воевали исключительно с просаудовскими группами, выдавливая их из стратегических приграничных с Турцией районов. Естественно, не столько из-за разногласий между А.Б.аль-Багдади и А.М.аль-Джулани, а в силу жесткого противостояния между их спонсорами в лице Катара и КСА. Так что ни о каком финансировании со стороны Катара этой структуры ни тогда, ни сейчас речи не идет в принципе.

Выведем в этой связи важный тезис: вся разница между ИГ и «Аль-Каидой» заключается в том, что эти

группировки при, в общем-то, близких идеологических установках и методах борьбы ориентируются на разных внешнеполитических спонсоров. ИГ – на Катар, а «Аль-Каида» – на КСА. Для того чтобы глубже понять весь характер противоречий между этими группами, надо более подробно проследить этапы регионального соперничества между КСА и Катаром. Не входя во все исторические перипетии этой борьбы двух ваххабитских монархий, обратим внимание на события сравнительно недавние. Смена руководства в Катаре в 2014 году и приход к власти нового эмира Тамима привели к резкому изменению внешнеполитической концепции этого государства с явным сокращением активности на «второстепенных» направлениях типа Йемена или Судана с переносом основной тяжести на «прорывные участки». При этом в основу такой стратегии положена ставка на глобальное движение «Братья-мусульмане», штаб-квартира и руководство которого находятся в плотной орбите влияния Дохи. Водоразделом во временном союзе КСА и Катара, явно прослеживающемся в период совместных действий по свержению М.Каддафи, стали события в Египте. Военный переворот, загнавший патронируемых катарцами «Братьев-мусульман» в подполье на неопределенный период времени и полностью поддержанный в Эр-Рияде, четко вскрыл все глубинные противоречия между двумя ваххабитскими монархиями и продемонстрировал, что Катар совершенно не отказался от своих планов по борьбе за лидерство в мусульманском мире. Только теперь в основу этого тренда была положена совершенно иная стратегия. Теперь формат борьбы между КСА и Катаром перешел в «подковерную» войну с использованием всего арсенала подрывных операций. И ИГ в Сирии и Ираке, Ливии и на Синае – только открытые формы такой деятельности. При этом борьба периодически чередуется этапами вроде бы примирения, что очень легко отслеживать не только по официальной политической хронике, но и по характеру высказываний лидеров ИГ и «Джабхат ан-нусры».

В 2014 году в месяц рамадан лидер «Исламского государства» (ИГ) Абу Бакр аль-Багдади объявил себя «главным халифом» в главной мечети Мосула. Это был пик экспансии ИГ, за счет очень приличных финансовых средств в него текли потоки добровольцев, проводились успешные наступательные операции сразу на двух фронтах (Сирии и Ираке), а иракская армия показывала свою полную неспособность к какому-то внятному сопротивлению. В этой ситуации вновь обострилась борьба между двумя столпами радикального джихадизма – ИГ и «Аль-Каидой». Последняя совсем «завяла» под напором молодого и агрессивного конкурента, которому, в принципе, мало что могла противопоставить. Отказавшись от финансирования своих филиалов за границей, «Аль-Каида» тем самым заложила мину замедленного действия под свою «главенствующую роль» в процессе джихада. И конечно, выжидательная позиция А.аз-Завахири «со товарищи» только способствовала этому. Джихадизм – это дело молодых, а им нужен постоянный драйв, а не философские учения и настроенность «на вечность».

Продолжающиеся кризисы в Ираке, Йемене, Сирии и ренессанс исламистского радикализма в Ираке заставили по-новому взглянуть на перспективы существования «пакистанской» (по месту нахождения руководства) «Аль-Каиды», с которой, собственно, и ассоциируется само возникновение этого явления. И с которым многие обозреватели ошибочно связывают фактически все существующие на сегодняшний момент джихадистские формирования, действующие в той или иной части мира. В пользу такой версии они обычно указывают на факт присяги той или иной джихадистской группировки на верность «Аль-Каиде». В последнее время об этом слышно все реже и реже, но даже в период расцвета этого парада «приобретения вассалов» такому явлению уделялось неоправданно большое значение. Нынешняя позиция экспертов была во многом сформирована оценками разведсообщества США и стран Запада, которые автоматически

зачисляли в союзники Усамы бен Ладена всех кого не лень, исходя из опубликованных на исламистских сайтах сомнительных «признаний в верности». В данном случае никто не опровергал расширение «Аль-Каиды» как со стороны спецслужб, так и со стороны собственно самого руководства радикалов. Такое положение дел полностью устраивало обе противоборствующие стороны, поскольку первой гарантировало ежегодное расширение бюджета, а второй – повышение собственного статуса в глазах мусульманской уммы в первую очередь и обеспечивало тем самым приток новых кадров. Все это существовало до той поры, пока руководство «Аль-Каиды» не предоставило «подконтрольным» ему группам право самостоятельно выбирать цель для предстоящих террористических атак с одновременным переводом на самофинансирование. Вопрос финансов является краеугольным камнем жизнеспособности любой джихадистской структуры, кто бы чего ни говорил об идеологии. Она способна обеспечить активность на очень недолгий срок, что, собственно, сейчас пакистанская «Аль-Каида» и осознает в полной мере.

Дело в том, что руководство «пакистанской» «Аль-Каиды» осталось в настоящее время фактически в изолированном состоянии в Северном Вазиристане, поскольку международное признание как «основной и направляющей силы» со стороны единомышленников возможно только при наличии вертикального финансирования. В этой связи группировки в Магрибе и на Ближнем Востоке стали все более неформально на первом этапе дистанцироваться от «пакистанского ядра», одновременно лихорадочно пытаясь найти новых финансовых спонсоров. И нашли их в лице ИГ, которое было очень вовремя структурировано катарцами. Последние грамотно нащупали брешь в прежде стройной стратегии Эр-Рияда на поддержание и распространение своего влияния в мусульманском мире через модель джихадизма, и взяли его на вооружение. Недостаток финансирования самой «Аль-Каиды» был обусловлен еще и началом сирийского конфликта, куда

пошли основные саудовские ресурсы и финансы. Мы уже говорили о новой стратегии принца Бандара по применению ее в проведении тайных операций с использованием «исламистского фактора». Напомним, что Эр-Рияд в данной ситуации вышел на прямую схему финансирования джихадистских структур, ресурсы распределялись через отправленных в Сирию оперативников УОР. А это объективно еще больше ослабило влияние «пакистанской» «Аль-Каиды» и сделало ее, по сути, периферийным органом с представительскими функциями.

ИГ в данном случае стал новым «якорем» для джихадистов всех мастей, поскольку эта группировка оказалась самой богатой за всю историю ренессанса радикального исламизма, который начался еще в период советского присутствия в Афганистане. Временно, разумеется, пока международной коалиции, курдам и шиитам не удастся отбить обратно захваченные месторождения углеводородов. Это обеспечило ИГ не только приток новых бойцов, но и своеобразное международное признание у исламистски ориентированных повстанцев не только на Ближнем Востоке, но и в Африке. Целая череда «клятв в верности» ИГ, свидетелями которых мы стали в последнее время, есть ни что иное, как «заявка на получение гранта». И пока – не более того. Говорить о какой-то отработанной модели жесткого вертикального управления из Ирака, подкрепленной соответствующим финансированием, в данном контексте преждевременно. И в этом обстоятельстве, если оно не будет изменено, заложено повторение истории с «пакистанской» «Аль-Каидой». Но пока ИГ активно раскручивает свой бренд и преимущественно кормит обещаниями джихадистов по всему миру. Основной упор финансовой помощи сосредоточен исключительно на сирийском филиале группировки, которая, несмотря на все утверждения о трениях между ним и Мосулом, остается главной «тыловой базой» ИГ. До всех остальных «присягнувших» пока не доходят руки, да и финансовые ресурсы постепенно начинают уменьшаться

в силу наступления шиитов и курдов при поддержке авиации международной коалиции.

В связи с вышесказанным любопытным представляется информация Управления общей разведки (УОР) Иордании, которая свидетельствует о скором низвержении группы А.аз-Завахири, трансформации всего управленческого звена «Аль-Каиды» с одновременным выходом из-под его командования ранее присягнувших ей групп – таких, как «Джабхат ан-нусра» и «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ). Отметим при этом, что «Джабхат ан-нусра» и так является отдельным выделенным направлением, которое финансируется и комплектуется по отдельному плану. Иорданцы связывают это прежде всего с тем, что харизматичный лидер ИГ Абу Бакр аль-Багдади теснит старых ветеранов «джихада» как в силу последних реальных достижений на поле боя, так и по части информационного пиара. Сразу отметим в этих сведениях важный момент: «пакистанская» «Аль-Каида», как и «Джабхат ан-нусра» является саудовским проектом. И любые трансформации в руководстве этих структур могут происходить только по инициативе или молчаливом согласии Эр-Рияда. Как исключение, возможна перекупка ИГ части полевых командиров «Джабхат ан-нусры». Абу Бакр аль-Багдади как «новый Усама бен Ладен» может состояться только при условии прямого финансирования джихадистов на Ближнем Востоке и в Африке, но никак не в силу своей харизматичности.

Тем не менее, пропаганда «Аль-Каиды» предпринимает регулярные попытки очернить саму суть ИГ. В этой связи примечательны публикации в «каидовских журналах» в индийском регионе в июне 2015 года. Они, по нашей оценке, характерны с точки зрения принципиальных разногласий между двумя организациями. Тогда вышел его очередной 92-страничный выпуск, в котором центральное место занимало интервью с пресс-секретарем «Аль-Каиды» Адамом Гаданом, который был убит в январе с.г. американским беспилотником. А. Гадан много вре-

мени уделил фигуре Абу Мусаба аз-Заркауи, которого почему-то считают одним из основоположников того явления, которое сейчас называют ИГ. В частности, всячески отстаивается и подчеркивается тезис о том, что «аз-Заркауи всегда выступал за единство и джихад и никогда не допускал отклонения от генеральной линии организации». Это абсолютно соответствует действительности, поскольку А.М.аз-Заркауи был эмиссаром «Аль-Каиды», получал из Залива финансы на развитие джихада и стремился комбинировать их с риторикой, дабы заручиться поддержкой местных баасистов. Говорить о том, что он стал основателем ИГ – беспредметно, поскольку это явление по сути своей является ренессансом баасизма и к «мировому халифату» по природе своей имеет очень малое отношение. В отличие от «Аль-Каиды» в руководстве ИГ вообще нет иностранцев, и это очень показательно.

А.Гадан особенно напирает в своих откровениях на то, что «отнимать богатства других мусульман, лишать их жизни, оставлять вне лона ислама (как это делает ИГ – авт.) преступно». То есть подвергаются сомнению принципы самой стратегии ИГ, его чрезмерная жестокость по отношению к другим мусульманам (вспоминаем теоретические дискуссии между А.аз-Завахири и А.М.аз-Заркауи в период его миссии в Ираке). Это важно, поскольку характеризует главный пропагандистский тезис «Аль-Каиды» в противодействии своим основным конкурентам. В «Аль-Каиде» делают упор на террор против представителей властей и иностранцев. Интересен и главный интервьюер А.Гадана из каидовского журнала – М.Юсеф, который виртуозно владеет английским языком и является чуть ли не членом знаменитой «Лиги плюща» (ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США), что объясняет его устойчивые связи с рядом представителей американской политической элиты. Естественно, сильно не афишируемые.

Синхронно с этим «выстрелил» и исламистский журнал «Рисаля». Он недавно был образован и своей главной

задачей считает «развенчание в умах мусульман некоторых ошибочных стереотипов и сомнений, которым способствовали кяфиры, лицемеры, присутствующие среди нас и кто стремится исказить и уничтожить ясное и чистое учение ислама и джихада на пути Аллаха». Журнал активно критикует предательскую роль сторонников ИГ в Сирии в рамках их противодействия «истинным джихадистам» в лице «Джабхат ан-нусры». ИГ, по версии этого журнала, «создало свой меч для раздела мусульманской уммы вместо того, чтобы ее собрать». Также публикуются откровения на эту тему ликвидированного американцами лидера просаудовской «Аль-Каиды Аравийского полуострова» (АКАП) Н.аль-Вахайши и одного из лидеров «Джабхат ан-нусры» Абу Мухаммеда аль-Джулани. Они также в своих письмах лидерам «Аль-Каиды исламского Магриба» (АКИМ) указывали на то, что «тактика игиловцев по резонансным терактам в мечетях и больницах является преступлением». Журнал посвящен опровержению идеологии и практики ИГ и утверждает, что «Исламское государство» не может быть легитимным, поскольку А.Б.аль-Багдади не посоветовался с лидерами глобального джихадистского движения до провозглашения себя халифом. Активно цитируются в этой связи высказывания известного богослова Сахиха Бухари, типа: «если какой-либо человек дает клятву верности кому-то (стать халифом-авт.), не посоветовавшись с другими мусульманами, и кто-то присягнул ему на верность, то они должны быть убиты». Примерно в той же тональности цитируются и известные богословы типа Абу Катады и Абу Мухаммеда аль-Макдиси. Одновременно активно используются воспоминания ветеранов «Аль-Каиды», которые лично знали Усаму бен Ладена и, опираясь на этот факт, активно используют тезис о том, что «он точно бы не стал одобрять убийство и насилие над женщинами и детьми, независимо от их вероисповедания». Помимо собственно журналов в пропагандистских целях активно используется и Твиттер, где регулярно поднимаются целые волны критичных для ИГ высказываний.

В этой связи примечательны выводы Института внешнеполитических отношений (Нидерланды), аналитики которого постарались суммировать взаимные теоретические претензии «Аль-Каиды» и ИГ. Среди претензий сторонников «Аль-Каиды» отметим следующие: ИГ проявляет недостаточную гибкость и настойчивость в работе по привлечению в свои ряды всех сегментов мусульманской уммы, и особенно молодежи, которая нуждается в постоянной заботе и опеке со стороны проповедников. Условно говоря, сторонники ИГ не пытаются привлечь в свои ряды представителей различных мусульманских сект и течений. То же самое касается и темы сотрудничества с различными исламскими партиями. ИГ категорически отрицает сам факт существования легальных политических исламских партий. «Аль-Каида» же выступает за плодотворное сотрудничество с такими образованиями с целью инфильтрации в них своих сторонников и создания условий для их прихода к власти в результате выборов. Особенно в этой связи большое внимание, по оценке каидовцев, должно уделяться планомерной работе с лидерами этих партий.

Создание всемирного халифата, по мнению идеологов «Аль-Каиды», – дальняя перспектива. В настоящее время для этого не существует достаточных условий. Сейчас необходимо сосредоточиться на борьбе с «дальними врагами» и «подрыве их экономической мощи». Под «дальними врагами» имеются в виду прежде всего американцы и европейцы, а в последнее время все более отчетливо – и иранцы. В общем-то, это тезис Усамы бен Ладена, который очень оперативно отказался от идеи нанесения американцам и европейцам «непоправимого ущерба» путем проведения резонансных терактов на их территории после событий «11 сентября». Причина в данном случае прозаична – реакция американцев на эти события очень быстро поставила крест на попытках создания «правильных государств» на территории Афганистана. А создание таких плацдармов для организации

дальнейшей экспансии и выработки некой модели развития общества по «аль-каидовским методам» потерпело фиаско в связи с отсутствием финансирования и конфликтом между иностранными политкомиссарами и национальной элитой.

«Аль-Каида» также не приемлет публичных массовых казней с отрезанием головы и иных средневековых методов. И особенно неприемлемы публикация и тиражирование таких материалов в публичных сетях. Убивать своих противников необходимо только из огнестрельного оружия. Кроме того, похищенных иностранцев надо не казнить, а использовать для обмена на своих сторонников, которые находятся в плену у «неверных». «Аль-Каида» также осовременила и трансформировала выпущенное в начале 2000-х годов «руководство по ведению джихада». В него введены пункты о «невозможности атаки на гражданские цели, мечети, госпитали, женщин и детей».

У ИГ свой ворох претензий по этим пунктам. Оно обвиняет нынешнее руководство «Аль-Каиды» в отступлении от принципов, которые в свое время провозгласил У. бен Ладен. «Аль-Каида» стала «мягкой», размытой организацией, в которой очень много демократии при принятии ключевых решений. Это делает процесс принятия решения слишком долгим и не позволяет оперативно реагировать на изменение обстановки. В ИГ в отличие от «Аль-Каиды» предельно жестко трактуют «такфир» в плане того, что недопустимо любое сотрудничество с «отступниками от веры» и теми, кто «не признает халифат как единственную форму устройства исламского государства», тем более в формате некого сотрудничества в политической сфере. Это предполагает и репрессии в отношении суннитов-отступников, что резко сужает политическую и общественную базу поддержки. Халифат сторонники ИГ полагают единственно возможной формой государственного устройства, которую необходимо реализовать сейчас и сразу, без всяких переходных периодов.

Этот тезис четко прослеживается в «научных трактатах» одного из духовных идеологов ИГ Турки бен Али. Он же подчеркивает, что Абу Бакр Аль-Багдади является единственным кандидатом на этот пост, поскольку происходит из племени курейшитов. То есть имеет корни в племени пророка Мухаммеда. В этом обстоятельстве кроется принципиальное противоречие между «Аль-Каидой» и ИГ, поскольку затрагивает давний спор между иракцами и саудовцами в отношении прав на верховенство в мусульманском мире. Этот момент был корнем противоречий еще во времена короля Фейсала, которого, собственно, из КСА в Ирак просто насильственно выслали. Смена иракской монархии на баасистский республиканский режим в этом принципиальном споре ничего коренным образом не изменила. В этом же обстоятельстве кроется и нежелание иракцев признавать верховенство в организации саудовцев или их ставленников.

В отличие от «Аль-Каиды» ИГ широко применяет казни с использованием отсекания головы с помощью ножей. При этом приверженцы ИГ априори всех иностранцев считают агентами Запада, в том числе и сотрудников медицинских и благотворительных организаций. Нидерландские аналитики полагают это также важным отличием в тактике организации, утверждая, что в «Аль-Каиде» стараются избегать нападений на «иностранцев гражданских профессий». Возразим на это и приведем факт, широко практиковавшийся в Чечне: там обезглавливали жертв, в том числе и совершенно мирных профессий, например, английских и новозеландских инженеров, которые занимались в этой республике вопросами мобильной связи. Тогда в Чечне верховодили сторонники «Аль-Каиды», об ИГ тогда не было слышно в принципе. Нынешние же приверженцы ИГ принципиально не делают никакой разницы между военными и гражданскими иностранными гражданами. Когда читаешь этот анализ, невольно на ум приходят знакомые по истории разногласия между «мягкими» и «твердыми» искровцами, меньшеви-

ками и большевиками. Примерно этот же бодрый период внутрипартийных дискуссий переживают и нынешние исламисты, правда, сопровождая свои искания гораздо большими реками крови.

Важным отличием между ИГ и «Аль-Каидой» является тезис о «дальних и ближних врагах». Как мы уже говорили, в «Аль-Каиде» делают акцент на упор в борьбе против «дальних врагов» (США, ЕС), а в ИГИЛ/ИГ с самого начала в качестве главного противника обозначили шиитов. И лишь позже, после начала воздушных атак международной коалиции, стали считать иностранцев врагами. И в данном случае этому также существует свое объяснение. Прежде всего потому, что во главу угла в гражданской войне в Ираке и Сирии ставится традиционное противостояние между шиитами и суннитами и их борьба за власть. Это, собственно, с разной степенью интенсивности происходило во все времена существования Сирии и Ирака в новейшей истории. Но, опять же, считать это обстоятельство каким-то главным различием между ИГ и «Аль-Каидой» мы бы не стали. Иран является для КСА одним из главных вызовов своей национальной безопасности и теперь, после сделки по иранской ядерной программе и активизации сирийской кампании, это понимание только усилилось в Эр-Рияде. И «Аль-Каида» сразу же на это отреагировала и еще до всех этих событий в начале 2015 года официально призвала своих сторонников сражаться с «шиитской экспансией». Первоначальное разделение «на дальних и ближних врагов» в доктрине «Аль-Каиды» объясняется тем, что сам этот инструмент создавался Эр-Риядом как средство своей заявки на равноправное участие в мировой системе политических тяжеловесов, и основным оппонентом в этом выступал именно Вашингтон.

С учетом этих идеологических и тактических разногласий попытки «Аль-Каиды» перехватить инициативу у ИГ в формате пропагандистской кампании, которую она на первом этапе бездарно проиграла, в общем-то оче-

видны. Но вот совсем не очевидны результаты этой кампании, поскольку вникать в философские диспуты для основной части (в многом безграмотной) рекрутов и сторонников ИГ является делом второстепенным. Они идут туда, где есть деньги и движение. То есть действие, а у «Аль-Каиды» ни того, ни другого нет. Или, по крайней мере, недостаточно, если мы возьмем, например, ту же «Джабхат ан-нусру», которая создана Эр-Риядом для решения конкретной локальной задачи в Сирии.

Как мы уже говорили, такие вспышки взаимной критики регулярно сменяются этапами потепления. Как правило, они случаются в период вынужденных совместных действий под прессингом внешних обстоятельств. И тогда риторика пропагандистских рупоров «Аль-Каиды» и ИГ меняется. Индикатором таких изменений обычно являются встречи между руководством Катара и КСА на высшем уровне. Договоренности по иранской ядерной сделке и попытки успеть свергнуть режим Б.Асада до конца 2015 года путем объединения всех сегментов исламистского сопротивления в Сирии в одну структуру вынудили непримиримых соперников в очередной раз встретиться в июле 2015 года. Мы уделяем этой встрече отдельное внимание ровно потому, что на ней была выработана некая общая стратегия на сирийском направлении. Такая попытка уже предпринималась в конце 2014 года, просаудовская «Джабхат ан-нусра» в принципе сумела подмять под себя остальные группировки и даже организовать нечто похожее на единое командование в лице коалиции «Джейш аль-фатх». При этом реального объединения с прокатарским «Исламским государством» (ИГ) не произошло, сторонники ИГ просто перестали стрелять в своих «коллег» и дали им возможность свободно повоевать в Идлибе. На встрече была достигнута договоренность о том, что саудовцы берут на себя роль «хозяев» некоего саммита всех джихадистстких группировок сирийского (а возможно – и иракского) фронта с целью организации единой структуры. Стороны констатировали, что такая модель является

единственным действенным инструментом для противодействия набирающему силу Ирану. То есть мы не увидели ничего принципиально нового: тот же набор (а он, собственно, единственно возможный, исходя из военного потенциала этих двух ваххабитских монархий) инструментов распространения своего влияния – стимулирование джихадистского сегмента в горячих точках.

Сведения о возможном альянсе между ИГ и «Аль-Каидой» вообще регулярно вбрасываются в информационное пространство. В октябре 2014 года много шума наделало сообщение американской газеты «Вашингтон пост» о создании «единого блока» между джихадистами из «Аль-Каиды» и ИГ. Это дало повод ряду экспертов утверждать, что исламисты теперь якобы создали единый фронт по всему миру и готовы воевать с цивилизованным миром в любой точке земного шара. Основанием для такого вывода стало совместное заявление группировок «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) и «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ), призывающее своих «братьев» в Ираке и Сирии «прекратить убивать друг друга и объединиться против американской кампании и ее злой коалиции, которая угрожает нам всем». При этом американские журналисты почему-то решили, что АКИМ воюет на Синайском полуострове. Ее там никогда не было, а само такое предположение свидетельствует о том, что с географией плохо дело не только у президента США, но и у журналистов очень солидного издания. Но суть не в этом. Нам важно понять в данном случае причины такого заявления и определить, какие реальные силы за этим стоят. То есть оценить глобальность произошедшего с точки зрения создания нового «Зеленого интернационала».

При ближайшем рассмотрении выясняется, что на верность ИГ присягнуло только «два батальона» АКИМ. На их основе была сформирована новая группа «Солдаты халифата Алжира», которую возглавил Халид Абу Сулейман. Боевики этой группы, собственно, и взяли на себя

ответственность за захват и казнь французского гражданина. Сразу же заметим, что численность «двух батальонов» не следует считать равноценной военным соединениям аналогичного названия в регулярных армиях государств. По данным экспертов, более разбирающихся в сути вопроса (в отличие от американских журналистов), речь идет максимум о двухстах боевиках. Теперь по сути вопроса.

АКИМ, которую почему-то принято считать «единым монолитом», давно таковой не является. Отметим, что необходимо оценивать деятельность этой организации с точки зрения национальной принадлежности того или иного полевого командира. АКИМ довольно продолжительное время раздирают противоречия, основанные в своей подавляющей массе на простом принципе борьбы за распределение прибыли от контрабанды оружия и наркотиков из стран Западной Африки через Магриб в Европу, а также за получение выкупа за освобождение заложников. Этот бизнес, который подвергся серьезным корректировкам после падения режима М.Каддафи в Ливии и наступления эры неопределенности, является основной формой существования т.н. «алжирского крыла» АКИМ, которое, собственно, его и контролирует. Вспышка сепаратизма туарегов, спровоцировавшая серьезный кризис на севере Мали, обусловлена, в том числе, и стремлением ряда туарегских племенных шейхов и командиров получить более весомые доли в этом бизнесе и серьезно потеснить «алжирское крыло». Что, в итоге и произошло. Многие алжирские командиры АКИМ при этом остались на плаву благодаря компромиссу с вождями туарегов, а часть командиров свои «делянки» потеряла в силу «сужения площадки». Не будем также забывать и о возникновении в зоне Сахеля еще одного мощного конкурента в этой области в лице ливийских исламистов, которые в настоящее время ведут активную борьбу с целью перенаправить основные потоки контрабанды (и, соответственно, финансовые потоки) через территорию Ливии, представляющую собой на данный момент классическое «несо-

стоявшееся государство». В этой связи «оставшимся не у дел» полевым командирам как воздух нужен новый спонсор, и они такового нашли в лице ИГ, которое до сих пор, несмотря на все разговоры, хорошо зарабатывает на поставках контрабандной нефти в Турцию и, как ни странно, в Иран. Правда, в последнем случае в гораздо меньших объемах. У ИГ, кстати, такое спонсорство входит в обычную практику, и «шальные» деньги являются отличным стимулом для самого разного рода группировок «присягать на верность» иракским единомышленникам.

Ровно теми же самыми соображениями обусловлено и заявление части командиров АКАП, действующих в основном в Йемене и уже долгое время влачащих жалкое существование. В том числе и по причине отказа Эр-Рияда поддерживать эту организацию. У АКАП с «пакистанской» «Аль-Каидой» вообще сложные отношения, которые были спровоцированы борьбой за пост верховного руководителя организации после смерти Усамы бен Ладена. Тогда Эр-Рияд после недолгих раздумий все-таки поставил на «египетское крыло» во главе с Айманом аз-Завахири, которому противостояли представители «йеменского филиала». Нынешний лидер АКАП Н.аль-Анси является йеменцем, а события в Амране, где при молчаливом согласии, в том числе и Эр-Рияда, шиитские повстанцы-хоуситы раздолбали, в прямом смысле этого слова, «исламский университет», в котором долгое время проходили тренировки иностранных джихадистов, любви к Саудовской Аравии у него не добавили. Отход ряда полевых командиров исламистов по всему миру от пакистанского (по месту нахождения) руководства «Аль-Каиды» обусловлен именно вопросами финансирования. В отличие от А.аз-Завахири, который сейчас в средствах стеснен и давно перевел зарубежные филиалы «Аль-Каиды» на самофинансирование, руководство ИГ в дотациях не стесняется. За этим стоит стремление Дохи монополизировать этот инструмент воздействия и минимизировать влияние на него со стороны КСА. Но об этом, а также

о различных франшизах ИГ на Ближнем Востоке и Африке мы поговорим отдельно.

Так что будем надеяться, что именно этот момент имеют в виду «специалисты в США, занимающиеся противодействием терроризму», которые утверждают, что все эти факты свидетельствуют об одном: фракции «Аль-Каиды» приближаются к прекращению раскола и готовности выступить единым фронтом против международной коалиции. То есть «специалисты по террору» на полном серьезе полагают возможным стратегическое и принципиальное единение ИГ и «пакистанской» «Аль-Каиды», что, как мы выяснили, невозможно просто по определению.

Повторим, что мы мало верим в такой долговременный альянс саудовцев с одной стороны, и катарцев с турками – с другой. Он возможен (по ленинской формуле) только как «временное объединение с дальнейшим категорическим размежеванием». То есть соглашение по ядерной программе Ирана стимулировало срочную необходимость скорейшего свержения режима Б.Асада без оглядки на принципиальные противоречия, пока в Дамаск не пошли бурным потоком иранские нефтедоллары. И для этого у горе-союзников оставался один год. Ровно столько, по оценкам аналитиков, осталось (если все пойдет без срывов) до окончательного выхода на внешний рынок иранских углеводородов. Сей факт, помимо прочего, означает и серьезное падение нефтяных цен, что объективно минимизирует возможности Эр-Рияда влиять на ситуацию привычным для него способом: вкачивать в джихадистский фронт все новые финансовые инъекции. Ввод в действие российской авиагруппы поставил крест на попытках развязать сирийский узел в 2015 году, но одновременно и создал более прочный базис для того, чтобы, как минимум, перестать на время сражаться друг с другом.

Обратим внимание на следующий характерный факт. Как только Эр-Рияд и Доха смогли о чем-то внятном договориться друг с другом, последовала и реакция той же «Аль-Каиды». Саудовский король и катарский эмир

встречались в июле 2015 г., а уже в сентябре (логистические сложности передачи ценных указаний из Эр-Рияда в пакистанскую «зону племен» имеют место) главарь «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири заявил, что его сторонники готовы воевать против западной коалиции в Сирии и Ираке вместе с «Исламским государством» (ИГ), несмотря на разногласия между этими террористическими группировками. Аудиозапись выступления преемника Усамы бен Ладена была распространена в интернете. «Айман аз-Завахири назвал незаконным движение ИГ, но заявил, что его сторонники присоединятся к нему в войне против коалиции, руководимой Западом, в Ираке и Сирии». Отметим также, что по итогам саммита в Эр-Рияде в конце августа 2015 года состоялась секретная встреча высокопоставленных сотрудников спецслужб Катара, КСА и Турции, на которой были намечены конкретные шаги на сирийском направлении в рамках координации усилий. И заметьте: с того момента перестали приходить сводки о каких-то действительно серьезных военных столкновениях между прокатарскими и просаудовскими группировками. Более того, они фактически разделили страну на «зоны ответственности», куда «посторонним вход воспрещен». Произошло, правда, некое недоразумение на севере провинции Алеппо, где сторонники ИГ выбили боевиков «Джабхат ан-нусры» с их позиций. Но это было единичным моментом. Такая концентрация сил позволила саудовцам нарастить усилия на одном из главных направлений и взять под контроль Идлиб, откуда они планировали наступать на Латакию. ИГ при этом оставляло за собой право сохранить под своим контролем Ракку и коридор (кстати, довольно узкий) для продолжения контрабанды иракской нефти, от чего во многом зависит боеспособность этой группировки. Создание т.н. «буферной зоны», ради чего Анкаре, скрепя сердце, пришлось разыграть комедию в отношении «коалиции с США» и предоставить американским дронам авиабазу Инджирлик, сделало этот коридор поступления финансовых средств и

одновременно канал материально-технического снабжения всех без исключения сил исламистского сегмента (и прокатарских, и просаудовских) «гарантированным». Так что в заявлении А.аз-Завахири нет ничего удивительного и парадоксального. Более того, описанный нами конкретный и довольно «свежий» пример иллюстрирует четкую схему внешнего кураторства и «Джабхат ан-нусра», и ИГ со стороны КСА, Катара и Турции.

Роль Турции в этом случае одна из ключевых. Именно от позиции Анкары зависит бесперебойное снабжение сторонников оружием, боеприпасами и новыми добровольцами. Без этого обстоятельства деятельность исламистского сопротивления в Сирии очень быстро сойдет на нет. И все разговоры турецкого руководства о «борьбе с ИГ» необходимо рассматривать только как некий пропагандистский маневр для того, чтобы и надежно прикрыть, и максимально легализовать свою поддержку этим структурам, которые они рассматривают как самый эффективный механизм по свержению нынешнего режима в Дамаске и противодействию набирающему силу курдскому сепаратизму. В этой связи примечательны откровения руководителя турецкой спецслужбы МИТ и ближайшего соратника президента Р.Т.Эрдогана Х.Фидана, которые опубликовали СМИ. Он назвал военную операцию России в Сирии против террористического образования, называющего себя «Исламское государство», – «серьезным нарушением базовых принципов ООН» и призвал западных коллег Турции приложить все силы «для расстройства планов Путина по подавлению исламской революции в Сирии». «Исламское государство» – это реальность, – цитирует слова Хакана Фидана германское информагентство AWD со ссылкой на недавнее сообщение турецкого агентства Anadolu. – Мы должны признать, что не можем искоренить столь хорошо организованное и популярное образование, как «Исламское государство». Поэтому я призываю наших западных партнеров, чтобы они пересмотрели свои прежние представления о политических течениях

в исламе, отложили в сторону свой циничный склад ума и вместе расстроили планы Владимира Путина по подавлению исламской революции в Сирии».

Хакан Фидан также добавил: Турция разделяет беспокойство Запада насчет того, что в ИГ устремляются выходцы со всего мира, в том числе, из Европы. Для того, чтобы урегулировать эту проблему, считает шеф турецких спецслужб, необходимо открыть в Стамбуле постоянное представительство или офис «Исламского государства» (вспомним офис «Талибана» в Дохе). «Это твердое убеждение Турции», – подчеркнул Х.Фидан. Потребность в открытии на территории Турции представительства ИГ Х.Фидан также объясняет необходимостью оказывать медицинское обслуживание раненым сирийским гражданам, которые бегут из Сирии в Турцию, «спасаясь от безжалостных авиаударов со стороны русских». Информагентство AWD объясняет эти слова Х.Фидана тем, что в турецких военных госпиталях сейчас находится большое количество боевиков ИГ, которые получили ранения в результате ударов российско-сирийской коалиции по базам террористов в провинциях Хомс и Хама. По данным AWD, полученным от корреспондентов в Турции и Сирии, раненых боевиков ИГ в строгой секретности переправляют в приграничный с Сирией округ Хатай и там размещают в специально оборудованных военных госпиталях.

Все эти откровения из уст главы турецкой спецслужбы звучат очень странно на фоне двух ужасающих резонансных терактов в Суруче и Стамбуле, ответственными за которые сами же турецкие власти считают именно сторонников ИГ. Честно говоря, сложно себе представить такую степень откровенности от какого-нибудь европейского руководителя спецслужб в аналогичной ситуации. Но в данном случае она дает нам полное основание утверждать следующее. Первое и главное – нынешняя военная операция России в Сирии, безусловно, является эффективным и сдерживающим исламистскую опасность действием. Об этом свидетельствует вышеизложенная

риторика Х.Фидана, в которой откровенно звучат нотки паники. Анкара, не скрываясь, бросает перчатку Москве, и это необходимо учитывать в выстраивании дальнейшей политики на этом направлении. Но сейчас не об этом, а о глубинном тренде Анкары в отношении ИГ и «Джабхат ан-нусры».

Политика турецкого руководства на этом направлении несколько раз на протяжении всего сирийского кризиса видоизменялась. Как мы уже говорили, с самого начала Турция попыталась работать самостоятельно, организуя некие структуры из дезертиров-суннитов из сирийской армии. Но все это привело, в конечном счете, к серьезным политическим, организационным и финансовым издержкам, и Анкара вознамерилась для себя по обыкновению «поиметь» сразу же с двух самых главных политических антагонистов в лице Катара и КСА, попытавшись при этом еще и решить свои собственные устремления применительно к сирийскому конфликту. В настоящее время они заключаются в предоставлении своей территории в качестве «тыловой базы» как для просаудовских группировок типа «Джабхат ан-нусры», так и для прокатарской ИГ. Отношения с ИГ со стороны турецких властей вообще становятся более похожи на стратегический союз в рамках свержения режима Б.Асада и минимизации негативных для Турции проявлений курдского сепаратизма. И не только. Вспомним о двух резонансных терактах в Суруче и Стамбуле, когда сторонники ИГ подорвали митинги политических оппонентов Р.Т.Эрдогана. Несмотря на это, турецкие власти отделались чисто «косметическими мерами», арестовав для проформы нескольких эмиссаров якобы ИГ. Кроме того, они использовали эти события для продолжения и интенсификации ударов по позициям курдов из Рабочей партии Курдистана (РПК).

Таким образом, очевидно, что по взаимной договоренности «жупел ИГ» просто используется Анкарой как пугало для попыток убеждения Запада в необходимости принять участие и прикрыть своим авторитетом, полити-

ческим и военным потенциалом проект по созданию в Сирии «безопасной и бесполетной зоны». Этот проект рассматривается турецкой стороной как один из главных инструментов обеспечения жизнедеятельности антиасадовских группировок, сохранения безопасности логистических путей снабжения как «Джабхат ан-нусры», так и ИГ, а также сдерживания всех попыток курдов основать свое полугосударственное образование на приграничных к Турции сирийских территориях. Более тесное взаимодействие именно с ИГ обусловлено прежде всего военным и политическим альянсом с Катаром, который является основным внешнеполитическим спонсором этой организации. Этот альянс, в основе которого лежит использование именно «Братьев-мусульман» как основного инструмента распространения своего влияния в мусульманском мире, имеет отчетливые проявления не только в Сирии, но и на Синае, и в Ливии. Собственно, недаром во время достигнутых договоренностей «о взаимодействии» между национальными спецслужбами КСА, Турции и Катара, о которых мы говорили подробно выше, одним из главных условий такого взаимодействия был тезис о согласии Эр-Рияда на «участие "Братьев-мусульман" в будущей политической жизни Сирии». Это было условие Анкары и Дохи, и они его «продавили». Другой вопрос, что на очень короткий тактический период. Если предположить, что завтра режим Б.Асада падет, то Сирия через весьма недолгий отрезок времени превратится в арену ожесточенных сражений уже между «Аль-Каидой» и ИГ.

В этой связи сделаем из вышеизложенного один глобальный вывод. «**Аль-Каида» (с сирийскими проявлениями типа «Джабхат ан-Нусры») и ИГ являются по сути инструментами распространения влияния и укрепления своих позиций в мусульманском мире двух основных ваххабитских конкурентов в лице КСА и Катара с примкнувшей к последнему Турцией. Геополитические разногласия между двумя этими центрами региональной силы предопределяют постоянное и**

жесткое конкурирование между двумя этими группировками, которые формально исповедуют незначительно отличающуюся салафитскую идеологию. Эта конкуренция имеет периоды жесткой конфронтации и временных перемирий, но принципиально эти два течения никогда не смогут соединиться в один «Зеленый интернационал» с одним управлением. Для этого необходимы союз и дружба между Катаром и КСА, чего никогда не будет. В этой связи говорить серьезно о каком-то долговременном альянсе этих двух джихадистких структур просто не приходится. Кроме того, в основе противоречий помимо чисто тактических моментов лежит и жестко националистический аспект функционирования ИГ, традиционные исторические напряженные отношения между иракским и саудовским течением суннизма, которые связаны с борьбой за право считаться истинными наследниками пророка Мухаммеда. Катарцы в этой связи очень четко отфиксировали восходящий тренд в джихадизме, который связан не с гипотетическим «всемирным халифатом», а с четко выраженным националистическим аспектом, и смогли структурировать его в виде ИГ. Этот тренд оказался более жизнеспособным и привлекательным для пассионарной части населения мусульманских стран, нежели порядком скомпрометировавшая себя «пассивной позицией» «Аль-Каида».

Глава 3

Структура и тактика «Исламского государства»

Мы уже отмечали ранее периоды становления того явления, которое сейчас принято именовать «Исламским государством» (ИГ). Это название группировка получила в 2013 году, после того как прошла все необходимые этапы становления, общее направление которого можно обозначить, как приведение джихадистского движения в некие рамки националистического тренда. Этому способствовало только то обстоятельство, что основной ведущей силой ИГ является бывшая суннитская баасистская элита страны, которая основной задачей своего вооруженного восстания полагает восстановление в рамках нового государственного устройства самодостаточной системы получения прибылей от нефтяного экспорта. Мотором этой кампании был, как мы уже говорили, ближайший соратник иракского диктатора С.Хусейна – И.И.ад-Дури, который на первом этапе и предоставил в распоряжение ИГ уже давно созданную систему региональных и городских отделений партии Баас, а также суннитские отряды народного ополчения «Феддаины Саддама». Функционеры этой структуры никуда не делись после свержения С.Хусейна, и в принципе ничего нового и необычного в плане строительства силовой и государственной машины придумывать не пришлось. Именно И.И.ад-Дури обеспечил связь нарождающегося в Эль-Фаллудже и Самарре исламистского национального движения с суннитскими племенами в провинциях Анбар и Найнава, что обеспечило очень быстрый и безболезненный ход восстания и

захват крупных административных центров «суннитского треугольника», включая Мосул и Тикрит. Присутствие баасистов в командных и руководящих органах на первом этапе становления организации составляло до 80%.

О структуре ИГ имеется много данных, самой правдоподобной и соответствующей действительности нам представляется схема, составленная известной аналитической группой Soufan Group. В своем материале специалисты из этой экспертной группы отмечают, что «Исламское государство» на сегодняшний момент смогло успешно объединить разрозненных боевиков, наладить логистику и грамотную коммуникацию между своими подразделениями, организовать учебный процесс для вновь прибывающих бойцов из разных стран мира. По мнению экспертов, контролировать территории в Сирии и Ираке, в том числе нефтеносные районы, террористам удается благодаря жесткой иерархии и дисциплине в своих рядах. Возглавляют организацию халиф и его советники (Шура и Совет шариата), им подчиняются структурные руководители отделов, которые можно сравнить с «министерствами».

На данный момент лидером «Исламского государства» является Абу Бакр аль-Багдади, известный также как Ибрагим Авад Ибрагим аль-Бадри ас-Самарраи. Этот человек стоит во главе организации с 2010 года. Ранее он был подручным имама в иракском городе Фаллуджа. В 2004 году задерживался американскими военными по обвинению в сотрудничестве с «Аль-Каидой», но был отпущен через год. А.Б.аль-Багдади родился в иракском городе Самарра к северу от Багдада примерно в 1971 году (точный год его рождения неизвестен). По словам Тарика Хамида, жившего по соседству с семьей А.Б.аль-Багдади, будущий лидер ИГ был тихим и молчаливым, все время ездил на велосипеде в традиционной для мужчин в Ираке одежде. А.Б.аль-Багдади отличался от большинства молодых людей в Самарре тем, что никогда не носил брюки и рубашки и не проводил время в кафе. Семья А.Б.аль-Багдади не была богатой, скорее бедной, зато «благо-

пристойной». Два его дяди работали в силах безопасности Ирака (!!!!), а это говорило о хороших связях и высоком статусе в обществе. Когда А.Б.аль-Багдади исполнилось 18, он переселился в столицу Ирака и поступил в институт. По словам знавшего семью А.Б.аль-Багдади жителя Самарры, будущий исламист получил степень кандидата наук в области религиоведения, однако других подтверждений этим сведениям нет.

А.Б.аль-Багдади воочию наблюдал вторжение американских войск в Ирак в начале нулевых, именно тогда он занялся террористической деятельностью. В 2004 или 2005 году (точная дата неизвестна) его арестовали во время антитеррористического рейда в Фаллудже и поместили в тюрьму «Кемп-Букка» как пособника террористов. Тюрьма была своего рода летним лагерем для исламистов: многие лидеры иракских террористических группировок сидели в «Кемп-Букка» и именно там завербовали себе немало сторонников и наладили связи среди радикального исламистского подполья. По всей видимости, заключение в «Кемп-Букка» сильно повлияло на А.Б.аль-Багдади. Он провел в тюрьме около двух лет, а после освобождения вернулся к террористической деятельности. В 2010 г. А.Б.аль-Багдади возглавил «Исламское государство в Ираке» – объединение террористических группировок исламистского толка, в котором первое время главенствующую роль играла «Аль-Каида». Под руководством А.Б.аль-Багдади группировка отказалась от флага «Аль-Каиды» и дистанцировалась от террористической сети Усамы бен Ладена.

Примерно в это же время А.Б.аль-Багдади покинул Ирак и обосновался в Сирии. К 2014 г. его «Исламское государство Ирака и Леванта» превратилось в одну из самых заметных террористических группировок Сирии и осуществило масштабное вторжение в Ирак, взяв под свой контроль часть северных территорий страны и несколько городов вблизи сирийской границы. А.Б.аль-Багдади крайне дисциплинирован. При этом он подвер-

жен паранойе – практически не допускает к себе посторонних, доверяя лишь узкому кругу единомышленников, со многими из которых познакомился в «Кемп-Букка» (это очень символично и характерно для иракского менталитета). По словам одного из бывших боевиков «Исламского государства», с которым удалось поговорить журналистам «Newsweek», А.Б.аль-Багдади представлялся только высокопоставленным боевикам. Ближайшим соратником А.Б.аль-Багдади был бывший офицер иракской армии Хаджи Бакр, которому он обещал титул «принца Исламского государства». В январе 2014 года Х.Бакр был убит в Сирии, что А.Б.аль-Багдади воспринял очень тяжело. По некоторым данным, убийство Х.Бакра было спланировано и осуществлено боевиками просаудовской группы «Джабхат ан-нусра». Это к вопросу о возможном долговременном альянсе между двумя организациями.

От себя отметим в этой связи один момент. Хаджи Бакр был одним из авторов концепции строительства спецслужб ИГ и разработки тактики действий военных отрядов организации. Мы ее более подробно рассмотрим ниже, но сам факт очень примечателен. В Шуру точно входили на первом этапе следующие лица: Абу Муслим аль-Афари аль-Туркмани; Абу Али аль-Анбари; Абу Аркан аль-Амири; Абу Айман аль-Ираки; Абу аль-Анхир аль-Абси; Абу Мухаммед аль-Аднани и Умар аль-Шишани, который был убит в 2015 году под Пальмирой. Эти данные Soufan Group являются неполными, поскольку в Шуру входит одиннадцать человек. Прибавим туда собственно самого А.Б.аль-Багдади и тогда еще живого Х.Бакра. По данным саудовской разведки, в настоящее время в состав Шуры введены еще шесть основных полевых командиров ИГ, которые руководят самостоятельными направлениями в Сирии и Ираке («фронтами»). Все они являлись высокопоставленными руководителями иракской военной разведки и армии во времена С.Хусейна. Как предполагает ряд осведомленных экспертов, многие из них по роду службы имели

тесные контакты с сирийскими коллегами в период вторжения американцев в Ирак.

Позднее сирийские спецслужбы снабжали эмиссаров тогда еще «Аль-Каиды Междуречья» (АКМ) боеприпасами и взрывчаткой для совершения терактов не только против конкурирующих повстанческих группировок, но и в ряде случаев против шиитских лидеров. Этот момент в свое время, кстати, вызвал серьезное напряжение отношений между Багдадом и Дамаском. В Ираке действиями ИГ сейчас руководит командующий всеми военными операциями организации Нехме Абдель Найеф аль-Джибури (Абу Фатима аль-Джухейши), бывший высокопоставленный военный в армии С.Хусейна. Главным «инженером», отвечающим в группировке за изготовление СВУ, является бывший артиллерийский офицер Самир Абдель Мохаммед аль-Клифауи, который также входит в Шуру. Перед тем, как влиться в ряды ИГ, он занимался аналогичной деятельностью в другой иракской радикальной организации – «Аль-Каиде Междуречья» (АКМ).

В Сирии военными операциями ИГ руководит член Шуры полевой командир Мухаммед аль-Тикрити (Абу Айман). В свое время он был полковником военной разведки ВВС Ирака, а его принадлежность к клану Тикрити автоматически ставила его в круг приближенных к бывшему иракскому диктатору. Это не помешало Абу Айману с 2007 по 2010 гг. активно сотрудничать с американскими силовиками в рамках противодействия радикалам и шиитским ополчениям. База Абу Аймана сейчас располагается в сирийской провинции Дейр эз-Зор.

Основными советниками и наместниками халифа являются Абу Муслим аль-Туркмпни в Ираке и Абу Али аль-Анбари в Сирии. Первый – этнический туркоман, второго зовут Абу Али аль-Джибури (он же Касем Рашид аль-Джибури), из очень серьезного племенного клана Джибури провинции Анбар. Командующий иракской армии в провинции Найнава – его дальний родственник Наджим аль-Джибури, что само по себе очень симптоматично и

показательно. Оба эти персонажа были некогда членами иракской партии Баас и высокопоставленными офицерами спецслужб во времена С.Хусейна. В этой связи отметим, что провинциальные организационные схемы копируют глобальную схему построения ИГ. То есть в каждой провинции имеются эмир, шура, шариатский суд, совет богословов, заместители эмира по финансам и экономике, региональному развитию, военным делам, безопасности и пропаганде. Абу Муслим аль-Туркмани и Абу Али аль-Анбари являются как раз такими заместителями эмира в Ираке и Сирии соответственно. Кроме того, А.А.аль-Анбари в Шуре отвечал за службы безопасности.

«Туркоманский аспект» требует отдельного комментария. Как мы знаем, примерно с 2014 года американские разведслужбы активно обхаживают с подачи турецкой спецслужбы МИТ именно туркоман. Около 4000 боевиков из туркоманского ополчения сейчас располагаются как раз в той самой приграничной «зоне безопасности» (и в очень небольшой части Латакии), которую так активно лоббирует Анкара в качестве своего главного рецепта по борьбе с ИГ. Мы уже говорили, что истинными мотивами в данном случае являются совершенно иные причины: сохранение каналов материально-технического снабжения ИГ и в какой-то части «Джабхат ан-нусры» и препятствование расширению курдского сепаратизма. Так вот как раз А.М.аль-Туркмани и курирует отношения со своими соплеменниками с целью налаживания взаимодействия именно по этим вопросам. То есть туркоманское ополчение в данном случае выступает как «официальное прикрытие» для фактического снабжения сторонников ИГ через территорию Турции. Аналогичную роль играет и Абу Муслим аль-Туркмани в Ираке, где ЦРУ США активно работает с туркоманским племенным ополчением, снабжая его оружием и боеприпасами. Есть все основания полагать, что значительная часть всего этого затем направляется прямиком в отряды ИГ. Кстати, через этот же канал те же американцы в свое время вели диалог с представи-

телями суннитской элиты, и очень возможно, что ведут его и сейчас. Если обратить внимание на боевой псевдоним А.А.аль-Анбари, то становится ясно, что он родом из провинции Анбар. А про заигрывания американских силовиков с суннитскими племенами из этой провинции мы уже говорили ранее. А.А.аль-Анбари также курирует агентурную сеть ИГ в Багдаде и отвечает за организацию там терактов.

Обратим внимание и еще на один момент. Все члены Шуры, кроме уже убитого У.аль-Шишани, являются иракцами, что четко указывает на сугубо национальный характер этой группировки. По крайней мере, это касается ее руководящих кадров. Но о чеченце-кистинце У.аль-Шишани (он же Тархан Батиашвили) стоит поговорить отдельно. Напомним, что именно он в октябре 2014 года через интернет выступил с угрозами перенести «джихад» на территорию России, в частности в Чечню. Такое заявление вызвало волну оживленных комментариев отечественных политологов и очень жесткую реакцию лидера Чечни Р.Кадырова, пообещавшего «уничтожить автора обращения». Так и произошло. Мы уже отмечали, что У.аль-Шишани являлся зятем известного лидера банд-формирований на Северном Кавказе Д.Умарова, который последнее время вплоть до своей кончины скрывался в Панкисском ущелье. Там, собственно, и произошло сближение Д.Умарова со своим будущим родственником. После открытого разрыва с предпоследним «эмиром Аль-Каиды» на Северном Кавказе саудовцем Моганнедом Д.Умаров стал проводить активное сближение с Катаром, начавшим финансировать его интернет-рупор «Имарат Кавказ» и деятельность подконтрольных ему формирований, состоявших на тот период времени в основном из чеченцев-кистинцев. Позднее они были переброшены в Сирию, где составили первичный и самый боеспособный костяк будущего грозного ИГ.

Сам У.аль-Шишани, который родился в Панкисском ущелье в Грузии в 1986 году, до своего прихода в джихад

служил в грузинской армии и даже участвовал в боях в Южной Осетии. Позднее из армии он был комиссован в связи с заболеванием туберкулезом. В 2010 году арестован «за незаконное хранение оружия» и провел в тюрьме три года, где, по некоторым сведениям, был завербован грузинскими спецслужбами и использовался для внутрикамерной разработки иностранцев-мусульман, отбывающих тюремное заключение в Грузии. После освобождения вошел в близкий круг Д.Умарова, стал его родственником и доверенным лицом. В данном продвижении ряд экспертов также усматривает «руку грузинских спецслужб», которые на тот период времени установили плотный контакт с Д.Умаровым.

Позднее У.аль-Шишани перешел со своим отрядом сначала в АРЕ (период нахождения у власти в Каире правительства «Братьев-мусульман»), а затем через Турцию в Сирию. Утверждения ряда СМИ о том, что У.аль-Шишани самостоятельно отправился в этот вояж, а затем долго «неприкаянным» блуждал по Сирии, пока не встретил некоего саудовского богослова Абу аль-Ясира аль-Абси, который направил его на «путь истинный» и свел с Абу Бакром аль-Багдади, мы оставляем на совести журналистов. Никакого саудовца там быть не могло по той причине, что ИГ – это детище Катара, который никаких саудовцев в силу известных трений на «свою поляну» не пустил бы по определению. И действовал У.аль-Шишани не по собственному усмотрению, полагаясь на случай, а согласно четкому плану той же Дохи. И его присутствие в Шуре ИГ необходимо рассматривать именно как реверанс в сторону этой первой наемной силы, вокруг которой, собственно, и начал образовываться сирийский филиал этой группировки. И на этом этапе ИГ, кстати, по молчаливому согласию Дамаска, рассматривавшего его как противовес набравшей силу просаудовской организации «Джабхат ан-нусра», совершенно беспрепятственно разворачивало свою структуру на территории этой страны. Снова напомним о давнишних контактах сирийских

спецслужб с баасистским подпольем в период американской оккупации Ирака.

Интересно, что и сейчас, с учетом ярких проявлений антисирийской активности ИГ (таких, как, например, казнь сирийских военнослужащих) сирийский режим через посредников продолжает закупать у ИГ дешевый бензин и дизельное топливо, который оно производит на своих кустарных заводиках и продает по бросовым ценам всем желающим. Вызывает сомнение, что подразделение, которым командовал У.аль-Шишани, насчитывает 15–20 тыс. боевиков. Это не так: численность чеченцев-кистинцев в Сирии составляла в лучшие времена 300–350 бойцов. Другой вопрос, что они несравненно лучше арабов умели воевать. Но с момента гибели У.аль-Шишани других иностранцев в Шуре уже не было, что доказывает факт того, что собственно иракский сегмент организации серьезно укрепил свои позиции в той же Сирии и в иностранных командирах более не нуждается. Он в принципе не нуждался в них и самого начала сирийской эпопеи, но была просьба Дохи.

Все члены Шуры ИГ курируют какое-либо направление работы: Абу Ахмад аль-Аджани – военное направление, Абу Муслим Аль-Афари Аль-Туркмани – вопросы развития провинций, Абу Мохамед Аль-Аани – религиозную сферу, Муатаг Мустафа Аль-Хамуш (по некоторым данным, недавно убит в Сирии) – финансовые вопросы, аль-Абси – вопросы пропаганды. В их подчинении находятся советы, которые выполняют роль своеобразных министерств. Обязанности этих подразделений распределены по сферам деятельности. Одним из важнейших из них является Совет безопасности и разведки. Именно эта структура отвечает за подавление любого инакомыслия в рядах боевиков и среди жителей контролируемых территорий. Военный Совет разрабатывает планы боевых операций, Совет провинций обеспечивает организацию сбора налогов, логистики, функционирования разрозненных подразделений. В 18 провинциях руководят «вани» –

местные руководители, каждый из которых подчиняется центральному руководству и контролируется местными Советами шариата и Шурой.

Помимо Шуры существует Высший совет по вопросам шариата, состоящий из шести пока неустановленных членов, и совет богословов. По саудовским данным, в последний входят наряду с прочими бывший проповедник мечети Ахмед Бен Хамдал Ибрагим аль-Бадри из иракского города Самарра, уже упоминавшийся ранее Турки Бен Али (кстати, его имя также указывает на «заливное» происхождение) и 30-летний уроженец Бахрейна Абу Мухаммед аль-Макдасси. Стоит заметить, что А.аль-Бадри в свое время был арестован американскими оккупационными властями, провел в заключении два года, а сразу после своего освобождения начал активно заниматься вопросами организации ИГИЛ. И здесь есть повод для размышлений, поскольку не в правилах американцев освобождать убежденных джихадистов. В этой связи уместно вспомнить, что именно в тот период ЦРУ США стало реализовывать в Ираке программу (между прочим, довольно успешную, как показало время) по созданию противовеса иностранным джихадистам в лице местных суннитских националистов из партии Баас и племенной верхушки провинции Анбар. По этой причине ими было отпущено несколько знаковых фигур, которые могли сплотить вокруг себя своих сторонников.

Естественно, также подразумевалось, что эти группы смогут стать противовесом и растущему иранскому влиянию, что сейчас также имеет место, но уже больше по внутренним причинам и при поддержке со стороны саудовцев. Однако, как мы говорили уже, после вывода американских войск из Ирака шиитское правительство Н.аль-Малики нарушило все данные ранее обещания об инкорпорации суннитов во власть и тем самым выпустило эти силы «на свободу». Эта информация подтверждается аналитиками из Института международных отношений (Нидерланды). По их данным, практически все лидеры

ИГ, которые сейчас активно руководят организацией, в свое время находились в одной тюрьме, откуда были выпущены американцами или бежали в результате вооруженного нападения на тюрьму в 2013 году. Нидерландцы отмечают, что, по крайней мере, 17 из 25 известных лидеров организации были в заключении в тюрьме «Кемп-Букка». Именно там отбывали свое наказание и многие эмиссары и функционеры Баас.

Теперь поговорим более подробно об одном из ключевых элементов в системе ИГ – органах безопасности. В результате боев сирийской армии с отрядами «Исламского государства» (ИГ) в Алеппо в руки сирийских силовиков попали архивы ряда полевых командиров этой группировки, в том числе и рукописные материалы о структуре спецслужб этой организации. Эксперты полагают, что в данном случае эти наброски сделаны во время неких своеобразных семинаров полевых командиров в Мосуле, которые вел лично главарь ИГ Абу Бакр аль-Багдади. Исходя из этих схем, можно сделать примерный вывод о структуре разведывательной службы ИГ. По крайней мере, согласно первоначальному замыслу.

Итак, на региональном уровне разведслужбу ИГ возглавляет эмир. Он имеет трех заместителей, один из которых является главой секретной службы. Он же осуществляет негласный надзор за деятельностью первых двух заместителей, а также имеет собственных агентов на местах для сбора информации в отношении местных областных эмиров и их замов. Региональный эмир лично отвечает за все вопросы связи, шифрования и акции устрашения на вверенной ему территории. Ему подчиняются следующие структурные единицы:

- департамент надзора и безопасности, который в основном осуществляет функции контрразведки, в том числе и в формате службы собственной безопасности. Имеет в своем составе, помимо чисто оперативного отдела, группы террора для ликвидации предателей или должностных лиц противника, а также проведения акций

по запугиванию мирного населения в той или иной области. Есть даже подразделения снайперов. Одновременно занимается наружным наблюдением, прослушиванием, а также иными формами оперативно-розыскной деятельности;

- шариатский суд по вопросам безопасности, в функции которого входит разбор дел дисциплинарного характера сотрудников аппарата и разоблаченных агентов противника, также имеет функции надзорного органа за приговорами шариатских судов областного уровня;

- департамент подготовки и вербовки агентов, который выполняет функции разведки и кураторства сети местных ячеек.

Региональному эмиру также напрямую подчиняется областной эмир, который имеет одного заместителя. В подчинение последнего входят: шариатский суд по вопросам безопасности (функции аналогичны вышестоящему органу регионального уровня), глава секретных баз и тренировочных лагерей как для агентов, так и для членов шариатского суда (он же отвечает за вопросы контрразведки аппарата разведки); глава секретных тюрем; аппарат следователей и специалистов по проведению допросов задержанных (тесно взаимодействует на оперативном уровне с членами шариатского суда, которые могут выступать в роли следователей); сотрудник, ответственный за экономические вопросы жизнеобеспечения аппарата безопасности; глава департамента вооружения, отвечающий за вопросы приобретения и хранения оружия и боеприпасов; глава разведки, который руководит оперативным составом и сетями агентуры; глава инженерного департамента, в функции которого входит шифровка, внедрение и применение систем информационной безопасности и средств связи, а также приобретение и использование «шпионской техники».

В каждой области действуют и представители регионального департамента безопасности, имеющие двойное подчинение: региональному (через главу секретной службы) и областному эмирам. Они также собирают информацию

в интересах собственной безопасности местного органа, при этом в ряде случаев докладывая информацию напрямую региональному эмиру. Имеют собственные агентурные сети, отвечают за их финансирование на местном уровне. При этом ряд «менеджеров по информации», которые курируют местные мелкие ячейки, подотчетны помимо областного эмира региональному вице-эмиру, отвечающему за вопросы секретной службы.

Таким образом, мы имеем классическую, несколько утяжеленную схему строительства двухуровневой службы безопасности, которая в некоторых случаях действует параллельно. По своей запутанности и многоуровневости сильно напоминает немецкую РСХА, со схемы которой, видимо, и был во многом списан данный проект. В ней также много от системы спецслужб саддамовского периода. Основной момент в этом алгоритме – слежка всех за всеми, включая заместителей эмира регионального уровня. Из полученных документов также можно сделать вывод о способах рекрутирования агентов в «игиловское СД».

Первым этапом является обработка посещающих местные отделения подконтрольных Верховному шариатскому суду ИГ молельных комнат «Исламского призыва» для прослушивания лекций об основах мусульманского устройства общества, в рамках которого из каждой деревни отбираются и вербуются обычно два-три осведомителя, не связанных между собой родственными связями. Они должны осуществлять сбор данных по следующим вопросам, касающимся их населенного пункта: список самых влиятельных и богатых семей; список самых влиятельных членов в каждой семье; источник их дохода; наличие в населенном пункте каких-либо повстанческих группировок и имена или псевдонимы их командиров; политическая ориентация этих командиров; вскрытие фактов, компрометирующих их с точки зрения шариата, с целью дальнейшего шантажа. Кроме того, в обязанности руководителя секретной службы входит и подбор из числа агентов кандидатов для женитьбы на дочерях наибо-

лее влиятельных семей того или иного населенного пункта для инфильтрации в эти кланы. Особое внимание при сборе информации должно уделяться фигуре имама в том или ином городе: кто его назначил, какого течения ислама придерживается, где учился, характеристика жен и детей; источники дохода и его размер и т.п. Интересно, что среди направлений разведывательной деятельности в городах указываются чисто экономические объекты, количество мечетей, школ, детских садов, наличие политических и общественных организаций. При этом анализ списков информаторов ИГ, которые попали в руки сирийских силовиков, позволяет сделать некоторые выводы о качественном составе агентурного аппарата: это люди, попавшие в него в результате запугивания и шантажа (сразу отметим, что это крайне ненадежная категория); добровольцы-энтузиасты; лица, стремящиеся заработать; бывшие офицеры спецслужб и армии. Основная масса агентуры (до 70%) – это люди от 20 до 30 лет, но довольно много и подростков в возрасте 15–17 лет. То есть система безопасности ИГ является сильно разветвленной и дублирующей организацией, в основе которой лежит общее недоверие друг к другу. И как показывает опыт многочисленных сирийских спецслужб, это не является достаточной гарантией от серьезных провалов в работе.

Теперь обратим внимание на зарубежные «франшизы» ИГ, о которых много говорят и спорят. Снова обратимся в этой связи к материалам Института международных отношений (Нидерланды). В данном случае они указывают на то, что в основу концепции зарубежных филиалов ИГ положен труд еще одного иракского радикального богослова Абу Хаджи аль-Наджи «Управление дикостью» (2004 год). Основной тезис – создание «очагов прямого и неконтролируемого насилия» и «территорий дикости» в различных частях мусульманского мира с целью убедить местное население в необходимости создания универсальной системы безопасности и стабильности, которую должен представить новый строй в лице всемирного

Халифата. При этом следует всячески поощрять насилие масс без ограничений и условий.

В 2005 году нынешние идеологи ИГ несколько трансформировали эту общую теорию, максимально приблизив ее к иракским реалиям. Результатом этого стал своеобразный устав ИГ «Наше кредо, наш путь», в котором беспримерная жестокость ставилась во главу угла, правда, были несколько конкретизированы враги. Это прежде всего «внутренние враги» в лице шиитов, христиан, курдов и местных правительств. Таким образом, расплывчатая теория превратилась во вполне себе приспособленное именно к иракским реалиям и интересам суннитской элиты руководство к действию. Обращаем в очередной раз внимание на узкоместный и национальный характер доктрин: сначала раздел привилегий и хозяйственная самостоятельность от центра внутри конкретной страны, а затем уже (когда именно – непонятно) – всемирный Халифат.

По нашей оценке, вся эта теория очень сильно смахивает на всякие «Катехизисы революционера» Нечаева и труды марксистов о «насилии, как о повивальной бабке революции». Важно в данном случае принципиальное отличие попыток экспансии ИГ от той же «Аль-Каиды». Это упор на местные племенные группы, а не на политиков и политические партии, которым, собственно, и предоставляется право самостоятельно управлять своими областями при верховном и очень поверхностном контроле со стороны центральных органов ИГ. Этим обстоятельством объясняются огромные территории в Ираке и Сирии, которые «контролирует» ИГ. Там нет никаких гарнизонов ИГ – в лучшем случае наместник. Всем руководит местное население, а вернее местная племенная элита. Это дает возможность высвобождать силы для сосредоточения на определенных участках фронта и пользоваться поддержкой местного населения. Если хотите, некая система управления покоренными территориями монголов во времена Чингисхана. Например, в той же сирийский провин-

ции Дейр эз-Зор местные племенные группы с подачи ИГ фактически монополизировали торговлю нефтепродуктами за небольшой налог в пользу этой группировки, что и обеспечивает поддержку ИГ в принципе. Ну, собственно, из всех этих теорий вырисовывается и тренд на приобретение зарубежных «франшиз» и практика этой работы. На сегодняшний день на верность ИГ присягнули «Вилает Синай» (ранее «Ансар Бейт аль-Макдис») в Египте, ИГ в Ливии, «Боко харам» в Нигерии, какие-то «афганские, саудовские и йеменские провинции» и пара групп, которые откололись от «Аль-Каиды исламского Магриба» (АКИМ). Последнюю вообще, по нашей оценке, всерьез рассматривать не стоит, поскольку она крайне малочисленна и на ее счету «всего» одно убийство французского туриста. Более она никак себя на сегодняшний день не проявляла. С точки зрения анализа зарубежной стратегии и структуры ИГ, для нас важны две группы – ливийская и синайская.

1. Группировка «Вилает Синай» возникла в период погружения АРЕ в пучину хаоса и нестабильности после свержения Х.Мубарака в 2011 году. Насилие всегда присутствовало на Синае – и во времена Х.Мубарака, и во времена «Братьев-мусульман», но в данном случае очень важно понимать истоки этой смуты. Они также крайне локальны и национальны, и объясняются недовольством местных бедуинских племен попытками Каира «наложить лапу» на доходы от массовой контрабанды оружием, топливом и массой товаров ширпотреба в сектор Газа. Особенно эти настроения сильны на севере Синая, где местное население более маргинализировано, чем на юге. Блокада Сектора со стороны египтян привела в конечном счете к созданию широко разветвленной и коррумпированной системы контрабанды всем, чем только можно, с многомиллионными ежемесячными прибылями, и местные бедуины, естественно, делиться ею не желают. Отсюда регулярные вспышки насилия и, что самое главное, это является питательной средой для оседания в этом районе любых оппозиционных режиму в Каире групп.

Поворотным моментом стал 2005 год, когда один из последователей иорданца А.М.аз-Заркауи дантист Халед Муса, родом из известного синайского племени сварака, основал джихадистскую группу «Таухид уа Джихад». При этом он присягнул на верность «Аль-Каиде», и его полевые командиры неоднократно бывали в Афганистане, где встречались с «человеком номер два» в структуре этой организации египтянином А.аз-Завахири. Хроника атак этой группировки следующая. В ночь с 7 на 8 октября 2004 года в результате серии взрывов в четырех гостиницах в курортных городах на Синае погибли 35 человек, 160 получили ранения. Большинство жертв – израильские туристы, граждане Италии и Египта, среди погибших – 9 граждан России. Первый взрыв произошел в гостинице «Хилтон-Таба» в местечке Таба у границы с Израилем, еще два – в соседних курортных зонах – Рас-Султан и Мухайамат-эт-Тарабин, четвертый взрыв прогремел в городе Нувейба к югу от Табы. Ответственность за взрывы взяли на себя группировки «Аль-Гамаа аль-исламия» и «Джамаат ат-Таухид аль-ислами». 7 апреля 2005 года на рынке Хан-эль-Халили в Каире в результате самоподрыва смертника погибли трое иностранцев – американец и двое французов, свыше 20 человек получили ранения. 23 июля 2005 года в Шарм-эш-Шейхе в результате трех взрывов погибли 64 человека, ранены 124. Среди жертв – британцы, голландцы, катарцы, кувейтцы и египтяне. Среди пострадавших – граждане США, россиянка и украинка. Первый взрыв прогремел около гостиницы «Газаля Гарденс» в центральном районе города Наама-Бей. Примерно через семь минут взрывы прогремели в находящейся неподалеку торговой зоне Наама-Бей и на автостоянке. 24 апреля 2006 года в курортном городе Дахаб в результате терактов погибли 19 человек, в том числе один россиянин и еще пятеро иностранцев. Ранения получили около 90 человек – двое граждан России, а также туристы из Великобритании, Дании, Германии, Италии, Южной Кореи, Австралии, Ливана, США, Израиля, Франции,

Швейцарии. Взрывы прогремели около кафе и супермаркета. 22 февраля 2009 года в результате взрыва в Каире у входа на рынок Хан-эль-Халили погибла 17-летняя туристка из Франции, 24 человека получили ранения, из них 17 французских граждан, трое подданных Саудовской Аравии и трое египтян. 1 января 2011 года в Александрии в районе Сиди-Бишр рядом с коптской церковью Всех святых взорвался начиненный взрывчаткой автомобиль. Жертвами теракта стали 9 человек, 43 получили ранения. В ночь на 6 августа 2012 года группа боевиков, вооруженных автоматами и гранатометами, обстреляла КПП «Рафах» на границе с сектором Газа, в результате погибли 17 военнослужащих ВС Египта. На захваченных бронетранспортерах боевики попытались прорваться на территорию Израиля – через КПП «Карм Абу-Салем». Первая машина взорвалась через несколько минут, поскольку была начинена взрывчаткой, вторую уничтожила израильская авиация. В результате было убито 7 боевиков.

Переход на рельсы ИГ (а вернее – на катарскую орбиту) и более активные террористические действия начались уже летом 2013 года после военного переворота, который устранил от власти «Братьев-мусульман». Отметим при этом резкую смену «приоритетов» выбора цели: с иностранцев, на которых делает ставку «Аль-Каида», на «ближних врагов» (т.е. собственно представителей египетских властей и силового блока) по версии уже четко ИГ.

Это объясняется только тем, что группировка полностью перешла «под зонтик» Дохи. 5 сентября 2013 года в Каире было совершено покушение на министра внутренних дел Египта Мухаммеда Ибрагима. В результате теракта получили ранения 20 человек – мирные граждане и сотрудники охраны главы МВД. Сам министр не пострадал. Заминированный автомобиль был взорван на пути следования кортежа министра в столичном районе Мадинат-Наср. Ответственность за покушение взяла на себя группировка «Ансар Бейт аль-Макдис» («Сторонники Иерусалима»). 7 октября 2013 года в административном

центре провинции Южный Синай городе Эт-Тур, расположенном в 90 км от Шарм-эш-Шейха, смертник подорвал заминированный автомобиль у штаб-квартиры сил безопасности. Четыре человека погибли и свыше 50 пострадали. 19 октября 2013 года заминированный автомобиль был взорван у штаб-квартиры военной разведки в городе Исмаилия. По сообщениям СМИ, один человек погиб и десять получили ранения. 20 октября 2013 года двое неизвестных на мотоцикле открыли огонь из автоматического оружия по гостям свадебной церемонии, проходившей в коптской церкви в районе Эль-Варрак на северной окраине Каира. Погибли четыре человека, более 30 были ранены. 20 ноября 2013 года в результате теракта на севере Синайского полуострова погибли 11 и пострадали 37 египетских солдат. Заминированный автомобиль был подорван боевиком-смертником на трассе между городами Шейх-Зувейд и Эль-Ариш (провинция Северный Синай). В ночь с 23 на 24 декабря 2013 года у штаб-квартиры полиции Эль-Мансуры (административный центр провинции Дакахлия в 120 км к северу от Каира) был подорван заминированный автомобиль, в результате чего погибли 16 и пострадали около 135 человек, в том числе силовики высокого ранга.

Но основной рост боевой активности стал наблюдаться с 2013 года – с момента прихода к власти в Каире военных. 2 апреля 2015 года боевики «Исламского государства» атаковали, как минимум, пять блокпостов египетской армии на севере полуострова. В результате нападения погибло не менее 15 египетских военнослужащих и двое гражданских. Уничтожены около 15 исламистов. Сразу после этого командование египетской армии объявило о начале операции по ликвидации банд-групп, участвовавших в нападении. С 3 апреля египетские ВВС начали наносить удары по укрытиям боевиков в городе Шейх-Зувейд. 12 апреля обстрелом были убиты 6 солдат египетской армии, ехавших в бронеавтомобиле. В тот же день террорист-смертник напал на полицейский

участок в Эль-Арише, в результате чего погибло 5 полицейских и 1 гражданский. Ответственность за теракты взяла на себя ячейка «Исламского государства». 16 мая был вынесен смертный приговор бывшему президенту Мухаммеду Мурси. Через несколько часов после этого террористы из засады расстреляли автомобиль, перевозивший группу судей на Синайском полуострове, в результате чего 3 судьи были убиты и 2 получили ранения. 29 июня 2015 года было совершено самое громкое преступление: в результате подрыва автомашины в Каире убит генеральный прокурор АРЕ Хишам Баракат.

Всего же за период 2013–2015 гг. погибло более сотни силовиков, причем это по официальной версии, которая грешит в сторону уменьшения потерь. За все эти атаки ответственность брала на себя только группировка «Вилает Синай» (ранее «Ансар Байт аль-Макдис», переименована в ноябре 2014 года). Вопрос: причем здесь ИГ (вроде бы салафитское) и его ярый антагонист в лице лидера «Братьев-мусульман» М.Мурси? На этот вопрос легко ответить. Вспомним снова, что Доха ставит глобально на «братьев» как на инструмент своего влияния в арабском мире. Это коренное противоречие между ними, с одной стороны, саудовцами и эмиратовцами – с другой. Ровно то же самое справедливо, исходя из степени кураторства, и в отношении расхождения между «Аль-Каидой» и ИГ. Последнее используется как в самом Ираке и той же Сирии, а также через филиалы в других странах мира Катаром не только для насаждения своего влияния в ущерб Саудовской Аравии на ее же салафитской площадке и с применением ее же методов, но и для того, чтобы создать удобный громоотвод при проведении своих силовых акций по дестабилизации ситуации в той или иной стране. В случае с АРЕ «Вилает Синай» сознательно берет на себя всю тяжесть террористической борьбы со всеми сопутствующими им политическими и репутационными издержками, оставляя тем самым «Братьев-мусульман» в легальном политическом поле и в качестве

жертвы «антидемократических методов» египетских военных. При этом именно через сеть аффилированных с египетскими «братьями» фирм производилась на начальном этапе закупка оружия для материально-технической поддержки «салафитов» из тогда еще «Ансар Байт аль-Макдис».

Почему эта организация отошла от, казалось бы, фундаментального принципа борьбы в первую очередь именно с «ближними врагами» и осуществила теракт в отношении российского авиалайнера? Только потому, что такой заказ пришел из Дохи. Не напрямую, конечно, а через сеть посредников.

В 2013 году на Синай перешли палестинцы из боевого крыла ХАМАСа «Бригады Иззедина аль-Касама», которые серьезно усилили боевой потенциал организации. Их возглавлял ветеран боев в Ираке палестинец Хисам аль-Саидни, который перебрался на Синай раньше – в 2011 году, и с той поры структура и тактика этой организации стала напоминать структуру и тактику ИГ. В 2014 году на Синай прибыл еще один ветеран террористической войны из сектора Газа палестинец Абу Карман, который, по официальной версии сайта ИГ, прибыл «на усиление». И, соответственно, резко усилились настроения в сторону поддержки и присяги на верность этой группировке. Мы уже говорили о том, почему именно свержение «братьев» вызвало раздражение Дохи, и в этой связи переворот, который был осуществлен при активной поддержке Саудовской Аравии и ОАЭ, привел Катар в бешенство. И не только потому, что его египетский проект «приказал долго жить». В Дохе прекрасно отдавали себе отчет в том, что египетские военные начнут активно действовать на ливийском направлении (то есть зоне катарских стратегических интересов), старясь разгромить позиции союзников Катара в Восточной Ливии, дабы обезопасить свои границы от инфильтрации исламистов и создать в Киренаике своеобразный буфер безопасности. Многие египетские «братья» нашли после переворота убежище у ливийских единомышленников и одно время серьезно вынашивался

проект создания «правительства в изгнании» именно в Ливии. Катарцы не ошиблись: эмиратовцы и египтяне начали оказывать прямую военную поддержку своим ливийским союзникам в лице генерала Х.Хафтара. И в данном случае необходимо было отвлечь основные силы Египта от ливийского направления.

И вот результат этой региональной борьбы и катарской стратегии: на Синае был образован филиал ИГ, точно по рецептам и лекалам сирийского собрата. Как и в Сирии, на первом этапе группировка была усилена опытными бойцами. В сирийском случае – чеченцами, в синайском – сторонниками ХАМАСа. Они передали местным исламистам свой ценный опыт минно-фугасной войны, активизировались поставки оружия и боеприпасов из сектора Газа или прямо через судано-египетскую границу. В данном случае также пригодился опыт и налаженные логистические каналы ХАМАСа, который традиционно перебрасывал иранское оружие в Сектор и на Синай через суданскую территорию. Кроме того, наметилась и новая тенденция материально-технической подпитки исламистов из Ливии и на Синае через море. Именно оттуда идет основной поток вооружения и боеприпасов, которые закупаются в основном подставными сербскими фирмами, прежде всего в Белоруссии, а затем через Ливию или порты на Адриатике переправляются на Синай. При этой логистике активно используются турецкие морские сухогрузы и скоростные катера. Визит в конце июня 2015 года в Минск министра обороны Катара Хамада бен Али аль-Атыйи и его переговоры с президентом А.Лукашенко были сконцентрированы именно на закупках белорусского вооружения «советских образцов» в «интересах катарской армии». Сразу же отметим, что катарской армии белорусское оружие (в том числе системы ПЗРК, ПТРК, РПГ) не нужно, поскольку она оснащена по американским стандартам. Совершенно очевидно, что это вооружение закупается в интересах «третьих сторон».

Пока точно установлено, что среди конечных получателей – ливийские исламисты, боевики на Синае и сирийские сторонники ИГ. Визит катарского министра обороны свидетельствует и о том, что Доха старается перевести каналы поставки непосредственно под свой контроль с постепенным отказом от услуг сербских посредников в лице известного сербского оружейного дилера Слободана Тесича. Интересно, что услугами последнего пользуются и региональные противники Дохи в лице Абу-Даби. Не исключено, что это связано с готовящимся ЕС пакетом санкций против ряда известных полевых командиров ливийской исламистской коалиции «Рассвет Ливии». Общая политика Брюсселя оценивается Катаром как несущая политические риски, и в этой связи вполне логично выглядит дистанцирование от европейских посредников, которые, безусловно, будут прислушиваться «к рекомендациям» ЕС в отношении сворачивания любых контактов в сфере ВТС с противоборствующими в Ливии сторонами. Все это свидетельствует о том, что Доха будет в среднесрочной перспективе только наращивать действия по усилению лояльных себе групп как в Ливии, так и на Синайском полуострове.

Обратим внимание и еще на одну очень характерную черту, которая присуща ИГ во всех странах. Это опора на местную племенную элиту и молодежь, которым предоставляется самостоятельность в управлении и получении своей доли национального продукта. На Синае это прибыль от контрабанды, прежде всего. Повторим, что оборот этого бизнеса составляет несколько десятков миллионов долларов в месяц. Укажем еще на один важный момент тактики ИГ, который присущ и Синаю, и Ливии, и всем остальным зонам действий т.н. «Вилаетов». Это опора исключительно на местных полевых командиров и авторитетов, которые хорошо знают местность и пользуются влиянием среди местного населения. Им предоставляется свобода управления в социальной сфере и монополия на местный традиционный бизнес. В этом

кроется причина популярности ИГ среди суннитских племен в различных странах.

При этом необходимо констатировать дефицит значительной разведывательной информации в отношении «Вилаета Синай». Серьезные проблемы возникают при анализе материалов радиоперехвата потенциальных террористов и их пособников, так как и в спецслужбах АРЕ, и в спецслужбах Израиля нет квалифицированных переводчиков с бедуинских диалектов Синая. Это серьезно осложняет возможность пеленгования мест встреч полевых командиров террористов и планирование в отношении них боевых операций, как сухопутных, так и с применением авиации. При этом надо констатировать, что дефицит переводчиков возник сравнительно недавно, и связан как с отсутствием достаточного финансирования, так и с внутренними катаклизмами и перестройкой в системе египетских спецслужб в последнее время. Попытки же египетских и израильских силовиков набрать новый штат переводчиков непосредственно из числа бедуинов сопровождались возникновением серьезной утечки информации, с чем пришлось бороться довольно кардинальными способами. Обратим внимание, что американцы столкнулись с похожими проблемами в Йемене и Ираке, где очень разнообразны различные диалекты. И после разгрома системы йеменских спецслужб повстанцами-хоуситами эти возможности еще более сократились. Но с Йеменом и Ираком дело обстоит все-таки проще в силу большей «размытости» населения и наличия больших колоний иракцев и йеменцев за рубежом. В случае с бедуинами на Синае все более сложно просто в силу «замкнутости» этого сообщества. Кстати, факт с трудностями перевода свидетельствует сам по себе о том, что основной костяк террористов на Синае составляют как раз местные бедуины, а не некие «пришельцы» со стороны, как это долгое время пытался представить Каир. Боевики из ХАМАСа, конечно, тоже в структурах террористов присутствуют, но их роль в большей степени

консультативно-техническая. В последнее время отмечен и приток в ряды террористов дезертиров и бывших офицеров из египетской армии и спецслужб, что связано, в том числе, и с массовыми чистками весной-летом 2015 года в силовом блоке АРЕ в формате борьбы со сторонниками «Братьев-мусульман».

Очень слаба на этом направлении и агентурная разведка как у египетских, так и у израильских спецслужб. Достаточно сказать, что у них нет до сих пор четко подтвержденных данных об иерархии «Ансар Байт аль-Макдис» (сейчас «Вилает Синай») и основных полевых командирах. Эксперты говорят о 19 локальных группировках, которые жестко привязаны к местам своего традиционного проживания и собираются только для проведения масштабных операций. Их численность оценивается в 800–1000 боевиков суммарно. При этом, по сильно завышенным оценкам, в рядах ИГ в Сирии и Ираке воюет около 5 тысяч египтян. Эта цифра, конечно, никакого доверия не внушает. При этом в самом АРЕ единения по вопросу присяги именно ИГ нет. Группировки, которые действуют в дельте Нила, например, отказались это делать и сохранили верность «Аль-Каиде». Обратим внимание и еще на один факт. Это отсутствие каналов управления и финансирования между Мосулом и Синаем. И то, и другое делается более сложными схемами из Дохи. Также не подтверждаются и широко растиражированные египетской стороной данные о рекрутировании группировкой иностранцев в свои ряды. Не подкреплены доказательствами и сведения о подготовке синайских террористов в Ливии. В 2014 году египтяне задержали 11 ливийских боевиков из группировки известного и уже покойного полевого командира И.аль-Либи, которые намеревались прибыть на Синай для проведения переговоров с командованием «Вилаета Синай» о возможности объединения. Сам факт этого свидетельствует об отсутствии между египетскими и ливийскими группами ИГ какой-либо серьезной координации. И это, в принципе, со-

ответствует стратегии построения ИГ, которая делает упор на решение узконациональных задач. Координация между этими филиалами осуществляется через аппарат катарской разведки в случае необходимости. Это вытекает из того, что все «франшизы» ИГ создаются при финансировании Катара и находятся под его плотной опекой.

По оценке экспертов, у терактов на М.Ибрагима и прокурора Х.Бараката, скорее всего, один «автор». При этом они резко диссонируют с тактикой, которую используют члены группы «Вилает Синай». Ее можно охарактеризовать как «массовая герилья» с минимальными затратами сил и средств, в то время, как указанные теракты выходят на уровень высокопрофессиональных. Это может свидетельствовать о том, что руководство «Вилает Синай» заключило пакт с некой более узкой по составу, но более профессиональной террористической группой. Использование в случае покушения на Х.Бараката нового названия «Народное сопротивление» может это косвенно подтверждать. Некоторые эксперты называют в качестве партнеров египетских сторонников «Исламского государства» (ИГ) группу «Мухаммеда Джамаля», которая в свое время «откололась» от «Исламского джихада». О ней ничего не было слышно со времени отказа большинства египетских террористических групп от террора с начала 1990-х годов. Сейчас оставшиеся члены группы, скорее всего, работают по «заказу» и «штучно». Они, видимо, и занимаются организацией «вип-террора», подразумевающего высокий профессиональный уровень. При этом недостатка во взрывчатке не испытывают, как, собственно, и сторонники ИГ, поскольку на Синайском полуострове находится огромное количество «брошенных» минных полей, установленных во времена арабо-израильских войн. Это к вопросу организации теракта в отношении российского авиалайнера.

2. Ливийская «франшиза» ИГ. После падения режима М.Каддафи Ливия предсказуемо превратилась в своеобразную «территорию команчей» и очаг контрабанды ору-

жия, беженцев и подготовки боевиков для террористических групп на Синае, Сирии и в зоне Сахеля. Мы не будем сейчас анализировать все перипетии внутриливийской борьбы, а сосредоточимся собственно на «франшизе» ИГ. Перед этим заметим, что до 2015 года никаких сторонников ИГ в Ливии просто не было. Ровно потому, что в них не было никакой нужды. Доха, которая была основным локомотивом свержения М.Каддафи, открыто ставила на ливийских «Братьев-мусульман» или, точнее, на те местные группы, которые присягали на верность катарской политике. Сейчас говорить о том, какие идеологические установки преследуют эти группы, в общем-то бесполезно. В целом они придерживаются исламистских устремлений и в зависимости от финансовых вливаний зарубежных спонсоров могут их менять от умеренности до радикализма. Достаточно привести в пример вроде бы ярого сторонника «Аль-Каиды» А.Бельхаджа, который успел повоевать в Афганистане и был участником ливийского филиала «Аль-Каиды» Ливийской боевой группы (ЛБГ), что, собственно, не помешало ему стать верной креатурой катарцев.

Доха ставила в Ливии на конкретные кланы, которые имели весомый боевой потенциал, и в данном случае это были, безусловно, мисуратовцы. Именно они составляли боевой костяк исламистской коалиции «Рассвет Ливии», которая была организована в 2013 году в ответ на военную активизацию своих противников в лице проегипетского генерала Х.Хафтара, нового правительства в Тобруке и клана зидан с запада страны. Катар в данном случае выступал в качестве основного поставщика оружия и боеприпасов через морской путь с помощью турецких сухогрузов и через суданский транзит как сухопутным путем, так и воздушным с использованием аэропорта Митига. Как название ИГ в Ливии никак себя не проявляла до тех пор, пока эта коалиция была едина. В рамках мирного процесса под эгидой ООН под прессингом возможного введения санкций со стороны США и ЕС коалиция стала

давать трещину. Прежде всего это было заметно в рядах тех же мисуратовцев, часть полевых командиров которых стала склоняться к компромиссу со своими более умеренными оппонентами из Тобрука.

В этой ситуации катарцы пошли на создание «франшизы» ИГ с одной лишь целью. Она является лейтмотивом всех действий Дохи в Ливии: недопущение любыми способами прихода к власти оппозиционных себе местных кланов, которые ряд аналитиков почему-то считает «светскими», и не допустить усиления влияния в Ливии АРЕ, ОАЭ и КСА. Сейчас эти враждебные Катару кланы формально объединены в «правительство Тобрука». С целью создания альтернативных от «Рассвета Ливии» боевых сил катарцы стимулировали образование сил в Сирте и Дерне. Что касается Дерны, то с самого начала «ливийской революции» местные кланы вели себя обособленно, провозгласив на своей территории господство «законов шариата» и активно используя джихадистскую риторику. Там не было поначалу единой организационной структуры, город контролировали две основные группы: «Артиллерийские бригады Абу Сальма» и «Шура Дерны». Эпизодически появлялись и сторонники «Ансар аш-шариа». Город всегда отличался крайне радикальным мышлением местного населения. Достаточно сказать, что Дерна прочно занимает первое место среди других городов Ливии по числу отправленных в различные горячие точки на джихад боевиков. И началось это еще в 1980-е годы в Афганистане. Ситуация, когда египтяне через свою креатуру Х.Хафтара постарались зачистить этот исламистский анклав, который фактически блокирует единственную дорогу из АРЕ в Триполи, привела к тому, что исламисты Дерны стали лихорадочно искать зарубежных спонсоров и очень быстро нашли в лице Катара.

При этом они образовали 12 декабря 2014 года некую единую структуру «Шура моджахедов Дерны», правда, присягать на верность ИГ отказались. Просуществовала она недолго. Катарцам принципиально важно сохранить

очаги своего влияния в восточной части Ливии, и они на первом этапе собирания сил благоразумно закрыли на это глаза, но стали проводить целенаправленную работу по внедрению в город своего лобби. С этой целью они профинансировали создание 5 октября 2014 года «Исламского совета молодежи Дерны», который провозгласил свою верность ИГ. Интересно, что в момент этой присяги на съемке присутствовало только двенадцать молодых людей. Но главное – это декларация, которую катарцы тут же постарались заполнить деньгами и кадрами.

На усиление были срочно переброшены бойцы «Бригады Баттар», которая укомплектована иностранцами и ливийцами, принимавшими участие в боях в Сирии. За месяц до провозглашения «Исламского совета молодежи Дерны» этот город посетил высший эмиссар ИГ Абу Набиль аль-Анбари, который привез с собой шариатского судью города саудовца Абу Хабиба аль-Джезрави и губернатора йеменца Абу Бараа аль-Азри. Недавно Дерну посетил и имам ИГ бахрейнец Турки Бен Али, прочитавший курс лекций о программе ИГ. В результате таких действий катарцам удалось объединить с помощью кнута и пряника несколько исламистских местных групп и провозгласить «Вилает Аль-Барках». В данном случае использовался все тот же сирийский метод – упор на лояльность сильных местных игроков. При этом новая структура продолжает воевать не только с войсками Х.Хафтара, но и со старыми кланами Дерны в лице «Артиллерийских бригад Абу Сальма», «Ансар аш-шариа» и «Шуры Дерны».

Что же касается Сирта, то там представлена полная «солянка». Там также поработали катарцы, резко усилив число своих сторонников путем насыщения местной милиции «своими» ветеранами сирийской кампании. Сначала 14 ноября 2014 года была провозглашена «Провинция Триполи», а уже 19 февраля 2015 года – «Вилайет Триполи». К этому времени сторонники «Ансар аш-шариа» либо были вытеснены из города, либо пере-

куплены. Основной упор сделан на перекупку местного племени каддафа. Успех закрепил все тот Бен Али Турки, который посетил город вскоре после провозглашения «Вилаета Триполи».

В результате образовалась силовая структура, в которой присутствуют и те же мисуратовцы, и представители племени каддафа, и переброшенные сторонники иных исламских групп и племенных ополчений. То, что сторонники бывшего ливийского диктатора присутствуют в рядах приверженцев ИГ, никого смущать не должно: в борьбе за власть хороши все средства. Успех экспансии ИГ в Ливии связан с массированной финансовой подпиткой со стороны Катара и пассивностью противодействия им со стороны собственно тех же мисуратовцев и коалиции «Рассвет Ливии». Тактика ИГ в Ливии в принципе характерна для общей тактики этой организации и в других странах. Это попытка захвата и контроля нефтяных месторождений и морских портов с целью выхода на устойчивое самофинансирование со ставкой на местных сильных полевых командиров. Зачастую используется молодежь, которую соблазняют руководящими ролями и щедрыми финансовыми дотациями. В этом случае работа ведется против старой племенной элиты, которая отказывается присягать ИГ. Сопровождается все это публичными казнями «неверных» с упором на египетских коптов. Вообще атакам в большей степени подвергаются именно египетские цели и объекты правительства в Тобруке. Но полностью сторонники ИГ контролируют только Дерну, в Сирте и окрестностях этого города их влияние более локально. Таким образом, Катар создает еще один очаг напряженности в надежде отвлечения внимания американцев и европейцев на новый объект, а также распыления сил своих основных политических оппонентов.

Заметим, что ряд зарубежных политических аналитиков ошибочно причисляет к ИГ группы «Ансар аш-шариа». Эти салафитские группировки стали, как грибы после дождя, возникать в различных арабских странах, пережива-

ющих этап турбулентности. В частности, помимо Ливии, они появились в Тунисе и Йемене. Но к ИГ они отношения не имеют, так как в данном случае это классический пример «ответа» со стороны Саудовской Аравии, которая таким образом расформировала распадающуюся и порядком скомпрометированную в глазах «арабской улицы» «Аль-Каиду» и попыталась создать новую модель магнита для масс. Естественно, в пику катарскому эксперименту в виде ИГ. Пока эту попытку мы бы охарактеризовали как малоубедительную, поскольку саудовцы не смогли обеспечить устойчивое финансирование, а значит, резко снизили привлекательность этих групп для местного населения. После гибели лидера ливийской группы Мухаммеда аз-Захави, который пал в боях с местными сторонниками ИГ из Дерны, началась быстрая фрагментация этих групп. Часть из них была вытеснена в Западную Ливию, другие, такие, как лидер тунисского филиала «Ансар аш-шариа» Абу Айяд аль-Туниси, присягнули на верность ИГ. А.А.аль-Туниси сделал это после поездки в 2015 году в Ракку.

Вообще вопрос финансирования является ключевым, и катарцы в этой связи пошли много дальше, нежели их саудовские конкуренты. Они не просто заложили в программу ИГ декларацию на самофинансирование, но и разработали алгоритм такой модели. Прежде всего путем предоставления местным племенным кланам права самостоятельно владеть местными же источниками получения прибыли. Будь то нефтепромыслы или же контрабанда. Именно этот момент, а не идеология, является основным притягательным стимулом для населения, которое присягает и поддерживает ИГ. И в Ливии мы наблюдаем это воочию, поскольку основная борьба там идет за контроль над экспортом углеводородов, что всячески поощряется Катаром. И в этой борьбе все средства хороши, в том числе и присяга хоть «черту лысому». Отсюда все эти метания ливийских исламистов от одного зарубежного спонсора к другому.

Все наши вышеизложенные выкладки подтверждаются и данными американских спецслужб. Аналитики ЦРУ США указывают на то, что поступающие оперативные данные в отношении «Исламского государства» (ИГ), свидетельствуют о том, что эта организация не является единой иерархической организацией. Как и «Аль-Каида», ИГ имеет трехуровневую структуру, которая состоит из организационных центров в Ираке и Сирии, филиалов в ряде стран (АРЕ, Ливия, Нигерия, Афганистан, КСА, Йемен); а также низовых оперативников в различных странах Европы, Азии и США. При этом сразу возразим американским специалистам, поскольку никаких убедительных данных, кроме видеороликов, о наличии сторонников ИГ в КСА и Йемене, не существует. «Ответственность ИГ» за взрывы в шиитских мечетях Саудовской Аравии в данном случае таковым доказательством, на наш взгляд, не является. Есть много вопросов и по поводу присутствия сторонников ИГ в Афганистане. По нашей оценке, там речь идет прежде всего о борьбе между полевыми командирами «Талибана», которая особенно обострилась в связи с последними по времени перестановками в руководстве движения. То, что раскольники решили взять себе «бренд ИГ», в данном случае логично, поскольку придает их претензиям некий характер глобальности. Кроме того, катарские «уши» в данной истории видны, в первую очередь, по причине «обиженности» Дохи.

Напомним, что именно Катар был единственным государством, который официально открыл на своей территории представительство «Талибана». Собственно, через него катарцы несколько раз организовывали секретные переговоры между американцами и талибами на предмет поиска путей мирного компромисса. Все они проходили при активном участии афганского президента Х.Карзая и Пакистана и были провалены. А после смены руководства «Талибана» и прихода пропакистанского муллы Мансура к власти роль катарского посредничества вообще свелась к нулю. Проще говоря, в Исламабаде решили

взять ход мирных переговоров в свои руки полностью. Катарская реакция в этой связи через подкупленных ими афганских полевых командиров не замедлила себя долго ждать.

По оценке ЦРУ США, единственное, что объединяет зарубежные «франшизы» ИГ с центрами в Мосуле (Ирак) и Раке (Сирия) – это присяга на верность и смена традиционных названий. При этом тактика, методика или процедуры принятия решений остаются у каждого филиала прежними. Добавим, что отсутствуют централизованное финансирование, направление оперативных координаторов для организации целенаправленных военных или террористических операций и маневрирование силами. В данном случае американцы повторяют сделанный нами ранее вывод о том, что присяга на верность серьезной организации ИГ позволяет более мелким группам в различных частях мира придать своей деятельности некий авторитетный характер. Эту практику уже проходила в свое время «Аль-Каида», которая пыталась создать свои филиалы в Египте на базе остатков «Джамаа Исламия», но ничего путного из этого не получилось, и сторонники этой идеи были вынуждены выехать в Пакистан.

Та же самая история приключилась и с «Аль-Каидой исламского Магриба» (АКИМ), и в какой-то мере с «Аль-Каидой Аравийского полуострова» (АКАП). Эти организации со временем все меньше и меньше ассоциировали себя с пакистанским (по месту нахождения руководства) ядром, преследуя свои собственные цели. ИГ идет по тому же пути и, безусловно, в конечном счете, придет к такому же результату, если попытается излишне централизовать и забюрократизировать этот процесс. Но пока ИГ этого благополучно избегает. Вся разница в данном случае заключается в простой вещи: «Аль-Каида» создавалась прежде всего как международная структура, которая должна была создать Эр-Рияду оптимальный инструмент для распространения своего международного влияния, ИГ же – чисто национальная структура, а если еще проще –

восстание суннитской элиты против существующей системы распределения экономических благ и преференций, которая сложилась в Ираке и Сирии. А значит, основная сфера деятельности ИГ лимитирована исключительно национальными границами этих двух стран. «Франшизы» же этой организации, соответственно, во главу угла ставят узконациональные цели внутри своих стран, которые на этом этапе совпадают с катарской политикой.

Касаясь боевой тактики ИГ, американцы отмечают «новый элемент» в деятельности группы по сравнению с «Аль-Каидой». Это прежде всего использование заминированных автомобилей. Напомним, что именно такой элемент тактики ИГ очень эффективно проявил себя в период боев за Рамади (27 атак в период штурма), Эль-Фалуджи и Тикрит. Террористические атаки также проводятся сторонниками ИГ в основном с применением автомобилей. Достаточно вспомнить резонансный теракт в конце июля 2015 г. в Багдаде, когда погибло порядка 130 человек. Отметим, что водитель-смертник вначале привлек максимальное внимание населения, замаскировав автомобиль под фургон для продажи льда с большой скидкой.

В боевых действиях ИГ использует в основном бронированные заминированные автомобили. Обычно это «Хаммеры», броневики или грузовики. Броня в данном случае предохраняет водителя от поражения до достижения им намеченной цели. При этом смертники действуют волнами: один автомобиль пробивает первый периметр ограждения, второй и третий взрываются уже непосредственно в рядах обороняющихся, что вызывает большие потери и панику. Причем американцы указывают на то, что иракские правительственные силы не обладают достаточными средствами для борьбы с такими автомобилями-бомбами. Рискнем предположить, что иракцы располагают хотя бы РПГ или ДШК, что при умелом применении, безусловно, в состоянии остановить грузовик на подъезде к цели. Одной из мер по минимизации ущерба

от такого рода атак может стать ужесточение приграничного контроля с Турцией, через которую сторонники ИГ получают основное количество бризантной взрывчатки и аммиачной селитры. Удивительно, но промышленные партии последней совершенно спокойно отгружались турецкими поставщиками своим торговым партнерам в Ираке и Сирии, несмотря на бушующую там гражданскую войну.

При этом террористические атаки в Йемене и КСА проводились по классическому образцу с «поясом смертника» без использования автомобилей. Или вернее – автомобили в данном случае использовались не по классической для ИГ схеме «волны», а скорее – как камуфляж для СВУ, что не приводило к масштабным жертвам. Мы уже отмечали, что есть все основания полагать, что эти взрывы были организованы совсем не сторонниками ИГ, а явились следствием противостояния между КСА и йеменскими зейдитами. Отсутствие автомобилей в данном случае служит подтверждением этого тезиса. Кроме того, СВУ, которые применялись в КСА и Йемене, несравненно менее сильные, нежели те, которые используются в Сирии или Ираке. Это свидетельствует об отсутствии в данном случае мощной террористической структуры и дефиците взрывчатых средств. Или о том, что указанные теракты носили «тревожащий характер» с попыткой поддержания и стимулирования постоянной тревоги у населения и роста антисуннитских настроений. При этом в Йемене нет ярко выраженных суннитских и шиитских мечетей, представители обеих конфессий традиционно посещают одни и те же места отправления культа.

Если же мы вообще обратимся к теме использования террористов-смертников, то необходимо отметить следующее. В частности, эксперты отмечают, что радикалы из нигерийской террористической организации «Боко харам» («франшиза» ИГ «Вилайет Южного Судана») начали регулярное использование женщин-смертниц для проведения резонансных террористических актов. На сегодняшний момент эта организация занимает лидирующее по-

ложение среди остальных группировок, в том числе и входящих формально в «Исламское государство» (ИГ). Это касается именно использования женщин, поскольку по общему числу актов с участием террористов-смертников впереди пока просаудовские исламисты в Ираке и Сирии. При этом у сторонников ИГ в Ираке и Сирии в качестве террористов-смертников выступают исключительно мужчины. Это, кстати, одна из принципиальных тем в спорах о методах борьбы между ИГ и «Аль-Каидой». Это не помешало, вроде бы присягнувшей на верность ИГ «Боко Харам» только осенью 2015 года провести три атаки с участием женщин-смертниц, что свидетельствует о том, что в Нигерии действует специализированный центр их подготовки. Если мы обратимся к краткой истории возникновения этого феномена, то заметим, что ранее такими терактами с использованием женщин в основном занимались палестинцы, а также левацкие группировки марксистского и националистического толка. Среди «выдающихся примеров» такой активности эксперты называют подрывы сирийскими националистами израильских патрулей и сил лояльной Израилю «Армии Южного Ливана» в середине 1980-х годов. При этом такие теракты использовались сторонами в большей части для проведения соответствующей пропаганды как светской, так и религиозной. Но ни те, ни другие не использовали женщин-смертниц на регулярной основе. У тех же шиитов вообще такого не было.

Первыми в практике использования женщин-смертниц среди исламистских группировок стали чеченцы и дагестанцы в период первой и второй кампаний на Северном Кавказе. Тогда на эту тему было написано даже несколько монографий, в которых авторы пытались объяснить данный феномен и «попыткой смыть позор» (изнасилование), и применением наркотиков, и шантажом убийства родственников. Однако на наш взгляд, все эти объяснения не соответствуют действительности. Использование женщин вместо мужчин в проведении самоубийственных

терактов, по нашему мнению, надо искать не во внешних факторах. Женщины, как и мужчины, точно так же вступают в исламистские радикальные группировки, а по своей психологии являются более внушаемыми. Изнасилованная восточная женщина скорее подорвет своих обидчиков, нежели абстрактных «неверных». И никто не использует при подготовке женщин-смертниц наркотики. По крайней мере, четко установленных фактов этого в той же Чечне добыто не было. Разговоров – сколько угодно, но фактов не было. Зато установлено, что смертницы при теракте «Норд-Ост», и те женщины, которые взорвали на КАМАЗах Дом правительства в Грозном, а также действовали в Москве и других российских городах, были в своей массе убежденными радикалками и искренними адептами джихада. Очень часто женами или родственницами членов бандформирований, что вполне объясняло их желание «положить жизнь за веру», но совершенно исключало какие-то наркотики и изнасилования.

Логическая ошибка исследователей этой проблемы, по нашей оценке, заключается в том, что они почему-то априори считают женщину «другом человека» и отказывают ей в праве принимать самостоятельные решения, в том числе и в рамках темы совершения самоубийственных актов. Мы сейчас не говорим о правильности такой идеи в принципе, но кто сказал, что если встречаются «зашоренные» мужчины, то такими же «зашоренными» не могут быть и женщины? Уровень кругозора там, в принципе, один для всех. И книга, видимо, тоже одна, и называется она Коран. Кстати, даже ее в своем большинстве радикалы прочитать и осознать не в состоянии. Значит, на первое место выходят слова «морального авторитета» в лице какого-нибудь полевого командира. И нет никакой разницы, какие мотивы (религиозные или светские) при этом ставятся во главу угла.

Это придумано не сейчас, свойственно всем исторически турбулентным периодам. Достаточно вспомнить тех же С.Перовскую и В.Засулич, а также массу эсерок. Те,

наоборот, много читали, но из прочитанного делали неправильные выводы. Не говоря уже о многочисленных эпизодах Второй мировой войны. Другой вопрос, что такое проявление бесшабашной жертвенности свойственно больше азиатскому психотипу, нежели европейскому, где господствует рациональность. И это также справедливо относится как к мужчинам, так и к женщинам. Так что ничего удивительного и поразительного мы в этом не видим. С той лишь только разницей, что женщине проще подойти к цели и легче закамуфлировать на себе СВУ под вполне «благовидным предлогом» (беременность), особенно на Востоке, где не принято женщин обыскивать. Тот факт, что кто-то из смертниц пытался передумать в последний момент, ничего не доказывает, поскольку очень много примеров того, как и «сильный пол» проявляет трусость (или благоразумие) и в менее опасных ситуациях. Так что проблема не в женщинах или мужчинах, а в искривленной логике восприятия бытия.

Повторим, что те же сторонники ИГ в Ираке и Сирии женщин до сего момента в такого рода операциях не использовали в принципе. Сам факт участия представительниц «слабого пола» в боях и терактах, по трактовке руководства ИГ, означает нарушение нормы джихада и подспудно ставит женщин на одну ступень с мужчинами. У «Боко харам» – в силу их африканской культуры, или у ХАМАСа – с учетом особенности его корней (большинство лидеров вышли из левых, светских партий) таких барьеров не существует. Но палестинские группировки с 2006 года такие методы вообще не применяют. Руководство «Аль-Каиды», кстати, также не очень в последнее время приветствует использование женщин для самоубийственных акций. Попытка эмиссара этой организации в Ираке Абу Мусаба аль-Заркауи оживить этот момент путем самоподрыва женщины в одном из отелей Аммана одобрения в руководстве «Аль-Каиды» не нашла. Более того, такая практика породила «внутрипартийную дискуссию», которая в принципе завершилась нефор-

мальным запретом практики использования женщин-смертниц. Конечно, с рядом оговорок, но пока ни ИГ, ни «Аль-Каида» на использование женщин-смертниц в Йемене, Сирии и Ираке не идут.

Последние по времени военные успехи «Исламского государства» (ИГ) плавно укладываются в стратегию политического и военного выживания этой структуры. Только активные наступательные действия и перманентная экспансия смогут обеспечить относительный паритет сил с противостоящим ей противником в лице иракских и сирийских армий, а также сил международной коалиции. Это объясняется прежде всего стремлением создания устойчивого представления о попытках оппонентов ликвидировать ИГ и нейтрализовать его доминирование в том или ином регионе. Такая схема, в свою очередь, обеспечивает постоянный приток в ряды группировки новых рекрутов из-за рубежа, от чего в большей степени зависит боевой потенциал ИГ. Одновременно сама структура организации не предназначена для «войны на истощение» с закреплением в определенных районах просто в силу отсутствия у нее достаточных материально-технических резервов для этого. Массовое использование смертников на грузовиках в качестве тарана укреплений противника свидетельствует о слабой технической оснащенности и дефиците тяжелой техники и артиллерии. Отсюда вывод на первый план пропагандистско-информационного сегмента ведения войны, в котором ИГ явно переигрывает противников, и тактика нанесения контрударов с маневрированием при этом силами и средствами.

Проведение таких операций без преимущества в тяжелой военной технике и авиации требует от наступающих очень четкой штабной координации, что ставит на повестку дня отработанные системы связи. Вместе с психологическим эффектом наступательные действия позволяют пополнять запасы продовольствия, топлива и арсеналов вооружения. Других источников для этого у ИГ просто нет. Вообще для группировок такого типа необхо-

димо все время «мелькать» в СМИ, а разрушение исторических памятников мирового значения становится универсальным средством для этого.

Касаясь чисто военных аспектов действий ИГ, отметим, что они отличаются прежде всего сочетанием маневра и достижения максимально пропагандистского эффекта. Например, битва за административный центр провинции Анбар Рамади в данном случае является классической в этом контексте. Помимо захваченных у противника техники и вооружения, ИГ записало себе в актив серьезный пропагандистский успех, что отвечает стремлению сохранить привлекательность для нового пополнения в лице иностранных джихадистов.

То же самое справедливо и для захвата Пальмиры в Сирии, которая не имеет большого стратегического значения, но зато, бесспорно, важна с точки зрения пропаганды и контроля над нефтяными месторождениями. Битва за Рамади, в которой присутствовал и момент подкупа иракских военных, продемонстрировала тактическую и политическую гибкость командования ИГ. Оно в данном случае добровольно уступило инициативу и не стало противодействовать просаудовским группировкам, как делалось ранее, что обеспечило пятьдесят процентов успеха. Это позволило ИГ перебросить силы из Сирии под Рамади, а после его взятия перевезти часть подразделений обратно в Сирию под Пальмиру. При этом ИГ пошло на тактическую активизацию боевых действий в палестинском лагере Ярмук в Дамаске, что объективно отвлекло внимание сирийского военного командования от Пальмиры и Ракки. Последняя, помимо статуса сирийской «столицы» ИГ, имеет важное стратегическое значение и с точки зрения контрабанды нефти в Турцию, однако была на волосок от взятия ее курдским ополчением летом-осенью 2015 года. Взяв Хасеке, курды маршем шли на этот город, что вынудило сторонников ИГ даже начать эвакуацию своих семей. И в этом случае они пошли (при содействии турецких силовиков) на обходной маневр, ко-

гда группы рекрутов ИГ, находящиеся на приграничной к Сирии турецкой территории, ударили курдам в тыл в Кобани. Это была операция самопожертвования, но позволила выиграть время и перебросить под Ракку подкрепления из-под Пальмиры и Алеппо.

Тактические схемы ИГ не являются догмой. Военное руководство постоянно видоизменяет их в зависимости от складывающейся оперативной обстановки. Например, на фоне появившихся данных о подготовке наступления иракской армии и курдов (позже оно было отменено из-за низкого потенциала иракской армии и нежелания курдов воевать на «чужой» территории) на Мосул лидеры «Исламского государства» (ИГ) оперативно внесли изменения в свою военную и организационную структуру. Согласно секретному меморандуму военного руководства ИГ, который был завизирован главой организации Абу Бакром аль-Багдади, «ячейкам и представителям ИГ необходимо свернуть любую деятельность по рекрутированию новых бойцов в Германии, Франции, Марокко, Иордании и КСА в силу участившихся попыток спецслужб этих государств инфильтрировать свою агентуру в ряды организации». Заметим, что такие утверждения имеют право на жизнь, поскольку около месяца назад марокканские спецслужбы заключили со своими французскими коллегами соглашение о резкой активизации деятельности по вербовке источников в структуре ИГ. Имеется в виду проведение такой деятельности именно марокканцами среди сторонников террористов внутри королевства. Резко усилили такую же работу немцы и британцы.

В указанном меморандуме говорится, что в настоящее время необходимо активизировать вербовочную работу в тех регионах, в которых западные спецслужбы и их арабские коллеги имеют минимальные возможности для влияния и вербовочной работы. Это прежде всего китайские уйгуры – несколько сотен их уже воюет в рядах ИГ. Пекин крайне озабочен активным вовлечением уйгурских сепаратистов в мировой джихадистский процесс. Проце-

дура направления боевиков в Ирак из Синьцзянь-Уйгурского автономного района (СУАР) идет через Афганистан и плохо контролируется китайскими спецслужбами. Попытки наладить какое-то взаимодействие с афганскими спецслужбами весомых результатов не принесли. Интересно, что более логичным было бы такое обращение к туркам, которые в силу этнической родственности с уйгурами имеют традиционно сильные позиции в этой среде, но его не последовало на фоне жесткого китайско-турецкого противостояния по уйгурской проблеме. И этот момент руководством ИГ также учитывается.

Вторым направлением рекрутирования новых джихадистов, по идее Абу Бакра аль-Багдади, должен стать наш Северный Кавказ. На сегодняшний день в рядах ИГ, по разным оценкам, воюет около 1500 чеченцев и 200 дагестанцев, помимо всего прочего, обеспечивающих связь со своими земляками на исторической родине. Причем не все они являются классическими выходцами из России и стран СНГ, многие проживали в эмиграции в Турции и Сирии еще со времен чеченских кампаний. Заметим, что подавляющее большинство из этого контингента имеет солидный боевой опыт двух военных кампаний в Чечне и долгое время живет в эмиграции в той же Турции. Основной пункт вербовки располагается при этом традиционно в Панкиссии, что бы там ни говорили грузинские спецслужбы, и в той же Турции.

В меморандуме ИГ также указывается, что наступление на Мосул планируется проводить силами иракской пешмерга, шиитской милиции под командованием советников из КСИР, иракской армии, а также, что интересно, с задействованием на определенных направлениях сирийского спецназа. По этой причине ИГ планирует оборонять Мосул силами мобильных групп, что минимизирует потери от авиаударов коалиции. При этом предполагается, что город, в конечном счете, придется оставить. В этой связи значительная часть консультативного и управляющего совета ИГ в лице «Маджлис аш-Шуры»

уже эвакуирована в провинцию Найнава, где оборудована целая сеть подземных убежищ. Это параллельное командование возглавляет «правая рука» Абу Бакра аль-Багдади – Абу Мухаммед аль-Аднани. Отряды же ИГ должны раствориться мелкими группами среди местного суннитского населения с активизацией минно-фугасной и засадной войны. Кроме того, в случае наступления на Мосул предполагается усилить террористические действия в самом Багдаде через местную подпольную сеть.

Еще одним моментом тактики, которая указана в меморандуме, является необходимость увеличения боевой активности структур ИГ в Северной Африке (особенно в Ливии, что мы сегодня и наблюдаем) и на Синае. Это должно, по идее, отвлечь силы коалиции на второстепенные направления. Насколько это сработает – сказать сложно. По нашей оценке, отвлечь силы могут только широкомасштабные боевые операции, а на это, как раз, у исламистов в той же Ливии просто нет сил. Мы привели фрагменты этого меморандума не только для того, чтобы еще раз продемонстрировать гибкость военного командования ИГ, но в свете возможных перспектив при наступлении момента прямого военного поражения ИГ.

Отдельного упоминания заслуживает тема использования ИГ химического оружия. Четко зафиксированы случаи такого применения против курдского поселения в Ираке, в Сирии же последний всплеск ажиотажа вокруг этой темы наблюдался два года назад. Напомним, что американцы тогда чуть было не поддались на явную провокацию исламистов и не начали бомбардировки целей сирийского правительства и армии. Тогда в Эр-Рияде и Дохе в один голос утверждали, что сирийская армия использует иприт со своих складов. Российская инициатива по ликвидации арсеналов сирийского химического оружия под международным контролем эту тему закрыла, и, обратим внимание, с тех пор широко известных и подтвержденных фактов использования иприта более не появлялось. Так как внятного расследования по этим фактам

проведено не было, сложно сказать определенно, какой тип химоружия и кем был тогда использован. Израильская разведка считает, что его применяли обе стороны, правда, убедительных доказательств этого не имеет. Все данные основаны на рассказах перебежчиков, которые, как мы понимаем, грешат ангажированностью. Но в случае с исламистами из ИГ этот факт доказан.

Как доказан и факт существования в Ираке на подконтрольной ИГ территории лаборатории по производству кустарного иприта, в которой работают инженеры-баасисты. При этом технологии производства были закуплены через сеть подставных фирм в Албании. Об этом поведали задержанные турецкими пограничниками курьеры, перевозившие ампулы с ипритом через турецкую территорию в Сирию. Это же подтвердил 18 ноября 2015 года американским журналистам глава комиссии по обороне и безопасности парламента Ирака Хаким аз-Замили. Он утверждал, что «террористическая группировка «Исламское государство» пытается, заручившись поддержкой зарубежных ученых, создать нервно-паралитический газ и иные виды химического оружия». По его словам, «очень серьезно работает над производством химического оружия, в особенности, нервно-паралитического газа, – приводит слова депутата агентство Ассошиэйтед Пресс (АП). – Это угрожает не только Ираку, но и всему миру». Он утверждает, что боевикам удалось привлечь к этим разработкам ученых как из Ирака, так и из других государств. Как утверждает депутат, среди них есть и выходцы из Юго-Восточной Азии. При этом агентство указывает, что по данным разведки США, ИГ в настоящее время пока так и не удалось наладить производство нервно-паралитического газа, кроме того, у боевиков нет навыков его эффективного использования. Вместе с тем группировка уже может в небольших количествах изготовлять горчичный газ (иприт) низкого качества. Использовать его в своих военных целях ИГ, вероятно, сможет, но только в случае крайней опасности неминуемого военного поражения.

Например, при штурме Мосула. Оборотной стороной его применения остается высокая степень попутного поражения им местного суннитского населения. И это является для руководства ИГ сдерживающим фактором. Сам состав газа и его качество не позволяют в полной мере отнести его к реальному иприту, но факт его наличия у ИГ учитывать необходимо. Что же касается использования «иракского иприта» при проведении терактов в Европе, о чем сейчас говорят французские политические деятели, то мы сомневаемся в реальности этого. Не потому, что ИГ будет долго думать об этой возможности, терзаясь гуманистическими размышлениями, а по причине сложности его доставки на место проведения акции.

Глава 4

Финансовые источники существования ИГ

Тема финансирования «Исламского государства» (ИГ) крайне запутана и многогранна. Этой теме посвящено много материалов, но, на наш взгляд, все они в своем большинстве страдают ангажированностью и склонностью к излишней эпатажности. Западные политологи и журналисты вообще склонны в очень значительной степени преувеличивать то или иное событие, стараясь лишний раз эпатировать публику. Тем не менее постараемся обозначить основные направления поступления финансов в казну ИГ, которое уже объявили самой «богатой» террористической организацией за всю историю. Начнем с официального выступления президента России В.В.Путина на саммите «большой двадцатки» в Анталье в ноябре 2015 года.

Он сказал, что финансирование боевиков «Исламского государства» идет из 40 стран, среди которых есть и государства G20. Кроме того, финансовой разведкой РФ установлены свыше 3,5 тыс. физических лиц из 80 субъектов Российской Федерации, участвующих в финансировании терроризма. При этом общий объем совершенных денежных перечислений в 2013–2014 годах превысил 40 млн рублей. Также Росфинмониторинг совместно с правоохранительными органами выявил проведение финансовых операций на общую сумму около 300 млн рублей в помощь ИГ в период с января по конец августа 2015 года.

Эта статья дохода как-то мало затрагивается в аналитических материалах, основной упор при этом делается

на нефтедоллары. Тем не менее сбор финансов таким образом составляет значительную часть казны террористов. В этой связи надо оговориться, что люди, которые направляют перечисления, далеко не всегда являются сочувствующими именно ИГ или иной террористической группе. Зачастую просьбы о таких пожертвованиях оформляются как «просьбы о помощи больным детям или инвалидам» в той или иной части мира, что вводит людей в заблуждение. Например, в странах Аравийского полуострова в период двух чеченских кампаний финансирование как через интернет, так и через мечети осуществлялось очень обезличенно. В качестве адресата присутствовали и «дети», и «больные», и просто «народ Чечни». В мечетях КСА, Турции и Катара в настоящее время также присутствуют такие таблички, но на этот раз «для помощи сирийским беженцам». Как показывает практика, как минимум, тридцать процентов при этом разворовываются по пути посредниками и связниками. То же самое справедливо и в отношении частных сборов на ИГ через интернет. Количество реально поступающих в казну боевиков финансов на порядок меньше той суммы, которые отследил Росфинмониторинг. Наличие в таких случаях чисто мошеннических схем сбрасывать со счетов не надо. По нашей оценке, наиболее полно и емко об «экономике» ИГ рассказала российский журналист и политолог-востоковед Н.Глебова, чью статью мы и полагаем целесообразным (естественно, со своими комментариями привести здесь полностью.

«Если обобщить, то основными источниками получения финансовых средств для ИГИЛ являются:

- деятельность легальных организаций (коммерческих предприятий, контролируемых представителями преступного сообщества);

- совместная криминальная деятельность с другими преступными сообществами (в частности, по захвату и перепродаже предметов антиквариата на нелегальном рынке или похищению людей);

- незаконные и неконтролируемые операции в финансовой сфере (в том числе, в банковской);

- деятельность «благотворительных» и «гуманитарных» организаций;

- спонсорская помощь государственных структур отдельных стран;

- личные состояния некоторых представителей террористической организации и т.д.

По разным подсчетам, ИГИЛ на данный момент контролирует активы, которые превышают 2 трлн долл., а текущий годовой оборот составляет 2,9 млрд долл.

Для ИГИЛ характерно активное поступающее приобретение финансовых средств непосредственно с ранних этапов развития. При этом важно отметить, что с 2006 года ИГИЛ постоянно диверсифицировало свои финансовые источники. Главой финансового направления является Муваффак Мустафа аль-Кармуш (также известный как Абу Салах). Предыдущий глава Абу Джавар ас-Сабауи бежал в США, прихватив с собой 14 млн долл.

В апреле 2015 года появились данные со ссылкой на шейха Абу Саад аль-Ансари, одного из главных религиозных деятелей в иракском Мосуле, что организация «Исламское государство» утвердила в начале года бюджет в 2 млрд долл. с ожидаемым профицитом в 250 млн долл.

В своем стремлении установить административный и гражданский контроль над завоеванными территориями ИГИЛ ввело налогообложение на различные виды коммерческой деятельности. Только в Мосуле в пользу ИГИЛ ежемесячно собирается налогов на 8 млн долл.

К числу собираемых налогов относятся следующие:

- налог на все продаваемые товары;

- налог, налагаемый на все телекоммуникационные компании;

- налог на безопасность с банковских учреждений;

- налог на снятие наличных средств с банковских счетов;

- 5-процентный налог на социальное обеспечение и другие общественные цели, который собирается со всех зарплат;

- дорожный налог (в размере 200 долл.) в Северном Ираке;

- таможенная пошлина (в размере 800 долл.) на каждый грузовик, пересекающий контрольно-пропускные пункты на границах Ирака с Иорданией и Сирией;

- налог на разграбление археологических памятников (20% в Алеппо, 50% в Ракке);

- налог за защиту немусульманских общин (известен так же, как «джизья») (4.25 г золота с богатых и половина этого от людей со средним достатком – авт.)».

(Сюда же надо добавить и закят – налог нуждающимся – размер которого исчисляется исходя из размеров ежегодных сбережений или капитальных активов (2,5%), наличия золота (превышающего суммарно 4500 долларов США), сельскохозяйственных животных (две головы на каждые сто голов), объема урожая фиников, зерновых (10%, если полив идет из ближайшего арыка, и 5%, если за полив надо платить) – авт.).

В общей сложности с учетом вымогательства и налогов ИГИЛ собирает на территориях, находящихся под его контролем в Ираке и Сирии, приблизительно 360 млн долларов в год.

Взяв на вооружение опыт других террористических группировок мира, ИГИЛ облагает данью представительства международных компаний, которые работали или пытаются продолжать работать на занятых территориях, однако точная информация о суммах поборов отсутствует. В июне 2014 года части ИГИЛ захватили Мосул, второй по величине иракский город. В ходе захвата боевики разграбили различные частные финансовые учреждения, а также государственный Центральный банк Ирака. По заявлению губернатора провинции Ниневии, боевики похитили 425 млн долл. из мосульского филиала Центрального

банка Ирака. На сирийских территориях, подконтрольных этой террористической организации, многие банки также либо были разграблены ею, либо стали полностью подконтрольны. Так, в ар-Ракке ИГИЛ использует Народный Кредитный Банк для сбора налога на безопасность в размере 20 долл. с каждого клиента этого банка.

Одним из главных факторов, способствующих деятельности ИГИЛ, является то, что на большинстве подконтрольных ему территорий жители вынуждены выживать уже не одно десятилетие. Это сделало широкораспространенным и черный рынок, и многие другие противозаконные виды деятельности, которые становятся лишь разнообразнее по мере ухудшения общей обстановки. Этим всячески пользуется ИГИЛ для закрепления собственного положения, подчиняя старые и генерируя новые формы взаимодействия с существующими преступными сообществами, а также сращиваясь с различными политико-экономическими элитами.

То, что выделяет ИГИЛ на фоне «Аль-Каиды», так это особое и продуманное обращение с полезными ископаемыми, которые оказываются на подконтрольных территориях. Ирак является четвертым в мире крупнейшим экспортером нефти, на долю которого приходится 40% мировых запасов черного золота. «Исламское государство» изначально пыталось установить контроль за теми месторождениями, которые попадали в зону его непосредственных интересов в Ираке и Сирии. Организация на данный момент контролирует семь месторождений в Сирии в провинциях Дейр Эз-ЗОр и Ракка (Deir ez-Zor and Raqqah). К ним относятся аль-Умар, ат-Танак и Джафра с объемом производства в размере 60 тыс. барр. в день. Кроме того, ИГИЛ контролирует два нефтеперерабатывающих завода в Сирии и один в Ираке, а также несколько насосных подстанций в этих странах. Одним из наиболее важных для ИГИЛ объектов на территории Ирака является нефтеперерабатывающий завод в городе Байджи, через который проходит треть всей иракской нефти.

На 30 июня 2015 года иракская армия отбила этот важный объект у подразделений ИГИЛ и подавляет редкие ячейки боевиков, оставшиеся в городе без поддержки основных частей террористической организации.

«Исламское государство» добывает 40–50 тысяч баррелей нефти в день. Такие цифры привел глава департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ Илья Рогачев в интервью газете «Коммерсант». «Если год назад эксперты говорили о том, что ИГ добывало 30 тысяч баррелей в день, то сейчас речь идет о 40–50 тысячах баррелей, – отметил дипломат. – А резолюция СБ ООН 2199 признала, что незаконная торговля нефтью является основным источником доходов ИГ, и обязала все государства противодействовать ей самым решительным образом». Такое противодействие приводит к тому, что общий объем нефти ИГИЛ снижается на 2 тысячи баррелей в день, по данным представителей Международного энергетического агентства (МЭА). По подсчетам Associated Press (AP), ежемесячно от продажи нелегально добытой нефти в Сирии и Ираке террористы ИГ получают по $50 млн. Согласно данным иракской разведки, топливо сбывается по цене $35 за баррель, а иногда цена снижается и до $10. Нефть по данным, AP, поступает посредникам ИГ в Турции.

В отличие от многих демонстративных акций ИГ, в ходе которых уничтожались люди и материальные ценности, включая культурные, все, что связано с месторождениями природных ископаемых, средствами добычи и транспортировки, не подвергается разрушению. Рабочее состояние предприятий по переработке и транспортировке нефти, а также штат сотрудников сохранен (по крайней мере, на данный момент отсутствуют данные об акциях неповиновения или карательных мерах со стороны ИГ).

«Основной причиной снижения игиловцами темпов добычи, переработки и транспортировки углеводородов являются действия коалиционной (и российской) авиации». Согласимся с этим и добавим комментарий. Приход

российской авиации в Сирию обозначил перелом в этой тягучей ситуации, когда американцы и их союзники бомбили очень вяло, старательно обходя при этом объекты именно нефтяной инфраструктуры. В настоящее время после получения окончательных итогов причин падения российского авиалайнера эти налеты стали более осмысленными и целенаправленными именно на эту инфраструктуру. Далее Н.Глебова выдвигает тезис о том, что не одними нефтедолларами питается ИГ, но мы все-таки рискнем утверждать, что без этого компонента источники финансирования группировки упадут на порядок, если не больше.

И еще один момент, который, на наш взгляд, необходимо учитывать. Экономическая система ИГ имеет в своей основе сильную «децентрализацию» местных локальных племен, которым предоставляется свобода в социальной и экономической сферах местности их проживания в обмен на лояльность. И эти блага в основном получаются из добычи и продажи именно углеводородов. Подрыв этой системы автоматически минимизируют и стены лояльности игиловцам местных племен. При этом, однако, приведем данные, изложенные в книге американских журналистов М.Вайса и Х.Хасана: «ИГИЛ сочетает авторитарное правление с удивительно успешным ведением экономики. В частности, в Сирии повстанческие группировки типа Сирийской Свободной Армии, которые контролировали местные нефтяные месторождения, направляли часть своих прибылей на то, чтобы наладить работу школ, обеспечить население электричеством, водой и телекоммуникациями. Но ИГ поменяло эту систему и стало перенаправлять финансовые потоки в другие города Ирака и Сирии, что объективно снизило влияние этих группировок на население, и, как следствие, в конечном счете они были выдавлены из этих районов. Кроме того, ИГИЛ заставило в Сирии работать муниципальных служащих, которым ранее другие группировки позволяли получать жалование и сидеть дома, ничего не делая, и платить

за это определенную мзду. В результате улицы стали чище, началась какая-то жизнь местного ЖКХ. Регулирование и контроль цен стали еще одним направлением, в котором ИГИЛ успешно себя проявила. К примеру, она запретила рыбакам использовать динамит и электричество для глушения рыбы. Также она запретила жителям Аль-Джазиры захватывать, пользуясь неразберихой военной смуты, земельные участки в Сирийской пустыне, где они к неудовольствию соседей строили дома и открывали бизнес. Кроме того, ИГИЛ ограничило размер прибыли, получаемой от продажи нефтепродуктов, льда, муки и других товаров первой необходимости. До того, как ИГ установило контроль над Восточной Сирией, суточный объем нефтедобычи там составлял 30 тыс. баррелей с ценой за баррель порядка 11 долларов США. Семьи местных жителей, которые занимались кустарной переработкой нефти, получали с каждого барреля чуть больше доллара. Игиловцы установили цену за баррель в 30 центов и запретили строить нефтеперерабатывающие установки вблизи жилых зон. В результате кто-то разорился, но основная масса населения почувствовала облегчение от сбалансированности снижения ресурсов и объема услуг». При этом авторы приводят мнение аналитиков БНД ФРГ, которые призывают не преувеличивать оценки доходов ИГ от нефтяного бизнеса. Они указывают при этом на колоссальные внутренние издержки и накладные расходы. Кроме того, по данным американского журналиста Д.Харви, ИГ в Мосуле прикарманивает себе значительную часть прибыли, и к тому же «заставляет жителей расплачиваться за предоставляемые услуги в области телекоммуникации и электричество, чего другие тергруппы не делали».

Снова обратимся к Н.Глебовой: «Кстати, официально представленные на сайте этой авторитетной международной организации данные по Ираку также относятся преимущественно к периоду 2012–2013 года, с большими выпадениями по отдельным группам, но по данным «Ирак

Ойл Репорт» за 2014 год, ИГИЛ зарабатывает от 1 миллиона долларов в сутки на контрабанде иракской нефти.

Газовый сектор является другой частью экономики ИГИЛ, которое контролирует несколько месторождений голубого топлива в Сирии и Ираке, включая одно из крупнейших – Аккас в провинции Аль-Анбар. В связи с тем, что общий объем производства газа за последние два года сократился на 50%, доходы ИГИЛ от торговли природным газом составят 489 млн. долл. в год (как и в случае с нефтью, ИГИЛ продает свои ресурсы на 50 процентов дешевле рыночной цены).

Говоря об Ираке и действиях ИГИЛ, чаще всего концентрируют внимание на нефтегазовом секторе. Между тем существуют и другие отрасли, приносящие значительные доходы этой организации. К ним относится добыча фосфатов, производство и продажа цемента. ИГИЛ контролирует крупное фосфоритовое месторождение Акашат, расположенное в провинции Аль-Анбар, рядом с Рутбой. По данным Государственной компании по производству фосфатов, ведущей разработку месторождения, текущее производство составляет 1 млн тонн в год при полной загрузке производственных мощностей в 3,4 млн тонн в год. При заниженной цене в 50 долл. за тонну (по сравнению с рыночной в 110 долл. за тонну) только на торговле фосфатами ИГИЛ может получать годовой доход, по меньшей мере, в 50 млн. долл.

Помимо этого, ИГИЛ контролирует также завод по производству серной (1,5 млн т в год) и фосфорной кислоты (400 млн т в год), расположенный в городе Аль-Каим. Годовой доход от продажи этих продуктов составляет приблизительно 620 млн долл. в год. Даже при условии продажи продукции лишь за половину стоимости ИГИЛ стабильно получает 300 млн. долл в год только на этих продажах. Среди других сырьевых и перерабатывающих объектов, находящихся под контролем ИГИЛ, есть и Мишракская серная компания, расположенная в провин-

ции Ниневия, а также крупнейшая в Сирии соляная шахта в Ат-Табани.

ИГИЛ контролирует пять крупных цементных заводов в Сирии и Ираке: в Аль-Джалабийи (3 млн т в год), Ар-Ракке (1,5 млн т в год), Аль-Фаллудже, Кубейсе и Аль-Каиме (совокупное производство последних трех – 3 млн т в год). Только по приблизительным подсчетам, ИГИЛ получает от продажи произведенного этими предприятиями цемента 583 млн долл. в год (при средней цене на рынке в 80 долл. за тонну).

Получение максимальной прибыли от добычи, переработки и транспортировки природных ресурсов является одним из основных стратегических направлений деятельности ряда подразделений ИГИЛ в долгосрочной перспективе.

Реализации этой цели будут служить не только максимально продуманные действия в отношении тактических мероприятий по захвату новых предприятий с уже отлаженными системами функционирования, но и весь план стратегического развития организации. В отношении приобретения новых ресурсов и рынков их сбыта для ИГИЛ могут оказаться особо интересными урановые месторождения Иордании. Эта страна занимает 11-е место в мире по залежам урана, объемы которых достигают, по разным оценкам, от 70 до 130 тысяч тонн. Принципиальной особенностью этих месторождений является то, что залегают они на небольших глубинах – до полутора метров от поверхности, что делает их особенно пригодными для добычи. По данным Всемирной ядерной ассоциации, в ближайшие годы потребуется 33-процентное увеличение поставок урана для того, чтобы увеличить мощности ядерных реакторов ряда атомных станций на 27%. Таким образом, приобретение нового активного рынка в качестве одного из самых доходных может оказаться чрезвычайно привлекательным для ИГИЛ, не говоря уже и о других интересах этой организации в отношении Иорданского Королевства.

Другим важным источником доходов для ИГИЛ является продажа зерновых. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), провинции Ниневия и Салах эд-Дин, находящиеся под контролем ИГИЛ, являются самыми плодородными в стране. На них приходится 30% от общенационального производства пшеницы, что составляет приблизительно 1 миллион тонн, а также 40% национального производства ячменя. В этих областях в ведении ИГИЛ также находятся государственные хранилища пшеницы общим объемом в 1,1 миллиона тонн. В Сирии боевики ИГИЛ также захватили государственные хранилища с зерном. Однако эти запасы не расходуются, а в страну транспортируется пшеница из Ирака с целью переработки и дальнейшей продажи, в том числе и иракскому правительству через посредников. По общим подсчетам, доходы от продажи пшеницы и ячменя на черном рынке могут совокупно составить 200 млн долл. при условии продажи с 50-процентной скидкой.

Вместе с тем не стоит забывать и о других источниках доходов для ИГИЛ. Только за счет грабежей различных культурных артефактов (история некоторых насчитывает до 8 тысяч лет), находящихся рядом с городом Набук и у города Каламун, в пользу ИГИЛ, по различным данным, поступило от 20 до 50 тыс. долл. за единицу сделки с представителями западного черного рынка предметов искусства (при этом часть похищенных артефактов попадается на торгах в интернете на вполне уважаемых аукционах типа «Сотбис»). Но главным в данном случае все-таки является «черный рынок» торговли произведениями искусства. К числу постоянно действующих источников дохода относится и похищение людей. Среди похищенных были бизнесмены, региональные политики и священнослужители, а также граждане иностранных государств. В последнее время «предметом» особого интереса стали дети-христиане, а также другие представители христианских общин Ближнего Востока. По разным оценкам, приблизительно 10 млн долл. в месяц поступает в казну ИГИЛ за счет выкупов.

Одним из направлений получения средств для «Исламского государства» являются благотворительные организации, как исламские, так и международные. Деятельность последних становится все чаще предметом расследований со стороны правоохранительных органов ряда западных стран, в частности Великобритании. Под самое пристальное внимание попала деятельность организаций «Аль-Фатиха Глобал», «Чилдрен ин Диид», «Эйд Конвой», «Суриа Эйд». Это не первое и не последнее подобное расследование. Основной проблемой представляется непрозрачность финансовых потоков, которые распределяют благотворительные организации.

Существуют данные, что некоторые из них все чаще обращаются к древней системе перевода денег, до сих пор существующей на Ближнем Востоке и имеющей название «хавала». Она получила распространение в большинстве стран Востока во многом благодаря тому, что строится на принципах строгой конспирации и оперативности. «Хавала» отличается высокой скоростью, относительной дешевизной и отсутствием формализованной отчетности перед государственными органами, что позволяет ей конкурировать с современными международными операторами по перемещению денежных средств (например, с «Вестерн Юнион»). Обычные международные системы перевода денег взимают комиссионные в размере 10–15%, тогда как операторы «хавалы» берут со своих клиентов только 1–3%. Непосредственного перемещения денег в «хавале» не происходит. Участники этой системы действуют в рамках сделок, основанных на взаимном доверии. Таким образом, деньги, переданные оператору «хавалы» в одной стране, можно получить у другого представителя «хавалы» на другом конце света.

У правоохранительных органов США и других стран мира есть основания подозревать, что именно «хавала» используется большинством террористических организаций Ближнего Востока для осуществления финансовых операций. В связи с этим ставится задача установления

контроля над «хавалой». Об этом неоднократно заявляли различные главы казначейства США, которые определяли своей главной целью не искоренение «хавалы» как таковой, а лишь обеспечение необходимой им прозрачности и определенного контроля в интересах США.

Следует отметить, что установление строгого контроля над «хавалой» и тем более ее ликвидация представляются трудноосуществимыми задачами хотя бы потому, что, уходя корнями в глубокую древность, «хавала» «накопила» достаточный опыт саморегуляции и противостояния враждебному влиянию извне.

Помимо этого, усилия по контролированию неформального перемещения денежных средств могут помешать движению многомиллиардных финансовых потоков, которые идут от эмигрантов, работающих в развитых странах, на их родину, а также вызвать социальные взрывы в странах, принимающих этих эмигрантов. 4 июля 2015 года министр финансов Ирака заявил, что Всемирный банк согласился выделить 2,3 миллиарда долларов с тем, чтобы свести на нет кризис ликвидности, а также ликвидировать бюджетный дефицит. Также министр заявил, что Всемирный банк согласился предоставить Ираку заем в размере 1,7 млрд. долл., из которых 1 миллиард должен уйти на осуществление плана развития государства в краткосрочный период. При этом 350 млн долл. должны пойти на борьбу и преодоление последствий деятельности «Исламского государства». С одной стороны, все эти меры не могут не внушать воодушевления, поскольку появляется шанс для измученного проблемами последних десятилетий государства преодолеть ряд трудностей и стабилизировать ситуацию с перспективой на развитие. Однако практика показывает, что укоренившаяся система злоупотреблений вполне способна поглотить и такой большой «куш», представленный в виде этих займов. Борьба с коррупцией на всех уровнях власти в данном регионе не только далека от побед, но и вполне сопоставима по значимости с борьбой с ИГИЛ».

По оценке уже цитированных нами американских журналистов М.Вайса и Х.Хасана, еще одной очень значительной частью дохода ИГ являются военные трофеи («ранима»), что по определению включает в себя все награбленное или украденное. Например, в результате беспорядочно отступления трех иракских дивизий в июне 2014 года ИГ захватило американское и иное военное оборудование на миллионы долларов.

То же самое справедливо и по отношению к военным складам сирийской армии. От себя отметим, что в большинстве случаев эти арсеналы просто продавались игиловцам, что потом маскировалось под беспорядочное отступление. В этой связи мы не стали рассматривать чисто военные трофеи как некую экономическую составляющую функционирования ИГ. Скорее, это относится к вопросам воспроизведения боеготовности, что, конечно, опосредованно также требует определенных финансовых затрат. Что же касается мародерства, то к экономике это также имеет мало отношения. Поясним что под ней мы подразумеваем, безусловно, постоянно функционирующие системы, приносящие определенный доход.

В связи с упоминанием игиловской системы финансовых транзакций и «хавалы» позволим себе некий комментарий. В октябре 2015 года в США прошла встреча финансовой разведки страны и основных банков, на которой обсуждались пути пресечения и мониторинга перевода финансов террористическими структурами «Исламского государства» (ИГ). Основным итогом этой встречи стало признание «полного фиаско» предпринимаемых до сих пор усилий по минимизации этого процесса. Этот факт признали глава секции ФБР по контртерроризму и противодействию незаконным финансовым операциям Д.Робертс, глава департамента Казначейства США по стратегической политике противодействия финансированию терроризма Сарах Ранджа, офицер по связи с Казначейством Командования специальных операций Пентагона Даррен Виген. Широко разрекламированная программа Terrorist

Finance Tracking Program (TFTP), на которую возлагались какие-то уж совсем заоблачные надежды, себя не оправдала. А если называть вещи своими именами – полностью провалилась. Участники встречи были солидарны во мнении о том, что принимаемые меры абсолютно не адекватны имеющимся вызовам. Вся проблема заключается в том, что финансовая разведка использует для мониторинга только систему Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT), которая мониторит систему перевода со счета на счет, что террористы практически не используют. А если и используют, то это можно делать и без системы SWIFT, что займет просто немного больше времени. И в этой связи проведение банковских операций ИГ практически «невидимо» для финансовой разведки США.

По данным последней, террористы из ИГ используют довольно примитивную, но в то же время эффективную систему перевода финансовых средств в своих интересах. Основной поток при этом идет не через неформальную исламскую систему транзакций (т.н. «хавалу»), а через обыкновенные банковские карточки. Причем западных банков. Переводы обычно осуществляются из регионов и стран, которые граничат с зонами, контролируемыми сторонниками ИГ, через обыкновенные банкоматы. При этом какого-то эффективного механизма, который бы позволял идентифицировать курьеров боевиков и выявлять их из общей массы клиентов банкоматов, просто нет. Похоже, что это не совсем понимают в руководстве финансовой разведки США, поскольку на встрече оно потребовало от крупнейших банков США предоставления регулярной информации о клиентах банкоматов и держателей кредитных карточек в Иордании, Турции, Ираке и Сирии.

Это, конечно, не помешает для проведения аналитической работы по выявлению наиболее «крупных» клиентов, но суть вопроса заключается в том, что объем транзакций очень велик, а способы агентурной «подсветки» держателей банковских карточек отсутствуют вообще.

Необходимо не просто установить такое лицо, но и еще получить на него характеризующую информацию, выяснить наличие родственников в среде исламистов, понять его идеологические убеждения, а также характер передвижений. При этом вырученные от контрабанды нефти финансы дробятся на мелкие суммы, которые переводятся в основном в самой Турции, обналичиваются, а затем курьерами вывозятся в Ирак. Обработать такой массив информации без доброй воли и желания тех же турецких спецслужб вообще нереально. С этой «волей» обязательно будут проблемы, исходя из жесткой заинтересованности серьезных бизнес-кругов Турции в практически дармовой нефти. Другое дело, что такая кропотливая работа может дать некий анализ по выявлению закономерностей поведения боевиков. При этом выскажем мнение, что, исходя хотя бы из «чеченского опыта», можно констатировать, что основным способом в данном случае является агентурное внедрение на каналы курьерской связи или оперативное задержание таких курьеров.

Их допросы дадут представление о механизмах финансирования в несколько раз больше, чем вся аналитическая работа с материалами транзакций. Рассуждения американских экспертов о том, что такая работа позволит выявлять возвращающихся из зоны боевых действий террористов, которые будут основывать «спящие ячейки» в странах своего проживания, вызывает сомнение. В ИГ отсутствует система финансирования такого рода ячеек, которые переведены на самофинансирование. Кроме того, трафик транзакций из Европы в страны Ближнего Востока зашкаливает с учетом огромной арабской и турецкой колонии. Выявить в этом массиве потенциальных террористов исключительно анализом финансовых документов невозможно. Для достижения какой-то более или менее эффективной работы следует увеличить штат сотрудников финансовой разведки в разы.

Выход из ситуации, по нашей оценке, может быть сконцентрирован на двух сценариях. Первый и карди-

нальный – жесткое лимитирование снятия наличности из банкоматов и еще более жесткое лимитирование перевода крупных сумм с карточки на карточку. Эти суммы должны быть крайне незначительными и ограничены длительными временными рамками. Крупные суммы должны переводиться только через счета с обязательными гарантийными документами контрагентов или фирм. Прекратить использование этой схемы такие меры, конечно, не могут, но они максимально затруднят ее. Она заставляет террористов привлекать к осуществлению таких схем большее количество лиц, что автоматически увеличивает риск расшифровки. Рассматривать вариант кардинального прекращения обслуживания банкоматов в проблемных странах, конечно, не стоит. Как по причине массовых исков со стороны этих государств и граждан, что может привести к серьезным компенсационным выплатам, так и из-за отсутствия соответствующей законодательной базы.

«Другим чрезвычайно важным обстоятельством является сращивание борьбы с «Исламским государством» с различными бюрократическими региональными и международными структурами, когда важны не столько результаты, сколько сам факт ведения этой войны. Сращивание «Исламского государства» с бюрократическим аппаратом, создание иллюзий активной деятельности без реальных структурных изменений при значительном числе актуальнейших проблем, а также с учетом большой доли молодежи в составе общества, создает базу, которую террористические организации будут использовать как живительную среду для своей деятельности на всех уровнях.

Значительное усиление «Исламского государства» четко обозначило издержки в работе государственных структур, а также органов безопасности в Ираке и Сирии. Высокий уровень реагирования на ежедневные внешние вызовы, мобильность, а также четкая проработка как стратегических, так и тактических задач при поддержке значительных собственных ресурсов делает «Исламское

государство» чрезвычайно лабильным и опасным игроком как на региональном, так и на международном уровнях». Повторим, что этот анализ Н.Глебовой нам представляется очень актуальным, несмотря на то, что был написан уже значительное время назад.

Чтобы понять, как меняется (или нет) та динамика финансирования ИГ, которую она представила, по нашей оценке, целесообразно проанализировать ряд данных на эту тему, которые стали известны из добытых оперативными путями финансовых документов региональной администрации ИГ в сирийской провинции Дейр эз-Зор. Они дают очень интересную картину в отношении реальных источников финансирования этой организации. При этом, однако, необходимо учитывать, что у ИГ фактически отсутствует какая-то централизованная система бухгалтерского учета, которая применялась бы, так сказать, в «общегосударственном масштабе». То есть, безусловно, в Мосуле имеется некое финансовое управление («диван»). Оно ведает казной организации, но не вникает в нюансы деятельности финансовых управлений в той или иной области (вилаета). То есть система поступления доходов в центральный финансовый «диван» в Мосуле осуществляется в качестве фиксированной ставки. Которая уменьшается или увеличивается в зависимости от оперативной обстановки в той или иной области. Изученные материалы свидетельствуют о том, что экономика ИГ представляет собой сложную смесь получения доходов путем вымогательства, налогообложения, лицензионной деятельности, ну и, конечно, коммерческой деятельности, которая связана в основном с торговлей контрабандной нефтью. В этой связи примечательна финансовая отчетность ИГ в провинции Дейр эз-Зор («Вилает аль-Хейр»).

Эта сирийская провинция начиная с июля 2014 года практически полностью контролируется сторонниками ИГ. Стратегический характер указанной провинции подчеркивает ожесточенность боев за нее не только, собственно, со стороны сирийских войск, которые обороняли базу

ВВС на ее территории почти два года фактически в осаде, но и междоусобная борьба между «Батальонами благочестивого Мустафы» (функционально подчинялись командованию «Джабхат ан-нусры»), отрядами Сирийской свободной армии (ССА) и ИГ. Провинция является одной из самых благополучных с точки зрения сельского хозяйства. Это традиционный центр овцеводства и плодоводства. Но главное богатство Дейр эз-Зор – нефть. Суточная производительность в 2010 году составляла 100 000 баррелей в день. Неизвестно, удалось ли сохранить ее на настоящий момент в условиях военного времени, поскольку 65% нефти добывается в провинции с использованием впрыска воды под сильным давлением, что приводит к 80-процентному содержанию воды в нефти. Эта технология требует значительных затрат, применения специальной техники и квалифицированных кадров. Тем не менее нефть является одним из главных источников пополнения региональной казны «Вилаета аль-Хейр». Кроме того, на территории провинции расположены четыре установки для переработки нефти и газа, которые используются для производства сжиженного газа для бытового использования. Производительность составляет 100 млн куб. футов в сутки. После установления контроля ИГ над провинцией она вошла в так называемую «провинцию Евфрат», которая включает административно еще и западную часть провинции Анбар в Ираке.

Теперь следует рассказать собственно о самих документах финансовой и экономической отчетности за период с декабря 2014 года по январь 2015 года. По оценке экспертов, суммы в этих счетах выглядят гораздо менее скромными, чем можно было бы предположить. И второе – нефть не является главным источником дохода ИГ. Пропорция доходов бюджета «Вилаета аль-Хейр» распределяется следующим образом: 27,7% – доходы от продажи нефти и нефтепродуктов; 3,9% – продажа электроэнергии; 23,7% – налоги; 44,7% – конфискации. Интересно, что доходы от нефти составили только 1 993 009 долла-

ров. При этом, если даже нефть была продана по 20 долларов за баррель, то весь объем добытой за это время нефти должен был принести администрации ИГ в провинции за этот период порядка 90 млн. Эта цифра дается с учетом падения производства и добычи. Но все равно эти данные, что называется, «не бьются». Из этого следует один очень важный вывод: в нефтяном бизнесе есть еще одна сторона, о которой в финансовых отчетах ИГ ничего не говорится. Это, безусловно, некие посредники в Турции, но не только. Большую часть прибыли в данном случае получают местные племена, а вернее – их шейхи.

Это одна из главных системообразующих основ экономической деятельности ИГ. Основную массу экономических преференций от хозяйственной деятельности в том или ином «субъекте» ИГ получают местные племенные элиты. В противном случае ни о какой экспансии сторонников ИГ речь бы не шла в принципе. Огромные территории, которые они «контролируют», в реальности являются лишь некой формой симбиоза суннитских племен, которые на них проживают, и неким наместником ИГ на местах. Это также подтверждается и численностью «Исламского государства» (около тридцати тысяч активных штыков), которое было бы просто не в состоянии активно воевать и стоять гарнизонами на отвоеванных пространствах Сирии и Ирака.

Продолжим анализ документов. От продажи электроэнергии за этот период времени казна ИГ получила всего 331 000 долларов США. Это наталкивает на мысль о том, что классической продажи электроэнергии просто не происходит, а мы имеем дело с какими-то мизерными налогами. Электричество в жаркой Сирии – вопрос физического выживания и вечный камень преткновения между властями и местным населением. Вспомним недавний взрыв социального возмущения, поводом к которому послужили именно перебои с электроэнергией и возросшие тарифы на нее. Налоги на сельскохозяйственную деятельность и пахотные земли составили 1 998 тыс. долларов США. При

этом речь, видимо, идет о налоге за ирригацию. Таким образом, если мы уберем статью дохода от конфискаций (она просто не может давать регулярного и стабильного дохода), то выяснится, что основной статьей доходов является все-таки нефть и налоги на землю и воду.

На что тратят деньги местные администрации? 73,8% (4 126 000 долларов США) ушло на содержание военных отрядов. Из этой суммы расходы на техническое обслуживание составляют 19,8%, на зарплату – 43,6%, на исламскую полицию – 10,4%. Пропаганда в СМИ (включая местные) – 2,8%, функционирование «госструктур» – 17,7%, благотворительная помощь – 5,7%. Интересно, что бюджет вилаета не содержит статей на образование. Не исключено, что оно финансируется из отдельного бюджета Совета по шариату. Также примечательно, что в статью «госрасходы» входят и средства, выделяемые на восстановление социальной инфраструктуры, пострадавшей от налетов авиации коалиции и России. Продажа исторических артефактов осуществляется под управлением «дивана Риказ». Уровень налога на продажу этой категории установлен в 20%. За указанный период времени было уплачено всего три налога (два – по 10 000 долларов, один – 1000 долларов). Из анализа этих документов напрашивается следующий вывод. Во-первых, структура доходов в этом вилаете во многом идентична структурам иных вилаетов ИГ (об этом свидетельствует перехваченная переписка с другими «диванами» в других вилаетах). Естественно, с учетом наличия на их территории запасов углеводородов и сельскохозяйственных угодий. Но руководство ИГ старается контролировать именно такие «тучные» регионы. Во-вторых, в полной мере финансируются только военные статьи. При этом на зарплату бойцов тратится примерно половина всей суммы, что свидетельствует о серьезной зависимости боевого потенциала отрядов ИГ от жалования и преимущественного нахождения в них иностранных наемников. Падение доходов и уменьшение зарплаты, без всякого сомнения, приведет

к распаду ИГ как единой структуры. В-третьих, расчеты ведутся в долларах США, а не в валюте ИГ, что свидетельствует о том, что введение собственной валюты было в большей степени пиаром и к реальности имеет мало отношения. Торговля с теми же турками и иными контрагентами в других государствах осуществляется только в долларах.

В этой связи оправданно затронуть отдельно один момент экономической политики ИГ – чеканку собственной монеты. Экстремисты из террористической организации «Исламское государство» (ИГ) начали чеканить собственные золотые монеты. Как пишет британская газета «Дейли телеграф», новая валюта, которую намерено ввести в обращение ИГ, сумевшее захватить значительную часть территории Ирака и Сирии, называется исламский динар. Точно так же назывались золотые монеты, использовавшиеся в 630-х годах, во времена халифа Османа, взятые исламистами за образец. Как ожидается, они скоро поступят в обращение. Стоимость одного такого исламского динара равняется, по сообщениям газеты, 139 долларам США. В анонсе ИГ «рекламирует» появление собственной валюты как «освобождение» от «сатанинского ростовщичества глобальной экономической системы». Там же говорится, что в планах – чеканка золотых, серебряных и медных монет. Они будут стандартизованы по весу и номиналу и станут законным платежным средством на всей территории, контролируемой ИГ.

Основные вопросы, которые возникают в этой связи: когда новая «валюта» будет отчеканена и введена в реальное обращение, а кроме того, насколько жизнеспособна эта идея? Абсолютное большинство экспертов убеждено, что эта идея нежизнеспособна и трудно реализуема, а вся история связана исключительно с вопросами пропаганды в формате утверждения всех институтов, присущих настоящему государству. Такие монеты могут использоваться для расплаты за услуги только на территории, контролируемой ИГ в Ираке и Сирии, при этом их

выход на мировой рынок абсолютно невозможен. Ряд специалистов сравнивает новую валюту с «кровавыми алмазами» из Африки, продажа которых была в свое время успешно заблокирована международными финансовыми институтами.

Кроме того, для финансистов важны репутационные риски, любая утечка в отношении операций с деньгами ИГ немедленно обрушит любое финансовое учреждение. Если же гипотетически предположить, что эти золотые монеты можно будет потом переплавить в слитки, то встает вопрос о дополнительных финансовых издержках на это и последующий нелегальный аффинаж. Очень сомнительно, что кто-то будет связываться с этим. В качестве примера можно привести золотодобывающую отрасль находящегося под экономическими санкциями Судана, которая, несмотря на суперсовременное немецкое оборудование и подпольный аффинаж в ряде арабских стран, так и не смогла реально заменить доходы, которые ранее получал Хартум от экспорта углеводородов. Кроме того, у экспертов возникает резонный вопрос в отношении наличия у ИГ необходимого количества золота и серебра, да и сама чеканка в условиях военного времени и постоянно меняющейся линии фронта выглядит довольно проблематичной. По данным финансовых аналитиков, все доходы группировки от контрабандного экспорта нефти, продажи артефактов и рэкета, который в последнее время серьезно замедлился, вряд ли смогут обеспечить создание необходимого базиса для чеканки собственных монет.

Еще более маловероятно, что валюта ИГ сможет каким-то образом потеснить мировые валюты и, в частности, американский доллар. В том числе, и в рамках обеспечения новой валюты золотом. Цена на золото часто движется в обратном от курса доллара направлении. По оценке валютного эксперта Университета Дж.Хопкинса С.Ханке, «заявления ИГ в этом отношении абсолютно бессмысленны. Покупательская способность доллара

определяется на мировом рынке и не имеет ничего общего с желаниями ИГ». По оценке ряда специалистов по исламскому финансовому праву, «использование золота ИГ может свидетельствовать о желании главарей этой группировки обойти таким образом запреты на ростовщичество и проценты». В данном случае золото может рассматриваться сторонниками ИГ как идеальное средство для вывода определенных капиталов за границу. Золото в отличие от бумажных денег является т.н. «безопасной альтернативой бумажным деньгам» и принимается в любом банке независимо от курсов валют. Но эта схема работает в идеале. В случае с ИГ возникает много вопросов о чистоте изготовления слитков и их официальном аффинаже. Ну и, конечно, партнерах за рубежом. Финансирование золотыми монетами присягнувших на верность ИГ группировок в других частях мира выглядит малоперспективным делом как в силу отсутствия возможности их использования для логистической и материально-технической поддержки, так и по причине жесткого дефицита этих монет у самого ИГ.

Возвращаясь к теме экономики ИГ, на которой неплохо наживается ближний и родственный круг турецкого президента Р.Т.Эрдогана (рассказы о том, что Турция не закупает, по утверждению Анкары, нефть у ИГ, мы оставляем на совести турецких властей, поскольку в таком случае выходит, что нефть поступает в Турцию без всякого осознания этого факта со стороны официальных лиц. Что это тогда за пограничный контроль?), отметим, что сторонники ИГ активно используют и иные формы экономического влияния. Это, помимо уже упомянутых производства фосфатов, цемента и выращивания пшеницы, прежде всего контроль над основными водными ресурсами. Последние на засушливом Ближнем Востоке издревле считались главными причинами возникновения кровопролитных конфликтов и межгосударственных войн. Экономическая тактика ИГ в данном случае крайне продуманна. Она подразумевает предоставление местным

племенным группам практически полной самостоятельности в выборе приоритетов социальных и экономических программ на вверенной им территории, что, собственно, и обеспечивает ту самую пресловутую поддержку, о которой все без устали говорят. Но при этом ИГ жестко контролирует основные источники воды, которые используются для орошения в сельском хозяйстве. Таким образом, та самая централизация, в принципе, существует и действует. Важность «водного фактора» прекрасно иллюстрирует история с водозаборником в сирийском Каламуне, который снабжал водой, в том числе, и Дамаск. Там исламисты и сирийское правительство договорились о создании демилитаризованной зоны с целью бесперебойного снабжения водой столичного региона. И сделано это было не от большой любви друг к другу, а в силу тесной мешанины суннитского и алавитского населения в Дамаске и вокруг него. ИГ активно использует этот фактор в своей экспансии в Сирии.

Например, помимо контроля над нефтяными и газовыми месторождениями в Сирии приоритетное внимание уделялось и захвату ключевых городов на реках Евфрат и Тигр. Начиная со своего возникновения в Сирии в 2012 году, ИГ целенаправленно овладевало ключевыми пунктами по течению реки Евфрат, выбивая оттуда в основном даже не правительственные силы, а просаудовские исламистские группировки. Так «Исламское государство» последовательно захватило Маскану, Ракку, Дейр эз-Зор, Аль-Букамаль. Рассуждения ряда политологов о том, что в своей основе именно такое направление наступления по течению р.Евфрат имеет целью обоснование тезиса ИГ о создании халифата в Междуречье, мы посчитаем недостаточно аргументированными. Экономика в данном случае на первом месте. Контроль над основной водной артерией дает право контроля и управления прилегающими территориями, а также использования ее в качестве логистической артерии для переброски грузов. Иных способов доставки нефти из Ирака в Турцию у группировки

просто нет (в Ираке суннитские районы от побережья отрезаны традиционными местами проживания на юге шиитов), без чего ИГ не сможет поддерживать достаточный уровень финансирования.

То же самое справедливо и по отношению к иракскому фронту. Там также под контроль боевиков попали ключевые города в плане контроля над водными ресурсами: Эль-Каим, Эль-Фаллуджа, Рамади, Равах. Контроль над последними дает прямой доступ к двум крупным водохранилищам: плотине Хадите и озеру Тархар. Это позволяет держать фактически в заложниках почти весь регион. В том числе, и потому, что контроль над дамбами и плотинами дает теоретическую возможность затопить все окрестные территории. Кроме того, в руки ИГ попали и энергогенерирующие мощности. Начиная с 2013 года сторонники ИГ провели 20 крупных атак против важной инфраструктуры, которую контролируют иракские правительственные силы. Ряд этих атак включал в себя затопление деревень, отравление водохранилищ, закрытие затворов на плотинах в Эль-Фалудже и Рамади, из-за чего возникла угроза затопления Багдада. В основном эти атаки были направлены на срыв передислокации правительственных войск.

Но вода на Ближнем Востоке имеет и иную значимость: привлечение на свою сторону дополнительных сторонников из числа местных жителей. Контроль над плотиной в Мосуле дал ИГ контроль над 75% общей иракской энергогенерации. Кстати, именно дефицит электроэнергии стал в этом году поводом для массовых социальных волнений в Ираке. В 2014 году ИГ с помощью закрытия плотины в Эль-Фаллудже спровоцировало наводнение, в результате которого было уничтожено около 200 кв. км посевных площадей. Естественно, что на этих территориях жили противники ИГ. В 2015 году закрытие плотины в Рамади прекратило сток воды в знаменитые болота Ирака, что вынудило бежать из этого района т.н. «болотных арабов». Справедливости ради надо сказать, что и

правительственные силы зачастую используют такие же методы для воздействия не столько на противника, сколько на лояльное ИГ население. Но это только лишний раз подчеркивает осмысленность и просчитанность тактики и стратегии ИГ, приверженцы которого действительно полагают, что им удастся, в конце концов, построить халифат в Междуречье.

Подводя итог, согласимся с большинством экспертов в том, что инициатива ИГ с чеканкой золотого динара является в большей степени символичным способом придать своей «государственности» некие обязательные атрибуты, такие как флаг и герб. При этом техническая сторона реализации этих проектов выглядит предельно сложной и уж точно при всех вариантах не сможет поколебать устои мировой финансовой системы. Что же касается самих перспектив существования такого «государства», то они еще более пессимистичны, нежели перспективы хождения его валюты. Последние по времени события на фронтах убедительно показывают, что сторонники ИГ начинают терять стратегическую инициативу. Прессинг в Ираке на их позиции и утеря ряда стратегических объектов в Сирии ставит под вопрос самое главное преимущество ИГ – модель комбинирования сил и средств между двумя этими направлениями. Попытка ввести собственную золотую монету – это способ для руководства группировки каким-то образом заполнить брешь дефицита реальной валюты, что затрудняет, несмотря на все пропагандистские усилия, вербовку новых сторонников из-за рубежа. А это на сегодняшний момент главный резерв пополнения живой силы, недостаток которой ИГ начинает ощущать в той же Сирии, где оно вынуждено оголять «второстепенные участки фронта».

Из этого следует только один вывод. Ликвидировать или, по крайней мере, серьезно минимизировать объемы финансирования ИГ возможно только в случае уничтожения основных источников получения финансов. В данном случае – это подрыв самой системы контрабанды ирак-

ской нефти террористами. Как путем «пережимания» основных логистических коридоров контрабанды путем взятия той же Ракки, так и установления надежного контроля над нефтяными полями в суннитском треугольнике в Ираке. А это делает вариант проведения масштабных военных операций против террористов безальтернативным. Безусловно, важны и авианалеты на топливные кустарные заводики и уничтожение наливников. Ликвидация парка автомашин автоматически уменьшит поток контрабандных углеводородов, так как заместить его в кратчайшие сроки маловероятно.

Уничтожение инфраструктуры контрабанды углеводородов помимо чисто визуального и финансового эффекта должно преследовать и еще одну, более глобальную цель. Это ликвидация «понятной и удобной» для местного населения системы ИГ по распределению социальных благ и экономических преференций, которая резко диссонирует с прежними централизованными системами в тех же Сирии и Ираке. Собственно, привлекательность экономической модели ИГ среди населения вызвана именно этим обстоятельством «справедливого распределения» национального продукта. И конфликт в Сирии и в Ираке по большому счету вызван именно обстоятельством нарушения местными властями адекватной системы участия тех или иных групп суннитской элиты и населения в управлении ключевыми областями национальной экономики. Разрушение местного бизнеса и усложнение условий для его осуществления объективно подвигнет местные племенные группы (а они контролируют до 60% территории в той же Сирии, например) на отказ от верности ИГ и к переходу к компромиссным схемам сосуществования с центральными правительствами.

Глава 5

Пропаганда «Исламского государства»

Безудержный подъем «Исламского государства» (ИГ) спровоцировал возобновление интереса к джихадистской пропаганде в основных зарубежных средствах массовой информации. По данным исследователя из фонда Qulliam Ч.Уинтера, «только за один месяц материалы ИГ тиражировались СМИ только арабских стран более 140 раз». При этом исследователь скромно забыл посчитать количество аналогичных материалов в западной прессе и электронных средствах массовой информации. Таким образом, делается вывод о том, что сторонники ИГ используют для распространения и тиражирования собственных материалов вроде бы враждебные им СМИ. И это не считая материалов на собственных информационных ресурсах. По тем же данным, «всего за 30 дней официальные пропагандисты ИГ создали и распространили 1146 различных образцов пропаганды: подборки фотографий, видеоролики, аудиозаписи заявлений, сводки радионовостей, текстовые обзоры, журналы, плакаты, брошюры, теологические трактаты – список можно продолжать еще долго. После того как одинаковые пропагандистские материалы на разных языках были сгруппированы (выпуски новостей по радио и текстовые обзоры выпускались на шести языках), оказалось, что всего было выпущено 892 образца. Все они были представлены в единой форме и очень хорошо выполнены – до мельчайших деталей». Пропаганда ИГ – это вообще отдельная тема для разговора, поскольку до него ни одно движение или террористическая группа такого результата не достигали.

Большого секрета в данном случае нет, если мы вспомним, кто, собственно, является главным архитектором возникновения этого явления. Это Катар, который в стремлении бросить перчатку своему исконному региональному конкуренту – Саудовской Аравии прежде всего озаботился созданием собственного мощного, сделанного по западноевропейским лекалам и технологиям пропагандистского рупора в лице телеканала «Аль-Джазира». Пропаганда ИГ и способы ее распространения в данном случае списаны, как под копирку, и методологически разработаны все теми же наемными западными специалистами. Это особенно актуально, поскольку они реально знают о менталитете западного общества и прекрасно понимают, какие струны необходимо затрагивать для пущего эффекта. Пропагандистские материалы ИГ в отличие от тех же аль-каидовских сделаны по примеру короткометражных фильмов со всем «голливудским» антуражем постановочных сцен, декораций и участников. Секрет того, чтобы тебя смотрели (прежде всего смотрели, потому что «важнейшим из всех искусств для нас является кино»), заключается всего в двух моментах, которые существуют издревле и играют на двух основных инстинктах человека – сексуальности и агрессивности. Отсюда отрезание голов, сжигание, утопление, рассказы про сексуальные унижения христианских женщин и т.п. То есть пропагандисты ИГ дают зрителям красивую картинку того, что те хотят увидеть, но при этом без всяких трюков и клюквенной крови. Все по-настоящему, и этот момент заставляет смотреть все эти ролики, в том числе и людей, которые ранее в пристрастности к джихадизму замечены не были. И в данном случае эти материалы работают как «манок» для того, чтобы зритель еще раз вернулся к просмотру иных материалов. Секрет пропаганды ИГ – в ее натуральности и динамичности, явно с прицелом на молодого зрителя, который в силу возраста, менталитета и недостатка образования и общего кругозора не настроен слушать заунывные заумные проповеди длиннобородых старцев.

Второй момент: таким образом зрителю передается ощущение силы, которая стоит за ИГ. А это расчет уже на ту молодежь, которая традиционно чувствует себя слабой и никому не нужной. В общем-то, если говорить более грубо, используется классический способ привлечения в банды молодняка, который ранее практиковали уголовники. Правда, без красивых картинок и такой масштабности. Но смысл один. С учетом того, что ролики рассчитаны и на арабскую молодежь, традиционно испытывающую сложности с социальными лифтами и карьерой, в них настойчиво и подспудно подчеркивается способ «самого легкого карьерного взлета и обогащения». По данным того же Ч.Уинтера, «чаще всего подчеркивалась утопическая идея социальной справедливости, работающей экономики, религиозной «чистоты» и постоянного расширения «халифата». В другие дни больше рассказывалось о военной подготовке и парадах, а также о проведении боевых операций. Кроме этих довольно поверхностных наблюдений, можно сказать, что содержание пропагандистских материалов было настолько обширным и меняющимся, что коротко охарактеризовать его было непросто. Например, в типичный день 23-го числа месяца шавваль были опубликованы 50 различных пропагандистских материалов. Фоторепортажи и видео включали кадры наступлений ИГ на севере Сирии и восхваления погибших в Салах эд-Дине.

Фотографии на тему жертвенности представляли собой картины последствий воздушных налетов «крестоносцев-сефевидов» в иракских провинциях Анбар и Киркук. Однако большей частью пропагандисты были заняты тщательной проработкой темы «нормальной» жизни. 32 материала из 50 демонстрировали «мирную» жизнь: обучение штукатуров в мастерской Мосула, распространение газет в Фаллудже, ремонт тротуаров в Талафаре, установку телефонных линий в Кайяре, конфискацию и сжигание сигарет в Шаркате и даже загон верблюдов в Бир-аль-Касабе. Последнее также является крайне

важным моментом. Это уже посыл к той части населения, которая жаждет стабильности и «справедливого устройства» социальной и политической жизни общества. Это именно тот момент, который и породил, в общем-то, тот самый процесс, который принято называть «арабской весной». И пропаганда ИГ объясняет популярно, как такое общество образовать и что для этого нужно. Если хотите, то уместно сравнение с гитлеровской пропагандой, которая очень примитивно показывала германскому народу то, что он хотел увидеть. Всякие парады и отчеты о военных успехах демонстрируют не только силу, но и высокую степень защищенности сторонников ИГ. Отсюда и статистика, которую приводит Ч.Уинтер только за один месяц: жертвенности посвящен 61 материал, сверхжестокости – 19 (перебарщивать с этим тоже не рекомендуется, дабы население не подумало, что имеет дело с психопатами и маньяками, а исключительно – с «суровыми и справедливыми судьями»); принадлежности к ИГ – 8; военной тематике – 331; гражданской жизни – 469». Статистика по последней статье также примечательна: экономическая активность – 99; религия – 115 (именно вера в правильного Бога дает надежду на хорошую жизнь); местные службы – 136 (основной упор на жизнь конкретного поселка или местности); социальная жизнь – 30; природа – 31; правосудие – 41 и т.п. Показ правосудия, которое в арабских странах далеко от идеала, в данном случае – это принципиальная позиция. Таким образом, можно констатировать, что вышеперечисленные направления являются основными в пропагандистской деятельности ИГ.

По данным того же Ч.Уинтера, «усилия ИГ по поддержанию своего «бренда» отличаются неумолимой настойчивостью. Их «секрет» медийной стратегии: «производить, производить, производить». В состав медийной составляющей ИГ входит медийная студия «Аль-Фуркан», которая выпекает пропагандистские ролики, как пирожки. Чуть ли не ежедневно в сеть выбрасываются все новые и

новые видеоклипы, повествующие о героизме воинов ислама. При этом отмечается всевозрастающее качество этих «изделий» и в сценарном, и режиссерском, и операторском плане. Студия выдала на-гора пропагандистский фильм «Звон мечей», разошедшийся по всему Ближнему Востоку и за его пределы, после которого был отмечен массовый приход в группировку новых членов. Создавая такое большое количество материалов, что становится невозможно за ними уследить, медийщики ИГ постарались сделать для нас невозможным понимание того, чем они занимаются. Они вываливают в интернет столько материалов, что становится весьма затруднительно разобрать, какой «бренд» они создают. Они дезориентируют своих противников и в то же самое время привлекают любопытных и беззащитных. На каждые два видео о повседневной жизни было одно, рассказывающее о военных аспектах операций ИГ: обучение новых рекрутов владению снайперским оружием, «мученики», читающие свои завещания, перед тем как взорвать себя, а также тщательно срежиссированные атаки на позиции неприятеля. На фоне постоянного сочетания картин мирной и военной жизни пропагандисты постоянно разыгрывали ноту виктимизации, непрестанно демонстрируя тела убитых и изувеченных детей, женщин и стариков, пытаясь выжать максимум политической выгоды из побочных потерь, вызванных воздушными ударами противника. Независимо от того, показывали ли они последствия ударов сирийской армии или международной коалиции, картины были неизменно ужасающими, и это позволяло легитимировать существование объявленного ИГ «халифата» и оправдывать бесчисленные преступления его боевиков.

Лишь пару раз пропагандисты попытались привлечь иностранных рекрутов идеями товарищества и дружбы в рядах бойцов. В основном призывы к новым рекрутам имели религиозное содержание. Точно так же очень малая пропорция месячного потока пропаганды была посвящена обещаниям амнистии раскаявшимся противни-

кам ИГ. Ранее ИГ часто хвалилось этой политикой. Все это – индикатор того, что пропагандисты подстраивают свою работу под более широкую стратегию руководства «Исламского государства». Не проходило и дня без того, чтобы пропагандистская машина ИГ не выпускала очередную порцию материалов. Отдельные части каждого пакета пропаганды, рассмотренные в изоляции, мало что значили. Однако в сочетании друг с другом они представляли картину жизни этой группировки, в которой каждый мог что-то найти для себя: жестокие наказания оппонентов, чтобы привлечь сторонников и напугать врагов, процветающие сельское хозяйство и промышленность для тех, кто ищет материального благополучия, неотвратимость наказания в виде отрубания конечностей, побивания камнями и обезглавливания для тех, кому дорого торжество порядка и закона, не говоря уже об убежденных иностранных джихадистах, стремящихся жить по правилам шариата в самой средневековой его интерпретации. Таким образом, четко прослеживается тенденция по массированному наступлению на всех фронтах пропагандистской обработки населения (примерно по пять различных материалов в день). Жестокость в данном случае выступает как приманка для аудитории, а уже затем на нее обрушивается обработка с точки зрения выстраивания общества «социальной справедливости», амнистии раскаявшихся и наказания коррупционеров прежних режимов.

Таким образом, переходя на язык профессиональных пиарщиков, можно утверждать, что пропагандисты ИГ успешно смешивают два потока пропаганды. Так называемых «политического» и «социального». Последний при этом по количеству контентов превышает даже «политический» и очень часто несет в себе его составляющие. Главным в этом направлении является то, что пропагандисты дают своим слушателям не просто «голую картинку» каких-либо военных операций, а полную картину жизни и деятельности «полноправного государства». В этом их кардинальное отличие от пропагандистских усилий той

же «Аль-Каиды» и ее филиалов в прошлом, которые основной упор делали исключительно на «военном аспекте» своей деятельности. В случае с ИГ аудитории дается альтернатива той жизни, которой зрители живут в настоящее время в своих странах, и которой они недовольны. В чем мы и убедились во время т.н. «арабской весны». То есть существует запрос арабской уммы, или, по крайней мере, значительной ее части на такую альтернативу.

И в этом заключается основная причина успеха экспансии пропаганды ИГ среди аудитории. А вовсе не в отсутствии «свободы слова» в арабском обществе, как подчеркивают некоторые западные аналитики. При наличии интернета разговоры об однобокости медийного рынка той или иной страны или цензуры – бесперспективны. Пропаганда ИГ в данном случае является лишь продолжением и сопровождением общего тренда политики этого формирования. Она заключается в том, что арабскому населению дается иллюзия реальности построения «справедливого социального государства». Каждый хочет слушать и смотреть только то, что он хочет смотреть и слушать. В данном случае обратимся к определению известного специалиста по вопросам пропаганды Ж.Эллюля: «Пропаганда не может оперировать в вакууме. Для того, чтобы ее стратегия действовала, должна существовать среда поддерживающих идей, концепций и нарративов». Это то, что Эллюль называет пре-пропагандой. Без этой среды «пропаганда существовать не может».

Для тех индивидов, которые уже купились на препропаганду, этот контент – не просто внешняя сила, которая действует на них извне, скорее, она превращается в нечто, что они стремятся потреблять и осознанно, и неосознанно. По мысли Эллюля, эта зависимость – «ментальность пропагандируемого», и по мере того, как его интерес развивается, а другие пути получения информации отмирают, он перестает интересоваться всем, кроме «неумолимого, непреклонного, возбужденного и активного выражения мнения, которого он уже придерживается».

Таким образом, ключевая задача пропагандиста – усилить верования пропагандируемого до такой степени, чтобы он оторвался от реальности и своей среды. С того момента, как это произошло, предрассудки начинают множиться, и «поскольку индивиду объяснили, что у него есть право их питать», другие, уже имеющиеся мнения еще более укрепляются. В конечном счете, некогда абстрактные концепции нормализуются, и он (или она) «становится другой персоной, подчиняющейся импульсам, которые ранее были чужды ему. На этом этапе пропагандируемый полностью поглощен, зависим от потребления и продолжающейся (ре)трансляции контента, без которого он, во всех отношениях, более не мыслит своего существования».

Собственно, помимо контентов прямого действия пропагандисты ИГ активно используют и формат «социальных сетей», который доказал свою эффективность во время всех периодов «цветных революций» как, по ленинскому определению, «основного коллективного организатора и пропагандиста». Теоретическую основу пропаганды ИГ, по нашей оценке, емко и полно сформулировал все тот же Ж.Эллюль задолго до появления ИГ. Его цитирует известный французский специалист в области пропаганды Шарль Винтер: «Фундаментальный труд Жака Эллюля дает нам инструмент, с помощью которого можно понять медиа-стратегию «Исламского государства». В 1958 г. Эллюль утверждал, что пропаганда ни в коей мере не является способом прививания новых идей, но средством их смешения, комбинации и кристаллизации. В этом смысле задача пропагандиста – полностью окружить индивида и постоянно усиливать и развивать те идеи, которые уже есть в его голове. Эллюль полагал, что тотальная, полностью погружающая в виртуальную среду природа пропаганды является залогом ее успеха. Такая пропаганда становится наиболее сильнодействующей в тот момент, когда индивид теряется внутри нее, начинает принимать в ней участие и, наконец, извлекать

удовольствие из процесса. В тот момент, когда пропаганда активно пропитала и личную, и публичную жизнь целиндивида, она становится образом его жизни. В этом она преуспела. Совершенно определенно, в умах создателей виртуального халифата, первое намерение пропагандиста – создать некий симбиоз между ними и пропагандируемыми с тем, чтобы их потребители добровольно проецировали заранее предопределенную версию событий как в публичной, так и в приватной сферах. Конечно, на момент написания работы Эллюля социальных сетей не существовало. Но теперь, когда они появились, можно доказать, что его взгляды релевантны как никогда.

Во многих смыслах, социальные платформы – наиболее эффективный инструмент распространения пропаганды. В конце концов, распространение через социальные сети создает нечто очень близкое к симбиозу, в котором «более не существует четкой границы между аудиторией и производителем контента». Это происходит гораздо более мощно, нежели в традиционной прессе: не только катализируется процесс зависимости пропагандируемого от пропагандиста, но социальные сети предоставляют пропагандируемому возможность сыграть активную роль. Описывая различные механизмы передачи потока политических сообщений, Эллюль утверждает, что нет одной пропаганды. Вместо нее существует беспрерывная игра ее различных форм, структурированных согласно ясно выраженным парам противоположностей.

Таким образом, пропаганда является не просто средством получения поддержки, но способом активации участия индивида в трансляции идей, в то время как сам он живет в иллюзии независимого мышления. Она презентует проблемы, а затем предлагает решения, она абсорбирует, присваивает себе, а затем коррумпирует мыслительный процесс. В этом смысле количество не менее важно, чем качество, потому что только через беспрерывный поток контента пропагандист может загрузить набор целей и вписать индивида в конструируемую си-

стему. Если пропаганда – окружение, оцепление индивида и лишение его способности отличить правду от лжи, то регулярность и настойчивость являются императивом». В этом, собственно, и заключается успех пропаганды и вербовок новых сторонников в социальных сетях. Дать слабому и неуверенному в себе человеку сыграть активную роль и создать себе иллюзию того, что он является нужным членом спаянной команды, стремящейся построить первое на земле государство, основанное на принципах социальной справедливости. Ничего не напоминает? В этой связи уместно вспомнить и о результатах этого эксперимента. Сам смысл пропаганды – показать мусульманской молодежи выход из «морального и идеологического тупика», который образовался в связи с бесперспективностью коррумпированных арабских правителей.

Средства в данном случае также довольно примитивные, но, собственно, не для высоких интеллектуалов это и делается. Общий тренд – меньше текста, больше драйва. Должна быть создана иллюзия справедливой силы, которая очищается кровью «лицемеров» («мунафиков»). То, что при этом режут в основном шиитов, езидов и христиан, никого не смущает, поскольку путь к халифату лежит через кровь и борьбу. А молодежи важна картинка, а не суть (здесь надо напрягать мозги, а это трудно). Создается ощущение причастности к общей силе, так как в одиночку молодой мусульманин часто чувствует себя слабым и непонятым. В общем-то, тоже ничего нового: молодежь всегда тяготела к сильным компаниям, где легче спрятать свои комплексы. Только раньше такие компании занимались криминалом и насилием, а теперь делают все то же самое, но за идею. То есть пропагандисты ИГ позаботились о том, чтобы облагородить, по большому счету, банальный бандитизм, придав ему смысл жертвенного дела. И еще, что очень важно, ИГ предлагает альтернативный способ бытия. Альтернативный от унылой бытовой нищенской рутины в тех же арабских странах, и сытой, но скучной жизни в Европе.

Если же мы кратко проанализируем использование сторонниками ИГ социальных сетей, то получается примерно следующая картина. На первом этапе был более активно задействован Facebook как наиболее популярная соцсеть в англоязычном сегменте. После признания организации террористической большинство материалов и профилей радикалов было удалено и заблокировано, но скрытая вербовка продолжается по сей день. Сейчас такая же активность исламистов развернулась в «Твиттере», который предоставляет возможность транслировать материалы ИГ фактически без запретов. По данным обозревателя «Взгляда» А.Топалова, «удаление аккаунтов членов ИГ происходит только после долгой процедуры официальных запросов со стороны правоохранительных органов. При этом в «Твиттере» существует целый ряд аккаунтов на арабском языке, за которыми не наблюдает практически никто. Англоязычные пропагандисты обычно мимикрируют под новостные агентства, но транслируют исключительно происламистскую риторику. Как ни странно, ретрансляторами сообщений о деятельности ИГ без его прямого упоминания часто становятся американские и английские эксперты и журналисты. В особенности в этой категории следует выделить «липовых» исследователей процессов на Ближнем Востоке. В России последователи ИГ в свое время были особенно активны «ВКонтакте».

На сегодняшний день сообщества, открыто связанные с исламистами, не существуют дольше пары недель, что вынуждает радикалов уходить глубже и коммуницировать напрямую – в мессенджерах. Telegram и WhatsApp на сегодняшний день – стартовый набор для домашнего террориста. Все основные новости и обсуждения происходят именно там. Оперативность распространения информации при этом значительно выше, чем в социальных сетях. Пока российские СМИ и пропагандисты осваивают Telegram – новостной канал «Исламского государства» достиг отметки в 14 000 подписчиков, а свежие новости

тиражируются со скоростью, которой позавидуют топовые сообщества «ВКонтакте». По данным уже цитированных нами американских журналистов М.Вайса и Х.Хасана, «одним из наименее исследованных социальных медиа, используемых ИГ, стало Zelllo – кодированное приложение для смартфонов и компьютеров, которое позволяет пользователям создавать каналы обмена аудиосообщениями. По существу, это приложение превращает мобильный телефон в портативную рацию, посредством которой любой интересующийся ИГ или ищущий способы вступить в нее может слушать проповеди ее имамов».

Рассматривая вопрос о пропагандистской составляющей ИГ, необходимо отметить следующий момент. Мы уже говорили ранее, что структура этой организации не подразумевает вертикальной интегрированности «зарубежных франшиз», которые присягнули ей на верность. То есть отсутствует вертикальное управление, планирование операций и, естественно, финансирование. Последняя статья вообще является ключевой для функционирования того или иного зарубежного филиала. Грубо говоря, нет денег – нет и управления процессом и заказов на проведение тех или иных акций. В данном случае мы не имеем фактов о целенаправленном и регулярном финансировании тех или иных «франшиз» из Мосула. По нашей оценке, разовые финансовые дотации возможны только в отношении групп на Синае и в Ливии. И то под конкретные задачи и не из Мосула, а из Дохи. То есть ИГ в принципе взяло на вооружение тактику своего основного конкурента в лице просаудовской «Аль-Каиды», которая вынужденно в большей степени в свое время переводила свои зарубежные филиалы на самофинансирование. И этот момент, по нашей оценке, послужил спусковым механизмом для утери влияния пакистанской головки организации и оттеснения ее на политическую периферию джихадизма. ИГ в отличие от своих конкурентов не слепо копирует схему достаточной автономности своих филиалов, оно предоставляет им свои информационные ресурсы.

Это очень важное отличие, которое помимо использования раскрученного и популярного бренда позволяет сохранять заинтересованность той или иной группировки в сохранении виртуальной связи с ИГ. Информационный ресурс этого формирования регулярно публикует и озвучивает видеоматериалы о том или ином подвиге своих франшиз. При этом ролики делаются в одном сценарном и видео ключе, что должно создавать у зрителя иллюзию глобальности организации. При этом никаких убедительных доказательств присутствия сторонников ИГ в том же Йемене или КСА, кроме этих самых материалов, не существует. По крайней мере, сами йеменцы ничего о присутствии ИГ на своей территории не знают.

Это справедливо и по отношению к сектору Газа, где сторонники движения ХАМАС на протяжении 2015 года несколько раз сталкивались с некой террористической активностью, что трактовалось зарубежными обозревателями как «наступление сторонников ИГ». Но это не совсем так. По ряду признаков можно говорить в этих случаях о борьбе различных фракций внутри самого движения, но в принципе – о запуске им самим «дымовой завесы». Она предназначалась прежде всего для египтян, которые регулярно обвиняют руководство ХАМАС в методологической помощи террористам на Синае. Таким образом, палестинцы постарались эти обвинения дезавуировать, выставляя себя в качестве жертвы все того же «Исламского государства». При этом пропаганда ИГ активно использует все эти инциденты для того, чтобы продемонстрировать лишний раз свою инфильтрацию в различные уголки мусульманского мира. То же самое справедливо и по отношению к «интифаде ножей», которая сейчас активизировалась в Израиле. ИГ никакого отношения к этому, в общем-то, больше спонтанному и имеющему более глубинные корни в самом палестинском сообществе движению, естественно, не имеет. Ситуация с «интифадой ножей» в Израиле в данном случае мало имеет общего с идеологией ИГ. Что же касается пропаганды ИГ, кото-

рое, конечно же, «взяло ответственность за происходящее на себя», то отметим следующее. Естественно, что никаких ячеек сторонников ИГ в Палестине пока нет. Возможно, и наверняка есть симпатизирующие этому движению. Но это не централизованная организация с четко отработанной системой координации и управления.

Здесь важно другое – пропаганда ИГ начала активно использовать тезис антисемитизма и борьбы с Израилем. Ранее этой теме уделялось, прямо скажем, второстепенное значение. И нынешняя трансформация во многом показательна. Прежде всего потому, что «борьба с Израилем» является универсальным для мусульманской уммы лозунгом, который в состоянии объединить гораздо большие массы мусульман, чем идеология суннитского национализма, которую в принципе сторонники ИГ и исповедуют. Этот замах уже на «сионистского врага», безусловно, работает не только в Палестине и Израиле, но и имеет своей целью побороться за влияние на умы уже и в европейских странах. Другими словами, «подкинуть дров» в тлеющий огонь антисемитизма в Старом Свете и тем самым спровоцировать уже серьезные столкновения непосредственно в Европе. Особенно на фоне миграционного кризиса. Используя антисемитизм, ИГ явно делает заявку на то, чтобы охватить своим влиянием новые массы мусульман. И это самый важный вывод из всей этой истории с «интифадой ножей».

Но понять это сторонний и не совсем искушенный зритель не в состоянии. У него создается полное ощущение того, что ИГ играет важную роль не только в Ираке и Сирии, но и на принципиальном для любого мусульманина участке иудейско-арабского противостояния. В данном случае пиарщики ИГ активно используют именно такие, реперные, с точки зрения мусульман, знаки восприятия. Например, ИГ достаточно охотно берет на себя ответственность за теракты в шиитских мечетях в КСА. При этом никаких явных доказательств этого нет, но в данных действиях есть глубинный смысл: большинство мусуль-

ман по всему миру испытывает недовольство по отношению к представителям аравийских монархий за их богатство, монополизацию права на святые места и заносчивость. Все эти глубинные струны души арабов пропагандисты ИГ затрагивают очень умело, со знанием реалий и менталитета жителя той или иной местности. В любом случае необходимо констатировать, что пиар ИГ действует по самым эффективным лекалам по принципу еще геббельсовской пропаганды «чем чудовищнее ложь, тем легче в нее поверить».

Теперь о способах противодействия пропаганде ИГ. По нашему мнению, успешно противодействовать такой пропаганде в условиях глубинного запроса значительной части мусульманского населения на подобного рода материалы невозможно. В данном случае противостоять этому тренду можно только развитой «критикой разума» и созданием более популярной социальной альтернативы. А для этого необходимо подорвать экономическую основу существования ИГ, уничтожив или минимизировав источники его финансовой подпитки. Лишение финансовой состоятельности уничтожит не только этот проект, но и, соответственно, возможность влиять на умы через средства пропаганды. В этой связи интересно мнение американских экспертов о причинах проигрыша пропагандистской площадки ИГ. В одной из служебных записок Госдепартамента, подготовленной для президента Б.Обамы в июне 2015 г., констатируется, что США, безусловно, проигрывают войну «Исламскому государству» (ИГ) в вопросах «пропаганды и контрпропаганды». Этот документ появился через три месяца после того, как администрация Белого дома заявила, что планирует активизировать медиакампанию по дискредитации идей «Исламского государства». В выводах говорится о сложностях, которые испытывают государственные органы США в вопросах налаживания взаимодействия с основными союзниками в сфере создания надежной системы подавления пропагандистской машины ИГ, в которой особую роль играют

британцы и эмиратовцы. В частности, констатируется, что «Абу-Даби неохотно реагирует на предложения американцев по усилению контроля над интернетом, а британцы больше выражают тревогу, чем что-либо делают в практической сфере». Общая ситуация в специальной группе, которая создана с участием Великобритании и ОАЭ для борьбы с исламистской пропагандой, описывается в записке «как сложная и запутанная». Госдепартамент, таким образом, делает вывод о том, что США пока мало что могут противопоставить деятельности пропагандистов ИГ в вопросах борьбы за умы людей в электронных СМИ.

Порядка миллиона записей исламистского содержания передается за день только в Twitter, администраторы которого успевают забанить из них только 10 000. В качестве примера успешного «дирижирования» через этот инструмент в записке называется один из организаторов исламистских сайтов в Индии Мехди Бихвас, который сумел организовать несколько десятков человек в разных частях мира. При этом власти Индии либо ничего не делают, ссылаясь на местные законы, либо действуют с чудовищным промедлением. И эта ситуация характерна для большинства стран с мусульманским населением в третьем мире.

Отсюда вывод: «общие усилия на этом поприще с организацией коалиции стран» с треском провалились. Вопросы создания «коммуникационных узлов» в арабских и мусульманских странах для оперативного получения сигнала о том или ином исламистском сайте с целью скорейшего принятия мер по его блокировке, по осторожному замечанию американских дипломатов, «сталкиваются с колоссальными трудностями». То есть таких «координационных центров» просто нет, и партнеры США в регионе Ближнего Востока не горят желанием их организовывать. Еще одним моментом является нежелание со стороны Саудовской Аравии и ОАЭ признавать «руководящую и направляющую роль» Вашингтона в этом вопросе.

Эти страны создают собственные, по существу автономно работающие центры по антитеррористической пропаганде. Это, в общем-то, логично, поскольку есть все основания полагать, что взгляды американцев и арабов на контрпропаганду категорически разняться. Это становится понятным хотя бы по следующему предложению Госдепартамента США: «Создать группу авторитетных специалистов по древним памятникам культуры и антикваров, которые бы проводили публичное разъяснение варварства ИГ. Разъяснять неприемлемость для цивилизованного мира разрушение древних памятников и торговли на черном рынке краденными артефактами». Интересно, а кому они будут это разъяснять: обычным людям это и так понятно, а ворам и скупщикам краденого это объяснять бесполезно. Спрос рождает предложение. И разрушение памятников в данном случае большинство мусульманской уммы воспринимает как символичное противостояние «европейской чуждой цивилизации» и ее гуманитарным принципам.

В самих США, обладающих одним из самых мощных инструментов радиоэлектронной борьбы в лице АНБ, противодействием исламистской пропаганде на сегодняшний день занимается сравнительно небольшая группа в Госдепартаменте США «Центр стратегических контртеррористических коммуникаций», которая состоит из нескольких десятков специалистов, говорящих на урду, пушту, арабском и сомалийском языках. Они отслеживают исламистские сайты или сообщения в Twitter, а затем вмешиваются в переписку, оставляя различные комментарии, которые должны, по идее, дезавуировать или скомпрометировать написанное. Сложная схема, особенно если учесть, что эти специалисты помимо языков должны еще и обладать серьезными фундаментальными знаниями в политике и теологии. При общем дефиците грамотных страноведов в системе государственных органов США, с трудом верится в то, что в указанном центре работают специалисты, способные на серьезную дискус-

сию. Скорее всего, вся дискуссия скатывается к обмену мнениями по принципу «сам дурак». Но даже и это не принципиально. Естественно, что Госдепартамент своей запиской добился пока обещания «расширения финансирования» своей деятельности и, соответственно, укрепления кадрового потенциала. Но эта мера, очевидно, не нанесет ощутимого вреда исламистской пропаганде.

Входить в дискуссию на исламистских сайтах с местными авторами является заранее проигрышным алгоритмом такой деятельности. Бороться за умы «несведущих читателей» именно на этой «поляне» – вещь благородная и сильно отдает святой верой американцев в силу слова. Но, видимо, это справедливо только в одном конкретном случае: если мы имеем дело с западным обществом, которое соответственно обрабатывается всем своим образом жизни в одном ключе, и совсем другое, когда мы имеем дело с мусульманской уммой, большинство которой чуть ли не танцевало, когда взорвали небоскребы в Нью-Йорке. Вопрос в данном случае не в дискуссиях, а в столкновении цивилизаций. Простым доказательством этого является содержание пропагандистского контента ИГ – публичные казни со средневековым антуражем. Это считается в среде пропагандистов ИГ самым действенным способом привлечения в свои ряды новых рекрутов, что срабатывает. Разговаривать о смысле ислама и его изначальном миролюбии с людьми, которые с удовольствием смотрят такие видеоролики, априори есть бесполезное дело. ИГ дает своим потенциальным сторонникам (иные на их сайты просто не заходят или делают это случайно) иллюзию силы и бескомпромиссности. То есть именно те две вещи, которые отсутствуют у большинства нынешних ближневосточных правителей. Отметим, что у диктаторов, эра которых закончилась и вызвала нынешние тектонические процессы на Ближнем Востоке, этого хватало в избытке, и «все в Багдаде было спокойно». Нынешняя тяга к простым и силовым решениям в преодолении сложных проблем своего социального со-

существования и ущемленного национального самосознания является главным смыслом жизни значительной части мусульманского населения. И в роликах ИГ они видят то, что хотят видеть: мощь своей «цивилизации», которая даже не может сделать самостоятельно ни одного маломальского технического устройства. В отличие от «неверных», которые даже в космос летают и, в общем-то, кормят «правоверных».

Отсюда один важный вывод. Самым главным орудием контрпропаганды являются не дискуссии о вреде исламизма, а демонстрация жесткой силы. Самым главным аргументом в данном сценарии является безусловное военное поражение ИГ и других аналогичных группировок на поле боя с осознанием поддерживающего их местного населения всей бесперспективности силового противодействия с Западом. Только в этом случае число зрителей роликов ИГ будет неуклонно падать, что легко объяснимо: они не смогли оправдать возлагавшиеся на них надежды, и их брутальность им не помогла. А гоняться за каждой публикацией в Twitter, конечно, можно, но бесполезно. Что не отменяет, разумеется, массированных кибер-атак на исламистские сайты, что, в принципе, должны делать специалисты в АНБ и подобных структурах на Западе, а совсем не лингвисты-философы, как это предлагают в Госдепартаменте США.

Глава 6

Возможность экспансии ИГ в Россию. Перспективы борьбы с ИГ

Инициативы России в отношении активизации борьбы с «Исламским государством» (ИГ) сразу же породили у ряда политологов целую цепочку рассуждений о возможности распространения экспансии сторонников ИГ уже на территории России. Вашингтон даже включил в санкционный список «некие структуры ИГ на Северном Кавказе». Если брать все эти рассуждения схематично, то следует ожидать, что «в отместку за российскую активную позицию по Сирии» ИГ станет разворачивать на нашей территории очередную террористическую войну. Между тем той же политики логично было бы ожидать и от Саудовской Аравии, которая также оказалась перед реальной угрозой провала своей военной инфраструктуры влияния, с таким трудом и финансовыми издержками создаваемой в Сирии. А Эр-Рияд на такие действия способен, достаточно вспомнить вроде бы немотивированные взрывы дагестанских смертников в Волгограде, которые случились аккурат после безуспешных переговоров тогдашнего руководителя Управления общей разведки (УОР) КСА принца Бандара в Москве на предмет убеждения российского руководства в необходимости отказа от поддержки Б.Асада взамен на гарантии безопасности во время проведения Олимпиады в Сочи. И это уже не говоря о финансировании филиала «Аль-Каиды» на Северном Кавказе в период двух чеченских кампаний, на чем мы остановимся ниже. В этой связи выскажем следующие соображения.

Бесспорно, позиция Москвы по безусловному сохранению режима Б.Асада у власти серьезно озаботила как Саудовскую Аравию, так и Катар с Турцией. Собственно, именно эти три страны и являются основными спонсорами «сирийского сопротивления» и, скажем больше, его сознательной радикализации и исламизации. Произошло это в очень значительной степени и потому, что европейцы и американцы закрыли в самом начале сирийского кризиса глаза на этот момент. И, соответственно, заняли нейтральную позицию, предпочитая ограничиваться дипломатическими демаршами. Эр-Рияд и Доха в свою очередь проводили жесткую и планомерную политику по насаждению в Сирии джихадизма с использованием неограниченных финансовых вливаний и материально-технического снабжения.

Это позволило в очень короткий период времени насытить фронт сопротивления иностранными «добровольцами» и создать некий численный противовес над правительственными силами. Цели, которые при этом решались, в общем-то были прозрачными: минимизировать иранское влияние в Сирии и Ливане. Выскажем крамольную мысль: если бы прекратилось спонсирование исламистов из-за рубежа, то очень быстро сирийский конфликт миновал бы свою острую стадию. Мы имеем в виду прежде всего экспансию исламистов и проведение ими крупных войсковых операций. Осталась бы без сомнения минно-взрывная война и общий негативный настрой суннитского населения. Но в нынешней ситуации проект президента РФ В.В.Путина, который он пока схематично представил в ООН, заключается в следующем. Сохранить присутствие сирийского режима на политическом поле страны в силу очень простого соображения: это единственная гарантия от превращения страны в «несостоявшееся государство». Только после этого, когда и сами противники Б.Асада и, что важнее, их зарубежные спонсоры осознали бы всю патовость ситуации, можно было бы переходить к реализации в Сирии «че-

ченской схемы» по инкорпорации суннитской элиты в экономическую и политическую жизнь страны. Естественно, перенос этой схемы имел бы свою сирийскую специфику. Например, в Чечне просто не существует межконфессионального противостояния. В Сирии оно имеется, но то, что такая инкорпорация суннитов возможна, доказывает опыт строительства государственного аппарата Асада-старшего, который создал в свое время очень жизнеспособную систему управления и распределения национального продукта. Как будет проходить эта инкорпорация – с Б.Асадом или без него, – неважно. Вот, примерно, какова задумка Москвы, по нашей оценке.

В Саудовской Аравии на первом этапе начала российской военной операции в Сирии этого не понимали. Там продолжались публичные призывы к немедленному уходу Б.Асада. Эр-Рияд понять было можно: ему нужна хоть какая-то маленькая военная и дипломатическая победа. На фоне провала усилий по срыву иранской ядерной сделки, невнятных и пока безрезультативных действий в Йемене Сирия остается единственной возможностью поддержать свое реноме как региональной державы. И это не говоря уже о серьезных геополитических интересах Саудовской Аравии в Сирии. Кроме того, королевство уже не может до бесконечности финансировать снабжение и тренировку боевиков для разных фронтов (йеменского, сирийского, синайского, иракского). Бюджет КСА в условиях падения цен на нефть, очевидно, если не трещит, то, по крайней мере, начинает испытывать давление. При сохранении такой динамики, по оценке ряда экспертов, золотовалютного запаса на все эти глобальные проекты мироустройства хватит на два-три года.

Примерно через год в Эр-Рияде начнут чувствовать все возрастающий прессинг на позиции их влияния в регионе со стороны Ирана. Просто в силу возрастания его финансовых возможностей. Мы рисуем эту, конечно, очень примерную схему для того, чтобы зафиксировать первый момент применительно к России. КСА в настоя-

щее время свою позицию несколько трансформировало. При этом королевство, которое кровно заинтересовано в свержении Б.Асада и сохранении влияния лояльных себе групп в Сирии, пока ведет себя не в пример «деликатнее и тише». Например, никак не прокомментировало печальный инцидент с уничтожением российского бомбардировщика Су-24, но и не поддержало публично действия Анкары. Вместо этого прислало в Москву делегацию для обсуждения вопроса совместных инвестиций, как будто все идет в нужном направлении. Между тем от функционирования логистических коридоров на турецко-сирийской границе, которую сейчас все активнее обрабатывает не только российская, но и французская авиация, напрямую зависит боеготовность той же просаудовской «Джабхат ан-нусры». Напомним, что согласно достигнутому летом 2015 г. соглашению между Катаром, Турцией и КСА, Анкара берет на себя ответственность за бесперебойное снабжение просаудовских группировок через свою территорию и даже направляет в их отряды офицеров по связи.

Эр-Рияд в данном случае занимает на удивление более гибкую и продуманную позицию, чем Доха и Анкара. Не исключено, что таким образом саудовцы вынуждены действовать с учетом трудностей с бюджетом и с оглядкой на ситуацию в Йемене, которая отнимает у королевского двора много сил и средств. Такой выжидательной позицией сейчас королевство, в общем-то, предоставляет проявлять инициативу своим региональным конкурентам, стараясь получить от этого все мыслимые дивиденды. Прежде всего это резкое ослабление позиций Турции и Катара в Сирии, поскольку приход в активную политическую жизнь «Братьев-мусульман», на которых те открыто ставят, совершенно не устраивает Саудовскую Аравию. Что бы в Эр-Рияде ни обещали своим временным катарским и турецким партнерам во время консультаций летом 2015 г. по этому вопросу. Прогресс на переговорах в женевском формате между Москвой и Вашингтоном по во-

просу составления перечня террористических организаций не оставил всем трем спонсорам оппозиционных сил в Сирии поля для маневра. Но если катарцы и турки обозначили свою позицию жестко, то саудовцы стали маневрировать. Те же заигрывания с Москвой в плане инвестиций в настоящее время говорят о том, что Эр-Рияд рассматривает мирный формат как реальный и, возможно, неизбежный (особенно после терактов в Париже) и делает все возможное для того, чтобы вписать в него лояльные себе силы. Или хотя бы часть их в лице во многом подконтрольной ему гражданской Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (НКОРС).

Но вернемся к позиции Дохи и Анкары. У них таких «гражданских структур», которые могли бы участвовать в мирных переговорах, просто нет. Фактически отсутствует и политическое крыло сирийских «Братьев-мусульман». Ни катарцы, ни турки такой вариант не рассматривали и не удосужились сделать что-нибудь практическое в этом направлении. Отсюда и жесткость в тактике, что будет иметь самые негативные, прежде всего для Турции, последствия. О вхождении в ЕС, видимо, придется забыть до лучших времен. Эпизод со сбитым Су-24 явился логичным продолжением атаки на российский гражданский авиалайнер на Синае. Только этот теракт финансировали катарцы, а в случае с российским военным самолетом настал черед выступить и туркам. Таким образом, стороны зафиксировали свою позицию по вопросу участия российских ВВС в уничтожении инфраструктуры ИГ, без которой говорить о каком-то решающем влиянии этих двух стран можно будет только в прошедшем времени.

Анкара и Доха готовы на непопулярные меры и именно это продемонстрировали. В дальнейшем следует ожидать попыток проведения таких жестких мер уже непосредственно на российской территории. И для этого Анкара сейчас начнет консолидировать свои старые кадры из числа чеченского бандподполья, связи с которыми она установила еще в период двух чеченских кампаний.

Напомним в этой связи, что та же Доха для военного усиления структур ИГ в Сирии фактически перекупила обанкротившийся «Имарат Кавказ», что и позволило перекинуть чеченцев-кистинцев из Панкиссии в Сирию. Теперь есть все основания для того, чтобы они начали возвращаться домой для организации подрывной деятельности уже непосредственно на территории республик Северного Кавказа.

Но есть два момента, которые этот процесс смогут приостановить. Это опять же дефицит средств для организации чего-то стационарно крупномасштабного, типа предыдущей истории на Северном Кавказе. Но самое главное – основные силы террористов связаны боями в самой Сирии и в ближайшее время – в Ираке. Аравийские монархии (как Саудовская Аравия, так и Катар) в среднесрочной перспективе вряд ли будут иметь достаточно средств и сил для того, чтобы организовать масштабный джихадизм на Северном Кавказе. Проплатить пару-тройку резонансных терактов смогут, но поднять смуту как в 1990-е годы – уже навряд ли. В этой связи недавний инцидент в Москве с членами т.н. «бабаюртовской бандгруппы», во время которого погиб полицейский, наталкивает на определенные тревожные размышления. Но повторим, это будут единичные террористические акты. Да и ситуация в элитах северокавказских республик кардинально поменялась. У Чечни, например, есть очень печальный опыт войны на своей территории, который повторять никто не хочет. Но самое главное – есть относительная успокоенность республиканских элит, которые худо-бедно вписались в нынешнюю систему ценностей. То есть возникла определенная устойчивость баланса распределения сил и кланов. Наиболее тревожной с точки зрения рецидивов относительной дестабилизации этой системы баланса выглядит ситуация в Дагестане, и в меньшей мере – в Кабардино-Балкарии.

Рассмотрим такие перспективы на примере ликвидации эмира «Имарата Кавказ» Алиасхаба Кебекова 19 ап-

реля 2015 года в пригороде дагестанского города Буйнакск. Это событие породило среди экспертов волну рассуждений на тему дальнейших перспектив радикальных группировок, лояльных «Исламскому государству» (ИГ) и пакистанской (по месту нахождения руководства) «Аль-Каиде» на Северном Кавказе. Логика рассуждений в данном случае следующая: преемник Д.Умарова на посту эмира «Имарата Кавказ» А.Кебеков присягнул на верность именно «Аль-Каиде», следовательно, его ликвидация вызовет автоматическое усиление сторонников ИГ. При этом, по оценке экспертов, А.Кебеков являлся приверженцем чуть ли не «умеренного крыла» в исламистском движении, отказывался от проведения терактов в отношении «гражданских целей», а также выступал категорически против использования женщин в качестве смертниц (что не мешает это делать той же присягнувший на верность ИГ нигерийской «Боко харам», например). Это классическая идеологическая схема «Аль-Каиды», но никак не ИГ. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Катар в принципе ослабил свое влияние на «Имарат Кавказ», что породило в нем центробежные тенденции. Сторонники ИГ же в отличие от приверженцев «Аль-Каиды» отличаются большей жестокостью и свирепостью, что, безусловно, усилит общую негативную ситуацию на Северном Кавказе. То есть логика таких «исследователей» в принципе сводится к одному тезису: давайте выберем наименьшее зло.

Для того, чтобы оценить такие перспективы, необходимо, на наш взгляд, оглянуться немного назад. Сторонников версии об «умеренном аль-каидовце» А.Кебекове мы смело отсылаем к событиям начала 2000-х годов в той же Чечне, где «бал» в банддвижении на тот период времени правили как раз иностранные «пришельцы», которые не просто присягали «в пустоту» на верность пакистанской «Аль-Каиде», а были целенаправленно «командированы» руководством этой организации на Северный Кавказ с целью структурирования джихада в этом регионе

и откола его от России с перспективой превращения во «второй Афганистан» с точки зрения экспансии радикалов. И Хаттаб, и сменявшие его саудовцы Абу Хафс и Моганнед являлись ярко выраженными адептами мирового джихада именно в трактовке пакистанской «Аль-Каиды». Возьмем на себя смелость снова утверждать, что за всеми их действиями стояли спонсоры и вдохновители из Саудовской Аравии. Перечислять и комментировать резонансные теракты, которые эти «пришельцы» организовывали, и степень их жестокости, полагаем излишним. Всем желающим еще раз убедиться в их «умеренности» рекомендуем просто пройтись по фактуре. Из этого мы делаем только один вывод: рассуждать об умеренности того или иного движения мирового джихада – занятие напрасное, и призываем ни в коем случае не копировать автоматически их идеологические и тактические выкладки применительно к той или иной фигуре на Северном Кавказе.

Разрыв Д.Умарова с арабскими «политкомиссарами» в 2009–2010 гг. носил, по нашей оценке, в меньшей степени характер идеологический, хотя и это момент также присутствовал. Идеология в данном случае заключалась в глубинном различии между бойцами чеченского сопротивления и «пришлыми» арабами, для которых первые все равно оставались «язычниками». Отношение же чеченцев к арабам хорошо иллюстрирует тот факт, что они никогда не забирали убитых арабов с поля боя, в отличие от своих, которых эвакуировали зачастую с риском для жизни. Суть этих противоречий лежит гораздо глубже: между сугубо националистическим характером чеченского сопротивления и «мировым джихадизмом», который исповедовали посланцы «Аль-Каиды», при этом преследуя сугубо саудовские интересы распространения своего влияния. Кульминация же этого долго тлеющего противоречия наступила в 2009–10 гг., когда произошел разрыв Д.Умарова с саудовцем Моганнедом. Но причина лежала больше в сфере прекращения финансирования из тех же

стран Персидского залива, что было во многом вызвано и началом иракской кампании.

Д.Умаров после этого стал лихорадочно искать новых спонсоров, перебиваясь «случайными халтурами» типа организации взрыва в аэропорту Домодедово по заказу грузинских спецслужб в отместку за поражение в Южной Осетии. В конце концов, он их обрел не без помощи своего зятя У.аш-Шишани в лице катарцев, которые таким образом создавали костяк будущего ИГ в Сирии. Доха также взяла на себя и финансирование сайта «Имарата Кавказ», которое сейчас, видимо, серьезно ослабло. То есть какая-то экспансия ИГ на Северный Кавказ или иные мусульманские регионы, что еще проблематичнее, реальна только при наличии устойчивого финансового канала ее подпитки. И нынешние регулярные ликвидации российскими органами безопасности неких эмиров и главарей в Дагестане, Чечне и КБР, которые присягнули ИГ, этой тенденции не меняют. Такие фигуры всегда будут возникать, но так же периодически и будут уничтожаться. Разжечь пламя массового джихадизма без внутреннего запроса населения на это они будут не в состоянии. Как появление адептов христианства до Христа до поры до времени не смогло сделать процесс христианизации массовым явлением, т.к. старые формы религии практически всех устраивали.

Верность А.Кебекова принципам «Аль-Каиды» в этой ситуации носит абсолютно логичный характер, хотя на первый взгляд и выглядит несколько парадоксально. Напомним, что А.Кебеков является аварцем и соответственно принадлежит к дагестанскому крылу джихадистов. После разрыва Д.Умарова с саудовцами последние – усилиями бывшего руководителя Управления общей разведки (УОР) КСА принца Бандара – постарались приобрести некие точки опоры среди уже порядком деградировавшего банддвижения. Прежде всего с точки зрения создания рычагов воздействия на Москву в свете приближающейся Олимпиады в Сочи и сирийского досье.

С учетом «потери» Чечни из-за «предательства» Д.Умарова взор Эр-Рияда обратился прежде всего на Дагестан, где радикальное движение имело, в отличие от чеченского, питательную базу, что объяснялось в первую очередь борьбой местных кланов за экономические преференции. Таким образом, дагестанский филиал, выходцем из которого и являлся А.Кебеков, плавно перешел на спонсирование Саудовской Аравии. Отсюда и верность пакистанской «Аль-Каиде».

Попытка надавить на Москву путем организации терактов в Волгограде, как мы знаем, провалилась, но при этом рычаги влияния на дагестанское подполье из Эр-Рияда никуда не делись. При этом необходимо уяснить для себя, что, вопреки распространенному мнению, дагестанский и чеченский филиалы джихадизма не представляют собой единого целого. О какой-то связи между этими двумя ветвями подполья сейчас можно говорить только условно, в отличие от времен Хаттаба и Ш.Басаева, когда через Дагестан шли основные маршруты связи между бандподпольем в Чечне и зарубежными спонсорами. Сейчас эти разрозненные группы лихорадочно ищут «своих» зарубежных спонсоров практически в самостоятельном режиме, обозначая через видеоролики в интернете верность той или иной международной организации. Но это в большей степени пока лишь игра в одном направлении. Для того, чтобы этот процесс стал двусторонним, необходима политическая воля со стороны Катара, Турции и КСА. Плюс, повторим, финансы, и очень немалые. Теоретически они могут через воюющих в Ираке и Сирии уроженцев Кавказа наладить связи с единомышленниками на российской территории и даже время от времени направлять им финансовые транши на проведение «тревожащих» терактов (возможно, и резонансных), но развернуть полномасштабный джихад им помешает дефицит все тех же финансов и общая настроенность местного населения.

Второй момент, который делает перспективу вспышки джихадизма на Северном Кавказе пока минимальной, заключается в российском военном присутствии в Сирии, которое «связывает» силы джихадистов именно там. При продолжении боевых действий и сохранении устойчивости сирийского режима резко минимизируется вероятность возникновения очагов джихадизма на Северном Кавказе. Для этого отсутствует главное и определяющее условие – финансирование, во что все упирается. Все финансовые потоки аравийских монархий сейчас направлены на Сирию, Ирак и Йемен. Применительно к Катару – это еще и Ливия, и Синай. Туда же идут и редеющие потоки «добровольцев». Редеющие, потому что финансирование начинает давать сбои. Попытка перевести ИГ на самостоятельное финансирование путем организации контрабанды нефти и артефактов поначалу работала, но сейчас это поле все более и более сужается. Особенно после уничтожения российского самолета в Сирии, и совершенно непредсказуемой для Анкары негативной реакции на это со стороны США и стран НАТО. Этот инцидент резко стимулировал антитурецкую риторику в Вашингтоне и Брюсселе по поводу «поддержки финансирования ИГ», в результате чего, безусловно, возникнут дополнительные проблемы с финансовой подпиткой сторонников ИГ. Не говоря уже об активизации силового воздействия на их позиции со стороны французских и российских ВВС. Вообще в некотором роде переломным моментом для трансформации невнятной позиции Запада по отношению к экспансии ИГ стали парижские теракты и, конечно, активизация российского военного присутствия в в Сирии. Отсутствие централизованного управления своими низовыми ячейками со стороны руководства ИГ сыграло в данном случае для него роковую роль. Совершенные теракты в Париже были абсолютно как политически, так и с военной точки зрения немотивированы и явились инициативой местных сторонников ИГ, что привело к фатальным итогам для всей организации в целом.

О позиции США вообще стоит поговорить отдельно. Наряду с активизацией участия сил НАТО в антитеррористической операции против боевиков «Исламского государства» (ИГ) в Ираке и Сирии, особенно после парижских терактов, стороны конфликта не оставляют попыток достигнуть и мирного компромисса. Собственно, по оценке как американских, так и европейских военных вместе с военной сухопутной операцией это является необходимым условием достижения некой стабильности в Ираке и Сирии и прежде всего минимизации боевой активности ИГ в регионе. Более того, именно такой же точки зрения, с небольшими расхождениями, придерживаются и в руководстве Турции, Иордании и даже Саудовской Аравии.

Такие консультации велись и до начала активной фазы участия западных стран в операции против ИГ. Тогда авторитетные представители суннитского иракского лобби активно проводили консультации в Вашингтоне, обещая нейтрализацию «исламистской опасности» в обмен за предоставление широкой полугосударственной автономии. На тот период времени в американской столице такой сценарий разрешения кризиса посчитали преждевременным. В первую очередь, по причине необходимости реализации планов отставки слишком неуступчивого и проирански настроенного премьер-министра Ирака Н.аль-Малики на более готового к компромиссам Х.аль-Абади. А потом необходимо напомнить, что переговоры были фактически сорваны публичной казнью американского журналиста Дж.Фоули. После этого ни о каких переговорах не могло быть уже и речи, просто из-за соображений национальной «гордости». Кстати, точно такой же эффект вызвало и уничтожение российского Су-24 турками.

Такой ход серьезно обеспокоил руководство джихадистов из ИГ, которые, безусловно, прекрасно были осведомлены о проведении таких консультаций и просчитывали возможные итоги их положительного результата. Из 30 тыс. воюющих в настоящее время на стороне ИГ

боевиков 85% составляют бойцы из племенных ополчений суннитских племен в основном из провинции Анбар. А как эти племена могут очень быстро нейтрализовывать на своей территории действия пришлых исламистов, они показали во время американского вторжения в Ирак. Тогда только нарушение данных ранее обещаний об инкорпорации суннитских боевиков в силовые структуры Ирака, в общем-то, повернуло ситуацию на 180 градусов. Несмотря на все прежние обиды, сунниты отчетливо понимают, что без согласия Вашингтона надеяться на какие-то реальные договоренности с правительством Х.аль-Абади маловероятно. Американцы же в свою очередь также понимают, что любая наземная операция (а без нее достигнуть разгрома джихадистов просто нереально) возможна без осложнений только в случае достижения такого компромисса с суннитами.

Переговоры на эту тему в принципе идут с 2014 года. С разной степенью интенсивности, разумеется. Руководитель племенных ополчений в провинции Анбар Али Хатем Сулейман осуществляет их через бывшего офицера ЦРУ США Джонатана Сетха Гринхила, который уволился из Лэнгли только в декабре 2013 года. До этого он долгое время работал в резидентурах по всему Ближнему Востоку. В том числе, и в Ираке, где он в свое время курировал и проект по созданию лояльных американцам отрядов суннитских племен в рамках борьбы с группами «Аль-Каиды». После увольнения Д.Гринхил основал консалтинговую фирму Calex Partners в Арлингтоне (штат Вирджиния), по соседству со штаб-квартирой ЦРУ. Ряд экспертов в этой связи утверждают, что она была создана как неформальный опосредованный канал общения Лэнгли с «неудобными» партнерами, в том числе, и из числа террористических групп на Ближнем и Среднем Востоке. Темой переговоров является поддержка суннитами наступления против ИГ взамен на предоставление «суннитскому треугольнику» ровно такой же автономии, какой сейчас обладает Иракский Курдистан. При этом

сунниты гарантируют формальное сохранение «целостности» Ирака.

Это условие поддерживает сейчас Эр-Рияд, который всерьез обеспокоен перспективой наступления ИГ уже на свою территорию. Отсюда желание скорейшего решения проблемы относительно мирным путем. Помимо Д.Гринхила над этой темой продолжает работать и М.ас-Салих, также представитель Али Хатема Сулеймана, который предпринимал первую попытку установления контакта и проводил консультации с представителями Белого дома по этому вопросу в июле 2014 года. Главным препятствием на этом пути будет позиция Багдада, который пока не готов к такому решению «суннитской проблемы». Вместе с тем другого выхода из этого кризиса, по-видимому, не существует.

Автор уверен, что Вашингтон выберет именно эту стратегию для достижения своих целей в Ираке. Именно стратегию, а не тактику, поскольку в качестве тактики США будут все-таки стараться организовать наступление на Мосул. И возможный успех по разгрому ИГ в Сирии эти попытки только укрепят. Формальное взятие Мосула и еще ряда основных оплотов ИГ типа Фаллуджи будет означать только окончание первого этапа противодействия сторонников ИГ. Главная задача, которая будет стоять перед американцами, – это умиротворение суннитских племен в попытках отказаться от их поддержки ИГ и выработать условия для их инкорпорации в той или иной форме в государственную структуру Ирака в качестве задачи-максимум, или определение с поддержкой курса на фактическое государственное обособление по типу курдской автономии.

Отсутствие для иракских (и сирийских тоже) суннитов ясной перспективы своего безболезненного проживания в дальнейшем означает только один вариант – латентную партизанскую войну даже при условии прямого военного поражения ИГ. США уже попытались в 2014 году и середине 2015 года подружиться с этими племенными груп-

пами и повторить тем самым успешный опыт своего противодействия структурам «Аль-Каиды» в свое время, но потерпели фиаско: те племенные вожди, которые поддались на уговоры и посулы, были ликвидированы сторонниками ИГ, прежде всего по причине того, что они пошли на такие действия сепаратно и «не взяли» в процесс переговоров по достижению договоренностей представителей баасистской элиты. Это не означает, что Вашингтон от этой идеи отказался и не предпримет попытку реализовать ее снова после взятия Мосула и разгрома военной структуры ИГ. Этот факт просто создаст новый формат для переговоров, пока подавляющая часть суннитов уверена, что они в состоянии противостоять военной угрозе. Немаловажным моментом будет и то, что в случае успеха международных сил в Сирии резко упадет финансовое наполнение казны ИГ. Не то, чтобы контрабанда нефти прекратится, этот процесс, по нашему мнению, неистребим, но деньги будут получать другие люди, а значит, влияние сторонников ИГ на процесс резко упадет.

Перспектива фактического распада Ирака на конфессионально ориентированные части нам представляется наиболее приоритетной и реальной. Этот вариант подсказывает сама логика развития конфликта и природа возникновения самого ИГ, как выражения крайнего недовольства существующим положением дел со стороны суннитской элиты Ирака. Премьер Ирака Х.аль-Абади вряд ли сможет найти внутренние резервы для того, чтобы пойти на полномасштабную инкорпорацию суннитов во власть. Даже если он этого захочет. В своей внутренней борьбе с Н.аль-Малики он опирается на поддержку двух влиятельных фигур в шиитской конфессии страны в лице аятоллы А.ас-Систани и командующего «Армии Махди» М.ас-Садра. А их позиция по этому вопросу не отличается большим миролюбием и склонностью к компромиссам.

Если курдам или сирийцам удастся взять Ракку, Дейр эз-Зор и ряд других важных транзитных оплотов ИГ на

Евфрате и прервать тем самым контрабанду иракской нефти в Турцию (или, правильнее говоря, отодвинуть от этого процесса сторонников ИГ), можно будет начинать обратный отсчет жизни ИГ как влиятельной региональной структуры. Разговоры «о чуме 21 века» в виде этого движения, которая распространяется по миру сама по себе, оставим для обывателей. Для того чтобы воевать, нужны деньги и спонсоры. Нет денег – нет войны, как и поддержки местного населения. Чем это заканчивается, мы показали выше на примере ликвидации структур «Аль-Каиды» в провинции Анбар. Таким образом, на настоящий момент перед силами международной коалиции и Россией в принципе стоит одна и та же глобальная задача – разрушение по максимуму военной и организационной структуры ИГ с целью создания оптимальных условий для переговоров с суннитской элитой в Сирии и Ираке.

При таком варианте развития событий, не без срывов, но определенно можно будет стоить алгоритм умиротворения этого региона. А его умиротворение в принципе является основным условием получения гарантий от эксцессов джихадизма у нас дома в России. Повторим, что борьба «на дальних рубежах» ни в коей мере не отменяет необходимости очень пристальной и кропотливой работы по искоренению потенциально опасных с точки зрения возникновения очагов джихадизма внутри России. Как в отношении ячеек экстремистов, «заблудших овец» типа печально известной В.Карауловой и прибывших на родину «сирийских и иракских ветеранов». По данным ФСБ РФ, число российских граждан, которые воюют в этом регионе, приблизилось к семи тысячам человек, которых знают «по именам». Насчет самой цифры, а уж тем более знания установочных данных этих боевиков мы деликатно промолчим. По нашей оценке, более реальной бы выглядела цифра от двух до трех тысяч, да и то по отношению ко всем выходцам из стран бывшего СССР и многочисленной эмиграции выходцев с Кавказа, которые проживают в Европе, Иордании и Турции. Но это не ме-

няет главного. Отношение к последним не должно ни в коем случае повторять печального опыта отношения к трем узникам тюрьмы Гуантанамо из КБР и Татарстана, которых после освобождения и возвращения на родину просто отпустили на «вольные хлеба». В результате такой политики двое участвовали в атаке на Нальчик в составе банды А.Астемирова, а один вернулся в Афганистан и примкнул к талибам. Мотивировки правоохранителей на местах и в центре в этом случае звучали одинаково: «У нас нет оснований их задерживать, они ничего против России не делали». Если таких оснований нет, то найдите их, как хотите, чуть ли не способом Глеба Жеглова во время его истории с задержанием карманника Кирпича в известном фильме «Место встречи изменить нельзя». Вы за это получаете деньги. А что касается оснований, то и ИГ, и «Джабхат ан-нусра» отныне признаны запрещенными в России, и это дает самое главное основание для принятия необходимых мер к такой категории лиц, даже если они «ничего против России раньше и не делали».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении отметим, что основной задачей написания этой книги было продемонстрировать два очевидных момента природы возникновения ИГ. Это прежде всего слом традиционной региональной системы сдержек и противовесов, к которой привели американское вторжение в Ирак и свержение С.Хусейна, а также режим санкций против Ирана. Сейчас этот баланс мучительно восстанавливается. И второе – зарубежное спонсорство джихадитстских группировок типа ИГ и «Джабхат аннусры», что является для аравийских монархий универсальным и единственным средством распространения своего влияния в регионе. Это спонсорство в условиях падения мировых цен на углеводороды в целом является «ахиллесовой пятой» такой политики. И это можно уже наблюдать и по снижению уровня поддержки сирийских повстанцев в рамках направления в их ряды «иностранных добровольцев». Эти потоки джихадистов явно имеют тенденцию к уменьшению.

Попытка перевести ИГ на самостоятельное финансирование путем организации контрабанды нефти и артефактов поначалу работала, но сейчас это поле все более и более сужается. Если правительственным силам при поддержке коалиции (теперь уже речь идет о российско-иранской) удастся взять город Ракку и прервать тем самым контрабанду иракской нефти в Турцию, можно будет начинать обратный отсчет жизни ИГ как влиятельной структуры. Разговоры «о чуме 21 века» в виде ИГ, которая распространяется по миру сама по себе, оставим для обывателей. Для того, чтобы воевать, нужны деньги. Нет денег – нет войны. Вот, собственно, по этой самой при-

чине американцы сейчас и объявили о награде в случае предоставления информации о каналах финансирования ИГ. Хотя шаг этот больше пропагандистский: во-первых, и так все известно, а во-вторых, в истории спецслужб пока не было зафиксированного случая, когда человеку «со стороны» платили какие-то деньги за информацию. Агентам – да, но просто обывателю – нет.

Нынешнее обострение ситуации в формате и так непростых отношений между Тегераном и Эр-Риядом, которые связаны с казнью в КСА шиитского клерикала Нимра ан-Нимра, безусловно открывает новую страницу в истории регионального противостояния по линии шииты-сунниты. И вызвано это прежде всего тем, что Иран с учетом отмены западных санкций и сворачивания своей ядерной программы выходит на новый уровень своего регионального лидерства, который связан прежде всего с началом процесса экспорта углеводородов и модернизации иранской экономики с помощью западных инвестиций. Это воссоздает систему равновесия регионального противостояния, которая естественно будет характеризоваться скрытым и явным противодействием в самых различных форматах, начиная от подрывных акций и спонсирования различных террористических групп. И это соперничество будет лимитировано только финансовыми возможностями КСА и Ирана, что напрямую завязано исключительно на мировые цены на те же углеводороды.

Рискнем выдвинуть очень спорную теорию о том, что нынешний всплеск саудовской активности на внешнеполитическом поле (Сирия и др.) является кульминацией процесса попыток Эр-Рияда стать доминирующей силой на Ближнем Востоке. Попытки Саудовской Аравии создать и возглавить некий арабский суннитский конгломерат явно потерпели неудачу. И основная проблема в данном случае не только в традиционной конкуренции между различными арабскими странами, но и в том, что финансовые ресурсы КСА оказались сильно подорванными. Что в общем-то всегда характерно для всех мессианских

миссий того или иного государства и попыткой стать неким мировым лидером. И этот момент, безусловно, скажется на активности различных джихадистских групп типа ИГ или «Джабхат ан-нусры», которые по своей природе не могут существовать без зарубежного спонсорства и поддержки. Как впрочем, и невозможно придать сугубо националистическим движениям протеста характер «международного глобального исламистского движения». Эти две тенденции рано или поздно начнут активно конфликтовать друг с другом, что мы неоднократно наблюдали в прошлом и что, очевидно, увидим и на примере сирийского конфликта и общего заката того явления, которое сейчас называют «Исламским государством».

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. **"**Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"**Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).

232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).

233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).

236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".

238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".

239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).

240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".

241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).

242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).

243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".

244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).

246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).

247. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль". Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).

248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".

250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".

251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".

252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".

253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).

254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."

255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".

256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".

258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутриполитическое развитие и внешняя политика".

259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".

261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".

262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".

263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".

264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).

265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).

266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года.

267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".

268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".

269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".

271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".

272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".

273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".

274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".

276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**

230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities

232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**

238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**

239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**

241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**

244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of “the party of power”. Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country’s new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. “ «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israely relationship" T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and islamist armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**

267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**

268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in the Jewsh state in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**

271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglovin**

272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)" by **V.Mesamed**.

273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by **N.Podgornova**

274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**

275. "The formation of National innovation system of Israel (1985–2012) by **N.Zhadovec**

276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising. (90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**

Научное издание

Ю.Б. Щегловин

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ «ИСЛАМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ»

Подписано в печать 11.04.2016 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 13,5 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 65

Первая оперативная типография
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12